

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия»

На правах рукописи

Боярских Оксана Сергеевна

**Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература»
в дискурсе российских печатных СМИ (2004 – 2007 гг.)**

10.02.01 – «Русский язык»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор Чудинов А. П.

Нижний Тагил – 2008

Содержание

Введение	4
Глава 1. Теоретические основы исследования прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература» в СМИ	16
1.1. Дискурс СМИ и художественный дискурс: аспекты взаимодействия..	16
1.2. Прецедентные феномены с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.....	33
1.3. Аспекты исследования прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература» в современной лингвистике.....	48
1.4. Методика анализа литературных прецедентных феноменов, функционирующих в дискурсе российских печатных СМИ.....	64
Выводы по первой главе	71
Глава 2. Вербализации литературных прецедентных феноменов в дискурсе российских печатных СМИ	74
2.1. Литературное прецедентное высказывание	75
2.2. Литературное прецедентное имя	89
2.3. Описательные и комбинированные способы вербализации.....	101
Выводы по второй главе	104
Глава 3. Области-источники литературных прецедентных феноменов, используемых в дискурсе российских печатных СМИ	107
3.1. Отечественная литература как источник прецедентности	109
3.1.1. Русская литература XIX века как источник прецедентности....	110
3.1.2. Русская литература XX века как источник прецедентности.....	132
3.1.3. Русский фольклор как источник прецедентности.....	141
3.1.4. Древнерусская литература и литература XVIII века как источник прецедентности.....	147
3.2. Зарубежная литература как источник прецедентности.....	149
Выводы по третьей главе	164

Глава 4. Взаимодействие прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература» в газетно-публицистическом тексте и особенности их восприятия потенциальными читателями.....	166
4.1. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» как организующее звено газетного текста.....	166
4.2. Особенности читательского восприятия литературных прецедентных феноменов, функционирующих в дискурсе печатных СМИ.....	181
Выводы по четвертой главе.....	193
Заключение.....	196
Список использованной литературы.....	202
Список словарей и справочников.....	222
Список источников языкового материала.....	224
Приложение 1. Таблицы, отражающие частотность апелляций к литературным областям-источникам в СМИ.....	225
Приложение 2. Образец анкеты, предложенный информантам в ходе проведения психолингвистического эксперимента.....	228

Введение

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению закономерностей функционирования и восприятия прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ 2004 – 2007 гг.

Актуальность работы обуславливается несколькими факторами. Неизменно возрастающий интерес отечественной лингвистики к языку современной прессы, отражающему, по верному замечанию Е. А. Земской, «все то хорошее и плохое, что свойственно нашей действительности» [Земская 1996: 157], определил активное и разноаспектное изучение современных газетно-публицистических текстов (О. В. Александрова 2002; М. Р. Желтухина 2003, 2004; Е. А. Земская 1996; В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова 2001; Э. А. Лазарева 2004; Л. М. Майданова 2000; А. П. Сковородников 2004б; С. И. Сметанина 2002; Р. Л. Смулаковская 2004; Т. А. Ускова 2003; Е. П. Черногрудова 2003; Т. В. Чернышова 2005; А. П. Чудинов 2001, 2003а, 2003б; А. М. Шестерина 2004; Г. М. Шипицына 2005 и др.). Тексты СМИ в совокупности с экстралингвистическими факторами получили осмысление в качестве особого типа дискурса, осуществляющего не только процесс распространения информации, но и процесс распространения отношения к ней, что не раз отмечалось во многих исследованиях (И. В. Анненкова 2006; М. Р. Желтухина 2003; В. И. Карасик 2004; В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова 2001; Е. А. Нахимова 2007; Е. В. Покровская 2005; И. В. Силантьев 2006; С. И. Сметанина 2002; И. А. Стернин 2003; Ю. М. Фаткабарова 2007; И. Д. Фомичева 2007 и др.).

Свойственные современной коммуникации глобализация и интеграция различных видов и способов вербального взаимодействия коммуникантов обусловили новую научную рефлексию понятия интертекстуальности, ставшего уже традиционным для осмысления специфики художественного творчества. Вместе с тем произошло расширение изначальной трактовки постмодернизма, приведшее к определению его не только как метода художествен-

ного творчества, но и как типа мышления и познания, свойственного современному обществу (И. В. Анненкова 2006; Г. В. Денисова 2003; И. П. Ильин 1999; В. Д. Мансурова 2002; А. П. Сквородников 2004а; С. И. Сметанина 2002 и др.). Все это способствовало возникновению и активному развитию теории прецедентности, опирающейся на основные положения интертекстуальности и ставшей одной из актуальных и дискуссионных проблем в современной филологии. Выделенные отечественными исследователями (Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных) единицы системы прецедентных феноменов изучаются в качестве материализованных знаков интертекстуальности, тезаурусных форм ее существования. Активное развитие когнитивного и культурологического подхода к изучению языковых фактов позволяет рассматривать подобного рода вербальные единицы как один из способов хранения и передачи информации, особым образом структурированное знание, обладающее культурно специфическими коннотациями.

Особенно значимыми для представителей русского лингвокультурного сообщества являются прецедентные феномены со сферой-источником «Литература», ибо русская культура традиционно относится к числу литературоцентричных (Г. В. Денисова 2003, И. В. Кондаков 2005, Д. Б. Гудков 2003б, В. В. Красных 2002, 2003), т. е. характеризуется регулярными апелляциями русского человека в разнообразных видах дискурса к литературным источникам с целью анализа и оценки различных явлений реальной действительности. Данные анализ и оценка оказываются возможными потому, что литературное произведение – это одновременно и «вместилище» определенного круга чувств и мыслей, принадлежащих автору и им выражаемых, и «возбудитель» (стимулятор) собственной духовной инициативы и энергии читателя (В. С. Хализев 2005).

В силу перечисленных выше факторов изучение закономерностей использования и восприятия литературных прецедентных феноменов в дискуссе печатных СМИ представляется весьма перспективным и отвечающим современным тенденциям в развитии науки о языке. Подобное исследование по-

зволяет выявить наиболее актуальные для различных по социальному статусу, степени образованности и т. д. представителей русского лингвокультурного сообщества художественные тексты, имена их авторов и способы их включения в газетно-публицистический дискурс, традиционно обращенный к массовому, т. е. количественно неопределенному и неоднородному адресату. Анализ особенностей восприятия потенциальными читателями прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература», функционирующих в дискурсе СМИ, оказывается значимым для выделения и описания факторов, затрудняющих узнавание и интерпретацию литературных прецедентных феноменов или, наоборот, способствующих их адекватному пониманию.

Объектом исследования являются прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ 2004 – 2007 гг.

Предметом исследования выступают функционально-семантические, генетические и прагматические особенности прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература», функционирующих в дискурсе российских печатных СМИ 2004 – 2007 гг.

Цель настоящей диссертации состоит в исследовании тезауруса, механизмов употребления и особенностей восприятия литературных прецедентных феноменов в дискурсе российских печатных СМИ 2004 – 2007 гг.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) определить характеристики дискурса современных печатных СМИ и аспекты его взаимодействия с художественным дискурсом, служащим источником исследуемых вербальных единиц;
- 2) обобщить теоретические основы изучения прецедентных феноменов в целом и литературных прецедентных феноменов в частности;
- 3) разработать методику комплексного анализа прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература», используемых в дискурсе российских печатных СМИ 2004 – 2007 гг;

- 4) выявить способы вербальной репрезентации, семантические и функциональные особенности литературных прецедентных феноменов в дискурсе СМИ;
- 5) классифицировать литературные прецедентные феномены по генетическому принципу путем создания типологии областей источников;
- 6) охарактеризовать на примере анализа конкретных публикаций изучаемые прецедентные феномены в качестве единиц, способных выступать в роли организующего звена газетного текста;
- 7) установить особенности узнавания и интерпретации потенциальными читателями литературных прецедентных феноменов, использующихся в дискурсе печатных СМИ.

Материалом исследования послужили различные по жанровой принадлежности и общественно-политической окраске газетно-публицистические тексты, опубликованные в высокотиражных общероссийских и – реже – региональных изданиях: «Аргументы и факты», «Завтра», «Известия», «Комсомольская правда», «Новая газета», «Новое время», «Российская газета», «Тагильский рабочий», «Труд», «Уральский рабочий» и др. Всего было рассмотрено около 1000 текстов и методом сплошной выборки отобрано более 2000 прецедентных феноменов, использовавшихся в газетных публикациях в период с 2004 по 2007 гг.

Методологической базой исследования стали основные положения теории дискурса (Н. Д. Арутюнова 1998; Р. Водак 1997; Т. А. ван Дейк 1989; В. И. Карасик 2000, 2004; Ю. Н. Караулов, В. В. Петров 1989; Е. С. Кубрякова 2004б; М. Л. Макаров 2003; Ю. Е. Прохоров 2004, К. Ф. Седов 2004), в том числе дискурса СМИ (М. Н. Володина 2004; М. Р. Желтухина 2004; Н. И. Клушина 2003, 2007; Е. С. Кубрякова 2004а; И. В. Силантьев 2006; С. И. Сметанина 2002; Г. Я. Солганик 2003; И. А. Стернин 2003; Е. И. Шейгал 2004), теории интертекстуальности (Р. Барт 1989; М. М. Бахтин 1986; Г. В. Денисова 2003; И. П. Ильин 1999; С. В. Ионова 2006; Ю. А. Кристева 1995; Н. А. Кузьмина 2004; Ю. М. Лотман 1992, Н. А. Фатеева 1997, 2000,

М. Фуко 1996, А. Д. Шмелев, Е. Я. Шмелева 2007; М. Б. Ямпольский 1993), теории прецедентных текстов и прецедентных феноменов (Л. И. Гришаева 2003, 2004; Д. Б. Гудков 1994, 1997, 2003а, 2003б; М. Я. Дымарский 2004; И. В. Захаренко 1997; Ю. Н. Караулов 1987; В. В. Красных 1997, 2001, 2002, 2003; В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова 1994, 2001; Е. А. Нахимова 2004а, 2004б, 2007; Ю. Е. Прохоров 2006; Г. Г. Слышкин 2000, 2004; Р. Л. Смулаковская 2004; А. Е. Супрун 1995).

В диссертации использовался комплекс различных научных **методов**, включающий дискурсивный анализ, когнитивное исследование, моделирование объекта, метод статистической обработки данных, метод психолингвистического эксперимента. При обобщении, систематизации и интерпретации результатов наблюдений применялся описательный метод. Были востребованы также элементы контекстуального анализа и общенаучные методы наблюдения, обобщения и сопоставления. В процессе исследования, помимо лингвистических, привлекались общефилологические, лингвокогнитивные и лингвокультурологические данные, необходимые для анализа исследуемых единиц с учетом национального своеобразия русской культуры.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что данная работа вносит вклад в развитие теории дискурсивных взаимодействий, позволяющей выявить связи между литературным и медийным дискурсом. Уточнены особенности функционирования литературных по дискурсу-источнику прецедентных феноменов с учетом сферы их бытования – дискурса печатных СМИ. Расширены представления об образной организации публицистического текста, использующего литературные прецедентные феномены: помимо уже имеющих в лингвистических работах обозначения «цилиндр», «песочные часы» для описания способов образной организации газетного текста, введено обозначение «ромб», призванное отразить структуру некоторых публикаций. Определены факторы, влияющие на характер узнавания и интерпретации прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература», используемых в дискуссе СМИ: субъективные, связанные с

имеющимися у читателя фоновыми знаниями и актуализирующиеся на этапе узнавания, и объективные (текстовые), особо значимые на этапе интерпретации.

Научная новизна диссертации заключается в том, что она является первым исследованием, посвященным комплексному описанию закономерностей употребления и восприятия литературных прецедентных феноменов в дискурсе российских печатных СМИ. В результате были выявлены различные способы апелляции к литературной сфере (вымышленное / реальное литературное прецедентное имя; литературное прецедентное высказывание с актуализацией поверхностного / глубинного₁ / глубинное₂ значения; описательные отсылки) и функциональная специфика данных апелляций (денотативное / коннотативное использование литературных прецедентных имен; экспрессивно-стилистическое / аргументативно-афористическое / семиотическое употребление литературных прецедентных высказываний; семиотический характер описательных отсылок). Создана типология наиболее востребованных медийным дискурсом литературных областей-источников. Описаны способы взаимодействия прецедентных феноменов с источниковой сферой «Литература» внутри газетного текста. Определены основные этапы восприятия литературных прецедентных феноменов, используемых в СМИ, и факторы, повышающие или снижающие вариативность читательской интерпретации.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов в лексикографической практике (в том числе при подготовке последующих изданий лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство» или других изданий подобного рода). Материалы диссертации и наблюдения, полученные при рассмотрении газетно-публицистических текстов, могут быть применимы в практике вузовского преподавания русского языка, риторики, стилистики, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Отдельные положения и выводы данной работы могут быть полезны также и литературоведам, интересующимся по-

тенциальными возможностями художественных текстов и влиянием последних на характер медийного дискурса.

Апробация материалов исследования. Материалы диссертации обсуждались на заседании кафедры русского языка Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Основные положения исследования излагались автором на международных научных конференциях «Современное открытое образовательное пространство: проблемы и перспективы» (Екатеринбург 2007), «Культура русской речи» (Звенигород 2007), «Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России» (Екатеринбург 2007), на общероссийских научных конференциях «Актуальные проблемы лингвистики: Уральские лингвистические чтения» (Екатеринбург 2006, 2007), «Система и среда: язык, человек, личность» (Нижний Тагил 2007), на региональных научных конференциях «Этнокультурное пространство региона и языковое сознание» (Тюмень 2005); «Риторика и лингвокультурология» (Екатеринбург 2005); «Проблемы культуры речи в современном коммуникативном пространстве» (Нижний Тагил 2006).

Результаты исследования нашли отражение в следующих публикациях:

Раздел 1. В издании, включенном в реестр ВАК МОиН РФ:

1. Боярских, О. С. Литературные прецедентные феномены в восприятии студентов / О. С. Боярских // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской академии наук. – 2007. – № 6 (10). – С. 109 – 117.

Раздел 2. В сборниках научных трудов и материалов докладов на научно-практических конференциях:

2. Боярских, О. С. Вербализация литературных прецедентных феноменов в СМИ / О. С. Боярских // Современное открытое образовательное пространство: проблемы и перспективы: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 27 – 29 марта 2007 г. – Екатеринбург : ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Урал. изд-во, 2007. – С. 238 – 240.

3. Боярских, О. С. Интерпретационная вариативность при восприятии литературного прецедентного имени / О. С. Боярских // Актуальные проблемы лингвистики: Уральские лингвистические чтения – 2007: материалы ежегодной научной конференции, Екатеринбург, 1 – 2 февраля 2007 г. – Екатеринбург : ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Урал. изд-во, 2007. – С. 26 – 27.
4. Боярских, О. С. Историко-национальная характеристика прецедентных феноменов со сферой-источником «Зарубежная литература» (на материале российских печатных СМИ) / О. С. Боярских // Актуальные проблемы лингвистики: Уральские лингвистические чтения – 2006: материалы ежегодной научной конференции, Екатеринбург, 1 – 2 февраля 2006 г. – Екатеринбург : ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Урал. изд-во, 2006. – С. 27 – 28.
5. Боярских, О. С. О метафорическом употреблении прецедентных имен в дискурсе СМИ (на примере имен героев художественных произведений) / О. С. Боярских // Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. Ученые записки. Филологические науки / Отв. ред. Н. Е. Букина. – Нижний Тагил, 2005. – С. 31 – 33.
6. Боярских, О. С. Особенности употребления некоторых прецедентных имен со сферой-источником «Литература» в современной российской прессе / О. С. Боярских // Этнокультурное пространство региона и языковое сознание: материалы научно-практической конференции, в 2-х ч., Тюмень, 11 октября 2005 г. / под общ. ред. Н. К. Фролова. – Тюмень : Тюменский государственный университет, 2006. – Ч. 2. – С. 6 – 11.
7. Боярских, О. С. Прецедентное высказывание в газетном тексте: особенности читательского восприятия / О. С. Боярских // Политическая лингвистика. Вып. (1) 21 / гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург : ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Урал. изд-во, 2007. – С. 64 – 69.
8. Боярских, О. С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература и фольклор народов Азии» в российских печатных СМИ / О. С. Боярских // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России: материалы международной

научной конференции, Екатеринбург, 12 – 14 ноября 2007 г. / Урал. гос. пед. ун-т / гл. ред. Игошев Б. М. – Екатеринбург, 2007. – С. 117 – 118.

9. Боярских, О. С. Специфика исследования прецедентных феноменов с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии / О. С. Боярских // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Вып. 9. – Нижний Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. – С. 19 – 29.

10. Боярских, О. С. Трансформация литературно-прецедентных феноменов в дискурсе российских печатных СМИ / О. С. Боярских // Проблемы культуры речи в современном коммуникативном пространстве: материалы межвузовской научной конференции / отв. ред. Т. С. Кириллова. – Нижний Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. – С. 115 – 118.

11. Боярских, О. С. Художественная литература как сфера-источник прецедентных единиц, функционирующих в современной российской прессе / О. С. Боярских // Риторика и лингвокультурология: материалы межвузовской научной конференции, посвященной юбилею Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург, 25 – 26 ноября 2005 г. – Екатеринбург : ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Урал. изд-во, 2005. – С. 15 – 16.

Положения, выносимые на защиту:

1. Традиционная для русского национального сознания апелляция к литературным источникам (и именам их авторов) является одним из важных средств, осуществляющих концептуализацию, категоризацию и оценку действительности в современных печатных средствах массовой информации, а также способствующих персонализации дискурса СМИ как разновидности институционального общения.
2. В дискурсе средств массовой информации 2004 – 2007 гг. в качестве основных способов вербальной репрезентации литературных прецедентных феноменов используются следующие единицы: литературные прецедентные

высказывания, выполняющие экспрессивно-стилистическую, аргументативно-афористическую или семиотическую функцию; литературные прецедентные имена, функционирующие денотативно или коннотативно, а также описательные отсылки к художественным произведениям, обнаруживающие семиотический характер их употребления. При этом для литературных прецедентных высказываний преобладающим является экспрессивно-стилистическое функционирование, а для литературных прецедентных имен – коннотативное.

3. Использование тех или иных литературных прецедентных феноменов в дискурсе российских печатных СМИ связано с национальными особенностями культуры, которые проявляются в доминировании прецедентных феноменов, относящихся к отечественной культуре, а также к литературным источникам из европейских стран, с которыми имеются тесные культурные связи.

4. Диффузность, дисперсионность корпуса прецедентных феноменов обуславливает трансферный характер некоторых литературных прецедентных феноменов. Генетически восходящие к литературной сфере прецедентные феномены при синхроническом срезе обнаруживают тесную связь с другими сферами культурного знания – «Театр», «Кинематограф», «Мультипликация». Прецедентные феномены могут характеризоваться наличием нескольких областей-источников и в рамках литературной сферы. Прежде всего это относится к фольклорным произведениям, служащим материалом для авторских литературных переработок, а также к известным литературным сюжетам, художественно переосмысленным различными по национальной принадлежности писателями.

5. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в текстах современных средств массовой информации часто становятся фактором, обеспечивающим связность и целостность компонентов текста. При этом используются особые способы прецедентной организации текста, условно обозначенные как «цилиндр», «песочные часы» и «ромб» (первые два обозначения уже использовались в лингвистических исследованиях, а третье – пред-

ложено в настоящей диссертации). Подобные способы организации текста усиливают функцию воздействия на адресата и организуют его интерпретативную деятельность.

б. Восприятие, т. е. узнавание и интерпретация, литературных прецедентных феноменов, функционирующих в дискурсе печатных российских СМИ, с одной стороны, обусловлено наличием соответствующих фоновых знаний у адресата, а с другой – спецификой самого прецедентного знака и характером его употребления в тексте. Значительная часть используемых в тексте прецедентных феноменов не воспринимается читателями в роли прецедентных, что существенно ослабляет прагматический эффект.

Композиция диссертации определяется ее задачами, отражает основные этапы и логику развития исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, а также включает списки использованной литературы, словарей, источников языкового материала и приложения.

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы; определяются объект и предмет исследования; обозначается его цель и задачи; указывается материал, методология и методы исследования; раскрывается его научная новизна, теоретическая и практическая значимость; приводятся сведения об апробации работы, а также формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе представлена теоретическая база исследования прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература», функционирующих в дискурсе печатных российских СМИ. Рассматриваются значимые для данной работы аспекты взаимодействия художественного и газетно-публицистического дискурса. Определяется специфика исследования прецедентных феноменов с лингвокогнитивных и лингвокультурологических позиций. Осуществляется обзор публикаций, в которых рассматриваются литературные прецедентные феномены, используемые в различных видах дискурса. Предлагается методика комплексного изучения прецедентных феноменов с литературной источниковой сферой, функционирующих в современных га-

зетно-публицистических текстах.

Вторая глава посвящена характеристике функционально-семантических особенностей исследуемых вербальных единиц. Выделяются способы вербальной апелляции к литературной сфере в современном дискурсе СМИ. Каждый из выделенных способов последовательно анализируется в семантическом, когнитивном, функциональном и формальном аспектах.

В третьей главе осуществляется генетическое исследование прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература». Формируются, классифицируются и последовательно описываются литературные области-источники прецедентности, объединяющие апелляции к имени (личности) и творчеству конкретного писателя.

В четвертой главе исследуется прагматический потенциал литературных прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе российских печатных СМИ: данные единицы рассматриваются в качестве организующего звена газетного текста, скрепляющего его отдельные компоненты; определяются особенности восприятия литературных прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература».

В заключении подведены итоги исследования и намечены перспективы дальнейшего изучения литературных прецедентных феноменов.

Диссертация содержит **приложения**. В качестве приложений в работу включены таблицы ко второй главе работы, отражающие частотность апелляций к различным литературным областям-источникам, а также образец анкеты, предложенный информантам в ходе проведения психолингвистического эксперимента, результаты которого представлены в четвертой главе.

ГЛАВА 1. Теоретические основы исследования прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература» в СМИ

Основная задача данной главы – определение исходной теоретической базы, которая в последующих разделах диссертации послужит основой для изучения прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература», востребованных дискурсом российских печатных СМИ.

Для решения поставленной задачи необходимо:

- выработать рабочее определение дискурса СМИ, охарактеризовать специфику последнего, обозначив его взаимосвязи, релевантные для данного исследования, с художественным дискурсом;
- рассмотреть специфику лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов к изучению прецедентных феноменов и определить понятийно-терминологический аппарат, необходимый для исследования данных единиц в дискурсе СМИ;
- систематизировать существующие в лингвистической литературе аспекты анализа прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература»;
- разработать методику комплексного исследования литературных прецедентных феноменов в дискурсе российских печатных СМИ.

Решению данных проблем и подчинена композиция настоящей главы.

1. 1. Дискурс СМИ и художественный дискурс: аспекты взаимодействия

Теория дискурса на современном этапе развития науки находится в стадии формирования и только делает первые шаги на пути самоопределения. В связи с этим в современной науке нет единства в толковании значения термина *дискурс*. Будучи впервые употребленным в качестве термина американским лингвистом А. Хэррисом в 1952 году в статье, посвященной анализу языка рекламы, слово *дискурс* становится понятием, широко применимым не только в современной лингвистике, но и социологии, политологии, логике,

философии [Менджерицкая 1997: 130]. М. Л. Макаров в связи с этим весьма удачно сравнивает значимость категории *дискурса* для современной науки с той ролью, которая отведена *евро* в европейской экономике [Макаров 2003]. Сфера употребления данной терминологической единицы, таким образом, настолько широка, что появляется возможность говорить о ее полисемии. Заметим, что полисемичность при этом прослеживается не только на обозначенном горизонтальном уровне (т. е. в разных науках), но и на вертикальном (т. е. на разных уровнях собственно лингвистики). При всем многообразии трактовок данного термина с лингвистических позиций (см., например, обзоры в [Бисималиева 1999, Макаров 2003, Карасик 2004, Петрова 2003, Прохоров 2004, Чернявская 2001, Чудинов 2003, Шейгал 2004 и др.]) в большинстве работ отечественных и зарубежных ученых сложилась традиция, в рамках которой *дискурс* рассматривается как «целостное речевое произведение в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций» [Седов 2004: 7]; «связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами», как «речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова 1998: 136 – 137].

Введение в теорию и практику лингвистических исследований понятия дискурса при уже имеющихся *язык* и *речь* было во многом обусловлено критическим отношением к противопоставлению знания языка его использованию в трудах Н. Хомского [Хомский 1972]. Дискурсивное направление исследований возникло, как отмечают Е. С. Кубрякова и Л. В. Цурикова, в контексте противопоставления функционализма формализму, представляющих собой «крайние точки на шкале различных интерпретаций языка» [Кубрякова 2004а: 134 –135]. В связи с этим дискурс, с одной стороны, мыслится как речь, вписанная в определенную коммуникативную ситуацию и потому имеющая более отчетливо выраженное социальное содержание (по сравнению с речевой деятельностью индивида), а с другой стороны, дискурсивная практика осуществляется в виде некоторого вербального построения, обладающего определенной структурой и соотносимого с понятием *текста*.

Вопрос о взаимосвязях понятий *дискурса* и *текста* в современной теории дискурса также относится к числу дискуссионных, ибо нет четких критериев их разграничения. Для дифференциации данных явлений, определения их места в иерархии лингвистических феноменов обычно используется принцип двучленного противопоставления (дихотомии) их некоторых существенных признаков. Так, например, Е. И. Шейгал в монографии «Семиотика политического дискурса», обобщая предшествующий опыт, выделяет следующие дихотомии:

1. Категория дискурса относится к области лингвосоциального, в то время как текст – к области лингвистического. Данное сопоставление позволяет трактовать дискурс как «текст *плюс* ситуация», а текст, соответственно, как «дискурс *минус* ситуация» (см. [Макаров 2003: 87]).
2. Дискурс предстает как явление деятельностное, процессуальное, связанное с реальным речепроизводством, а текст – как продукт речепроизводства, имеющий определенную законченную и зафиксированную форму.
3. Дискурс рассматривается как реальное речевое событие, разворачиваемое во времени, текст же лишен жесткой прикрепленности к реальному времени и представляет собой абстрактный ментальный конструкт, реализующийся в дискурсе [Шейгал 2004: 10 –11].

Несколько иной подход к решению вопроса о взаимосвязях категорий *язык*, *речь*, *текст*, *дискурс* предлагается В. В. Богдановым, рассматривающим *дискурс* как родовой термин по отношению к видовым *текст* и *речь* [Богданов 1993: 6]. Вследствие этого дискурс понимается широко – как все, что говорится и пишется, как речевая деятельность, являющаяся в «то же время и *языковым материалом*» (Л. В. Щерба), причем в любой его репрезентации – звуковой и графической [Макаров 2003: 90]. С подобной трактовкой коррелирует и определение дискурса, предложенное Ю. Н. Карауловым и В. В. Петровым, которое принимается в настоящей работе в качестве осново-

полагающего: «дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов 1989: 8]. Данный подход снимает выраженность описанных Е. И. Шейгал оппозиций, но, как нам кажется, не исключает их значимости.

Другая важная проблема, возникающая при теоретическом осмыслении феномена дискурса в силу его глобальности, масштабности, сопряжена с описанием функциональной структуры и категориальных признаков разных его типов, в основе выделения которых – специфика реально протекающей деятельности людей [Кубрякова 2004а: 138]. И здесь возможны различные подходы, не взаимоисключающие, но дополняющие друг друга.

Так, например, как указывает В. И. Карасик, с позиций прагматики анализ различных типов дискурса ориентирован на исследование «интерактивной деятельности участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга» и др. [Карасик 2000: 5]. С позиций социолингвистики – на «анализ участников общения как представителей той или иной социальной группы и анализ обстоятельств общения в широком социокультурном контексте» [Карасик 2000: 5]. Ориентируясь на то, в каком качестве предстает субъект общения в той или иной ситуации общения, и учитывая контекст последней, В. И. Карасик выделяет два основных типа дискурса: персональный и институциональный. «В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института» [Карасик 2000: 6].

Персональный (или личностно-ориентированный) дискурс, в свою очередь, подразделяется на бытовой (представляющий собой пунктирное общение в ситуации сокращенной дистанции и характеризующийся повышенной семантической нагрузкой на невербальную коммуникацию) и бытийный (ориентированный на насыщенное смыслами общение развернутого характера, репрезентированное произведениями философской, художественной и

психологической литературы) [Карасик 2004: 289 – 304]. В рамках последнего представляется возможным говорить о *художественном дискурсе* как особом виде коммуникации [Арутюнова 1981]. Современными исследователями художественный дискурс определяется как «специфически структурированная форма языкового существования разнородных смыслов, сформированная национальной эстетической традицией и художественной картиной мира, представляющая собой пространство рассеянного множества высказываний, упорядоченных на основе тематического принципа и детерминированных эстетически» [Любимова 2001: 283]. При этом эстетическую детерминированность следует считать его конститутивным признаком.

В институциональном (или статусно-ориентированном) дискурсе актуализируются «ролевые характеристики агентов и клиентов институтов, типичные хронотопы, символические действия, трафаретные жанры и речевые клише. Институциональное общение – это коммуникация в своеобразных масках» [Карасик 2000: 12]. В данном случае участники коммуникации предстают как личности «параметризованные», т. е. выявляющие в акте речи одну из своих социальных функций [Арутюнова 1981: 357], как представители определенного социального института, носители некоего социального статуса. К институциональным типам дискурса относятся юридический, педагогический, научный, дискурс СМИ (называемый также как масс-медиаальный, массово-информационный, журналистский, газетно-публицистический). Последний, в соответствии с принятым определением дискурса, можно трактовать как связный устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов [Сметанина 2002: 10; Желтухина 2004: 132].

Выделение данных типов является важным этапом на пути развития теории дискурса, однако, как отмечает И. В. Силантьев, опираясь на мысли

М. Пешё, «всякий дискурс – в силу того, что существует и функционирует в системе других дискурсов – отражает в своем «телесном» составе, в репертуаре своих, в том числе возможных высказываний, – другие и многие дискурсы, и следы этих отражений мы обнаруживаем в текстах» [Силантьев 2006: 31].

Очевидно, что степень выраженности данного признака в том или ином дискурсе может быть различной. Если говорить о дискурсе СМИ, то для него проблема дискурсных взаимодействий оказывается весьма значимой в силу возможности отражения в нем всех других видов коммуникации. На эту особенность дискурса СМИ не раз указывали многие исследователи [Александрова 2002; Батурина 2004, Каравичева 2005, Карасик 2004, Лысакова 2005, Малычева 2001, Русский язык 2000, Стернин 2003].

Специфика дискурса СМИ связана с наличием в нем обоих полюсов: и институциональности, и персональности. Полюс институциональности соотносится с различными аспектами деятельности СМИ, которые предстают как некая гипер-фабрика производства и распространения общественно значимой информации и в которых работают, скорее, не авторы, а технологи дискурсов – новостного, рекламного, развлекательного, политического и др. [Силантьев 2006: 35]. Полюс персональности соотносим с творчеством журналиста-автора как некоей проникновенной духовно-публицистической деятельностью, в рамках которой журналист – это полнокровный автор и писатель, нередко при этом совмещающий журналистику с авторством в художественной литературе или литературной критике [Силантьев 2006: 34 – 35]. Думается, что именно на полюсе персональности и обнаруживаются значимые аспекты взаимодействия художественного и масс-медиа дискурсов.

Взаимосвязанность и взаимообусловленность данных форм общения является генетической и особенно показательна в отношении нашей страны. Как отмечают современные исследователи дискурсивной деятельности СМИ, в качестве ведущей функции в рамках масс-медиа выступает коммуникативно-когнитивная функция [Кубрякова 2004а]. Специфика ее заключается, с

одной стороны, в ориентации на массового адресата, общение с которым, по сути, носит односторонний характер, а с другой – в распространении «особым образом препарированной, обработанной и сиюминутной информации» [Кубрякова 2004а: 155]. В России в силу особенностей ее культурно-исторического развития данная функция первоначально была возложена именно на художественную литературу. А. Герцен в своей работе «О развитии революционных идей в России» писал: «У народа, лишенного общественной свободы, литература – единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести. Влияние литературы в подобном обществе приобретает размеры, давно утраченные другими странами Европы» [Герцен 1964: 339]. Это утверждение, по справедливому замечанию И. В. Кондакова, можно считать «своего рода символическим эпиграфом к истории русской классической культуры XIX века» [Кондаков 2005: 394]. Еще одной знаковой для истории России мыслью, но уже в XX веке, является, на наш взгляд, цитата из поэмы Е. Евтушенко «Братская ГЭС»: *Поэт в России – больше, чем поэт.*

Другими словами, для истории культуры России, взятой как целое, литература – в силу специфически стесненных общественно-политических условий развития – выполняет миссию нескольких составляющих культуры одновременно (философии, морали, религии, публицистики и др.). За счет способности метафорически, иносказательно говорить то, о чем нельзя сказать прямо, буквально, она может непосредственно служить гласности в обществе в своей основе безгласном [Кондаков 2005: 394], примером которого до недавнего времени являлась наша страна. С другой стороны, за счет этой же способности метафорического моделирования действительности посредством художественных образов литература может быть формой пропаганды определенных политических взглядов, способом идеологизации сознания (иллюстрациями в данном случае являются, например, пропаганда идеологически маркированных художественных текстов во времена существования СССР, политическая мемуаристика нашего времени и др.).

Хотя тоталитаризм советской эпохи и абсолютная монархия царской России ушли в прошлое, подобная идеологическая корреляция художественной литературы и СМИ продолжает существовать, но в менее ярко выраженной форме. И для текстов масс-медиа, и для художественного дискурса возможен социальный заказ с целью утверждения или разрушения стереотипов, создания или разоблачения социально-политических мифов, критического осмысления и интерпретации прошлого с проекцией в настоящее, формирования определенной ценностной картины мира [Шейгал 2004: 30; Желтухина 2004: 138].

Другой аспект взаимодействия художественного дискурса и дискурса СМИ – социопрагматический. Н. Д. Арутюнова отмечает, что прагматическое значение речевого акта чувствительно как к говорящему субъекту, хотя бы даже и «параметризованному», так и фактору адресата [Арутюнова 1981: 357]. В этом смысле художественный дискурс и дискурс СМИ также обнаруживают некоторые точки пересечения. Например, по отношению к авторству на шкале «индивидуальность – коллективность» первый занимает одну из полярных позиций, ибо автор художественного произведения всегда *индивидуален* (даже если их несколько) и значим для читателя. В этом смысле художественный дискурс противопоставлен таким формам институционального общения, где автор текста не обозначен, ибо он не важен и чаще всего является коллективным (например, политические листовки, правовые акты, медицинские рецепты и др.). Дискурс СМИ в данном случае занимает промежуточную позицию, и авторство в нем определяется как *индивидуально-коллективное* [Сухорукова 2004: 106 – 107], т. к. в создании текстов массовой коммуникации участвует как целая организация (институт), включающая определенное количество людей, представляющих общие интересы, так и отдельная творческая личность – журналист. Адресат СМИ, в свою очередь, традиционно характеризуется как *массовый*, т. е. количественно неопределенный, неоднородный, анонимный, рассредоточенный [Волков 2003, Костомаров 1971, Сухорукова 2004, Чудинов 2001]. Думается, что подобная

характеристика в принципе применима и к адресату художественных произведений, ибо, как отмечает В. А. Лукин, «функциональная неопределенность художественного текста не обуславливает никаких конкретных черт получателя» [Лукин 2005: 357]. В качестве подтверждения этой мысли можно привести слова К. Г. Паустовского: «Но в конце концов я пишу для всех, кто захочет прочесть написанное мною» (цит. по [Лукин 2005: 358]). Перечисленные характеристики адресата непосредственно учитываются создателями медиа-текстов. В отношении же художественного творчества степень их актуализированности определяется популярностью и многотиражностью того или иного произведения, получая особенно яркое выражение в современной массовой литературе, «не требующей особого литературно-художественного вкуса и эстетического восприятия и доступной разным возрастам и слоям населения, независимо от их образования» [Современная 2005: 213].

Пересечение дискурса СМИ с художественным в социопрагматическом аспекте обнаруживается также и в реализуемой ими функции воздействия. В современной психологии под воздействием понимается «информационные изменения в одной системе при ее взаимодействии с другой системой, которая передает информацию в форме сигналов, ориентирующих систему о смысле и значении сообщений» [Еникеев 2002: 33]. Психолингвистика в рамках теории воздействия оперирует понятием речевого воздействия, имеющим широкую и узкую трактовку. В первом случае речевое воздействие определяется как любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, которая адекватно описывается схемой субъект объект [Леонтьев 1997: 256, Тарасов 1990: 5]. Во втором – как «речевое общение в системе средств массовой информации или агитационном выступлении» [Тарасов 1990: 5], где существенное значение приобретает понятие суггестивности. Под суггестивностью в данном случае следует понимать «процесс воздействия на психику адресата, на его чувство, волю и ра-

зум, связанный со снижением сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации» [Желтухина 2003: 21].

Сопряженность художественного дискурса и дискурса СМИ при расширительной трактовке речевого воздействия очевидна, т. к. и для художественного творчества, и для масс-медиальной деятельности характерна целенаправленность, обусловленная стремлением не только познать объекты реальной действительности, но и выявить их значение, т. е. отнести к ценности [Сметанина 2002: 16 – 17]. При этом, попадая в ценностно-осмысляющую сферу, журналистика смыкается в ней с художественной деятельностью, ибо, как справедливо отмечает С. И. Сметанина, опираясь на работы философа М. С. Кагана, результат художественного творчества и явления реальной действительности измеряются сходными ценностными мерками – эстетическими и нравственными, политическими и религиозными, экзистенциальными [Сметанина 2002: 20].

Необходимо отметить, однако, что функция воздействия одновременно и объединяет тексты СМИ и художественной литературы, и разделяет их, что объясняется ее различной природой и проявляется как в формах осуществляемого воздействия, так и его целях. Если говорить о формах, то следует обратить внимание на различные способы выражения авторской позиции в данных дискурсах. Позиция автора-публициста обычно (хотя и не всегда) выражается прямо, открыто. Позиция же автора-художника обычно проявляется в сложной и нередко многоплановой речевой и композиционной структуре художественного произведения [Смелкова 2000: 92]. Говоря о целях, необходимо отметить, что в дискурсе СМИ речевое воздействие выступает в качестве социально ориентированного общения и «предполагает изменение в социально-психологической и социальной структуре общества или стимуляцию прямых социальных действий через воздействие на психику членов данной социальной группы или общества в целом» [Леонтьев 1997: 256]. В художественном дискурсе, в силу принадлежности его текстов сфере искусства, функция воздействия сопряжена с эстетическим наслаждением, с

возникающими у адресата эмоциями не только по поводу содержания произведения, но и в связи с его формой [Выготский 1987: 33, 37]. Л.С. Выготский в своей работе «Психология искусства» писал, что «всякое произведение искусства естественно рассматривается психологом как система раздражителей, сознательно и преднамеренно организованных с таким расчетом, чтобы вызвать эстетическую реакцию» [Выготский 1987: 27].

Второй, более узкий подход, акцентируясь лишь на СМИ, выводит художественную литературу за рамки теории речевого воздействия, оставляя право изучения специфики ее воздействующей силы за психоэстетикой. Однако, как отмечает С. И. Сметанина, при реализации ценностно-осмысляющей и в связи с этим воздействующей функции масс-медиа деятельность не только коррелирует с художественной, но и сама опирается на нее, на ее творческие ресурсы, в результате чего и осуществляется воздействующая функция прессы: реальное событие получает ценностные, эмоционально-образные коннотации [Сметанина 2002: 18]. Другими словами, речевое воздействие в СМИ, будучи социально ориентированным, стилистические ресурсы своей, зачастую суггестивной, силы черпает именно из художественной сферы. При этом в качестве воздействующего начала выступает текст во всей полноте своих языковых и содержательных характеристик [Леонтьев 1997: 258].

Исследуя специфику речевого воздействия в СМИ, М. Р. Желтухина замечает, что свойственная масс-медиа дискурсу глобальная коммуникативная интенция оказания речевого воздействия стратифицируется на ряд частных микроинтенций, обуславливая тем самым существование весьма мощной и разветвленной жанровой системы данного дискурса, включающей тексты различной жанровой природы [Желтухина 2004: 134]. При жанровой дифференциации масс-медиа дискурса особую значимость приобретает коммуникативный подход. В его основе лежит разработанная М. М. Бахтиным теория речевых жанров, согласно которой «тематическое содержание, стиль и композиционное построение неразрывно связаны в целом высказывания и

одинаково *определяются спецификой данной сферы общения*» [Бахтин 1986а: 428, курсив наш]. В связи с этим с позиций коммуникативной лингвистики жанр трактуется как специфическая динамичная модель структурно-композиционной и языковой организации некоторой коммуникативной разновидности текстов с экстралингвистической основой, отождествляемая с текстом (см. [Желтухина 2004: 133 – 134]). При этом в качестве критерия, жанрово дифференцирующего масс-медиаальный дискурс, выделяется доминирующая в речевом акте коммуникативная интенция. Являясь основой текстообразования, она задает формально-структурный и содержательно-смысловой объем жанров языка СМИ и, получив воплощение в тексте, определяет функциональную направленность речевого (текстового) общения [Желтухина 2004: 134].

Традиционно выделяются три группы жанров СМИ: *информационные, аналитические, художественно-публицистические* [Смелкова 2000: 152], – отличающиеся доминирующим в них коммуникативным намерением информирования или воздействия, что, в свою очередь, определяет различные способы моделирования внеязыковой действительности, различное соотношение в них экспрессии и стандарта [Костомаров 1971: 61].

Очевидно, что корреляция масс-медиаального дискурса и дискурса художественной литературы наиболее отчетливо обнаруживается в области художественно-публицистических жанров, в которых преобладает эмоционально-образное воздействие на адресата и тесно переплетаются черты публицистики и художественности. К ним традиционно относятся очерк, фельетон, памфлет, пародия [Смелкова 2000: 240]. Менее выражено, но также весьма значимо взаимодействие художественного и масс-медиаального дискурсов в сфере аналитических жанров, органично соединяющих анализ и оценку описываемых фактов и явлений и призванных прежде всего воздействовать на читателя, убедить его в правильности авторской позиции. Среди них выделяются статья, отчет, обозрение, рецензия [Смелкова 2000: 208]. Для информационных жанров использование тех или иных средств художественной выразительности в

целом не характерно, ибо они имеют основной целью сообщить читателю о том или ином факте, событии [Клушина 2003: 269]. Данная жанровая классификация по ведущей функции и используемым стилистическим ресурсам является традиционной и устоявшейся. Однако Г. Я. Солганик, исследуя особенности языка и стиля современной газеты, говорит о наметившейся тенденции к исчезновению с ее страниц некоторых жанров (очерка, фельетона, передовой статьи), упразднению жанровых перегородок, синтезированию различных жанров [Солганик 2003: 264].

Применяя полевой подход к изучению жанровой специфики дискурса СМИ, М. Р. Желтухина выделяет центр, где располагаются прототипные жанры, и периферию, которую составляют маргинальные жанры, отличающиеся неоднородной природой в силу своего расположения на стыке разных типов дискурса [Желтухина 2004: 132]. Художественный дискурс обнаруживает пересечение с масс-медиальным дискурсом в таких периферийных для последнего литературных жанрах, как мемуары, документальная проза, ироническая поэзия, памфлет, в некоторых фольклорных жанрах (анекдот, частушки) и др. [Желтухина 2004: 137 – 138; Шейгал 2000: 30]. Подобные собственно художественные тексты также оказываются представленными в печатных СМИ, например, в виде специальной литературной полосы в газете. Но даже в тех изданиях, которые в силу своей четко выраженной тематики (экономической, спортивной и др.) никогда не публикуют отрывков из художественной прозы или стихов, довольно часто в заголовках или текстовых массивах встречаются различного рода отсылки к литературным или иным (песенным, кинематографическим и т. д.) источникам [Прозоров 2004: 122].

Обнаруживаемая в текстах масс-медиа художественность в виде активного использования различных вербальных единиц, апеллирующих к «культурной памяти» адресата, способствующих персонализации институционального типа дискурса и называемых в данной работе прецедентными феноменами, обусловлена, с одной стороны, способностью последних эффективно реализовывать значимую для СМИ функцию воздействия, а с другой – тесной связью

современной журналистики с лидирующим в художественной литературе направлением – постмодернизмом [Сметанина 2002: 78 – 79]. Данное понятие, однако, зачастую определяют не только как метод художественного творчества, но и более широко – как тип мышления и познания, свойственный современному обществу [Анненкова 2006, Денисова 2003, Ильин 1999, Мансурова 2002, Сквородников 2004]. Впервые термин *постмодернизм* был введен в научный лексикон Ж.-Ф. Лиотаром в книге «Состояние постмодерна», вышедшей в 1979 году. В. Л. Мансурова указывает, что позднее в трудах других западных теоретиков (Ж. Бодрийара, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, У. Эко, А. Крокера, Д. Кука) культура постмодерна получила такие определения, как гетерогенность, легитимность существования разнообразных точек зрения на одни и те же явления, при этом в качестве основания для создания образов реальности провозглашались фрагментарность, децентрация, контекстуальность, ирония, симуляция. Знаковой моделью этого метода становится *симулякр* – «набор образов» действительности, свободный для интерпретации, что, в свою очередь, позволяет разрешить противоречие между «высокой» и «низкой», коммерческой культурой, создав новый тип текстов, унифицированных способом и формой подачи материала. Транслируя симулякры постмодерна, СМИ не могли избежать экспансии его методов и средств выразительности [Мансурова 2002: 118 – 119].

Последнее утверждение позволяет говорить еще об одном весьма значимом аспекте взаимодействия СМИ и художественной литературы – методологическом, ядерным компонентом которого является категория интертекстуальности, ибо, по мысли Н. А. Кузьминой, «locus topicus работ, посвященных поэтике постмодернизма, можно считать размышления об интертексте и интертекстуальности» [Кузьмина 2004: 19]. Будучи доминантной составляющей поэтики постмодернизма, интертекстуальность становится яркой приметой и современных медиа-текстов [Сквородников 2004, Сметанина 2002].

Необходимо отметить, что сам термин *интертекстуальность* не имеет общепринятой трактовки (см. обзоры в [Кузьмина 2004, Денисова 2003, Кан-

ныкин 2003, Тростников 2001, Ямпольский 2003]), ибо самое общее (и самое первое) определение интертекстуальности как *свойства любого текста вступать в диалог с другими текстами*, принадлежащее школе Р. Барта – Ю. Кристевой, является, по справедливому замечанию Н. А. Кузьминой, слишком расширительным и «может быть лишь философской основой для более конкретных и потому более пригодных для целей лингвистического анализа определений» [Кузьмина 2004: 19]. В связи с этим Н. А. Кузьмина предлагает определить интертекстуальность как *маркированную определенными языковыми сигналами «перекличку» текстов, их диалог* [Кузьмина 2004: 20]. Принимая в целом данное определение, мы, вслед за Ж. Женнетт, У. Бройхом и М. Пфистером, интертекстуальность будем понимать несколько шире: не только как «перекличку» текстов, их диалог, но и вообще «со-присутствие» в одном тексте двух или более текстов (см. [Ильин 1999: 208]).

Следует отметить, что различные проявления интертекстуальности известны с давних времен и любое произведение, начиная с античной словесности, можно рассматривать как результат столкновения оригинальности и традиционности, противоречивого стремления к новому и к устоявшимся формам литературной и культурной памяти, которые воспринимаются и активизируются как норма [Денисова 2003: 25]. Возникновение же соответствующих термина и целой теории именно во второй половине XX века (в 1967 году термин «интертекстуальность» был введен Ю. Кристевой в работе «Бахтин, слово, диалог, роман» (см. [Кристева 1995]) связано, с одной стороны, со значительно возросшей доступностью произведений искусства, массовым образованием, развитием средств массовой коммуникации и распространением массовой культуры [Интертекстуальность / <http>], а с другой – со стремлением изучать динамику культур, их диалогичность, и шире – со стремлением определить мироощущение современного человека [Денисова 2003: 16].

Основанная на идее М. М. Бахтина о диалогичности художественного творчества, представлении о тексте «как своеобразной монаде, отражающей в себе все тексты (в пределе) данной смысловой сферы» [Бахтин 1986б: 475], и разработанная представителями постструктурализма (Ю. Кристевой, Р. Бартом, Ж. Дарридой и др.) теория интертекстуальности получает довольно широкое распространение в конце XX – начале XXI веков и служит методологической основой для изучения не только художественных текстов [Безруков 2005, Воскресенская 2004, Зверькова 2004, Леонтьев 2001, Петрова 2005, Прохорова 2003, Ревякина 2004, Сатретдинова 2004, Стырина 2005, Фатеева 1997, 2000, Шилина 2004], но и научных [Казаева 2003, Королева 2004, Кузьмина 1999, Михайлова 1999, Чернявская 1995, 2000], масс-медиаальных [Аникина 2004, Казаева 2003, Костыгина 2003, Сандалова 1998, Терских 2003, Ускова 2003], рекламных [Ерофеева 2007, Кушнерук 2006, Прохорова 2005], политических [Чудинов 2003а, Гудков 2003а], кинематографических [Ямпольский 2003], юмористических [Шмелев 2007, Шмелева 2004] и др. в рамках того или иного дискурса. Современные исследователи изучают «текст в тексте», который Ю. М. Лотман определил как «специфическое риторическое построение», когда «различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста». При этом «обостряется момент игры в тексте <...> подчеркивается его игровой характер: иронический, пародийный, театрализованный и т. д. смысл» [Лотман 1992: 210 – 211].

Г. В. Денисова утверждает, что «страсть к цитированию, обостренное внимание к языковой игре, принцип диалогичности наряду с общим духом травестирирования и пародийного *остранения* свойственны в целом лингвокультурному поведению русских на современном этапе, когда постмодернистская эстетика по-настоящему стала *mainstream*» [Денисова 2003: 29]. С. И. Сметанина, детально исследуя особенности медиа-текста в системе культуры, активное использование интертекстуальных элементов в текстах СМИ объясняет усталостью современного человека от культурного наследия, побуж-

дающего только к тому, чтобы отыскивать уже готовые и освоенные культурой формы и вплетать их в коммуникативный акт [Сметанина 2002: 95], а также потенциальной возможностью данных единиц интеллектуализировать изложение, формировать новые смыслы, своеобразно вводя событие текущей жизни в общеисторический и культурный контекст [Сметанина 2002: 123].

Расширение теории интертекстуальности, вовлечение в круг изучаемых ею проблем вопросов, не связанных напрямую со спецификой художественного творчества, обусловило возникновение и активное развитие теории прецедентности, в задачи которой входит изучение вербальных феноменов, «обеспечивающих культурную преемственность и культурную континуальность в дискурсах различного типа» [Попова 2004].

Очевидно, что концепция интертекстуальности естественным образом соприкасается с проблематикой прецедентности, ибо в обоих случаях речь идет об единицах, отсылающих к явлению, которое осознается как артефакт и принадлежит контексту, находящемуся за пределами данного текста [Дымарский 2004: 55]. В качестве признака, позволяющего отграничить прецедентность как лингвистическую категорию от интертекстуальности, М. Я. Дымарский предлагает считать то, что использование прецедентных феноменов не является случайным, оно всегда интенционально и актуализирует оппозицию «свое-чужое», в то время как интертекстуальность осмысляется в качестве онтологического свойства художественной литературы, которое может проявляться независимо от воли автора [Дымарский 2004: 55]. Думается, однако, что данный критерий, если и возможный, то отнюдь не определяющий, ибо употребление прецедентных феноменов тоже далеко не всегда интенционально окрашено [Алексеенко 2003, Бирюкова 2005, Красных 2003, Супрун 1995]. К тому же, как отмечает Н. С. Бирюкова, в тексте не всегда достаточно маркеров для определения намеренности / ненамеренности того или иного словоупотребления [Бирюкова 2005: 36]. В связи с этим мы, вслед за С. Л. Кушнерук, рассматриваем прецедентность как одну из сторон в исследовании феномена интертекстуальности, связанную с выявлением на-

ционально-культурной специфики коммуникации, анализом тех элементов, которые составляют общенациональную часть в сознании взаимодействующих субъектов [Кушнерук 2006: 27]. Данное утверждение позволяет исследовать прецедентные феномены в качестве материализованных знаков интертекстуальности, тезаурусных форм ее существования [Аникина 2004, Бабенко 2004, Денисова 2003, Феномен прецедентности 2004], обладающих особой культурной значимостью и осуществляющих взаимодействие как целых культур, так и отдельных дискурсов и текстов (в нашем случае – газетно-публицистических и художественных).

1.2. Прецедентные феномены с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии

Осознание человеком себя «мерой всех вещей», ознаменовавшее рубеж тысячелетий, привело к возникновению принципиально новой научной парадигмы и задало новые векторы в развитии различных научных дисциплин, в том числе и лингвистике. Формирование антропоцентрической парадигмы обусловило исследование языка, с одной стороны, как средства получения, обработки и хранения информации (когнитивная лингвистика), а с другой стороны, как выразителя культуры нации, особого национального менталитета (лингвокультурология). На этих двух аспектах в изучении прецедентных феноменов мы последовательно и остановимся в данной части работы.

В силу своей междисциплинарности когнитивная лингвистика обнаруживает тесную связь с психологией вообще и когнитивной психологией в частности. Объектом изучения последней является то, «как люди получают информацию о мире, как эта информация представляется человеком, как она хранится в памяти и преобразуется в знания и как эти знания влияют на наше внимание и поведение» [Солсо 1996: 28]. Специфика когнитивной лингвистики связана с изучением *языка* как общего познавательного механизма, как когнитивного инструмента – системы знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации [Кубрякова 1996: 53]. При этом центральная задача данного лингвистического направления

видится в «описании и объяснении языковой способности и/или знания языка как внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего-слушающего, рассматриваемого как система переработки информации, состоящего из конечного числа самостоятельных модулей и соотносящая языковую информацию на различных уровнях» [Кубрякова 1996: 53]; в изучении роли языка «как «упаковки» знания [Кубрякова 2004б: 44].

Другими словами, когнитивная лингвистика «занимается как репрезентацией собственно языковых знаний в голове человека и соприкасается с когнитивной психологией в анализе таких феноменов, как словесная или вербальная память, внутренний лексикон, а также в анализе порождения, восприятия и понимания речи, так и тем, как, в каком виде вербализируются формируемые человеком структуры знания» [Кубрякова 1996: 54]. Таким образом, когнитивная лингвистика вносит значительный вклад в сложнейшую область исследования, связанную с описанием мира и созданием средств такого описания.

Как любая другая наука, когнитивная лингвистика неоднородна в своем содержании, обнаруживая разнообразие тем и направлений (см. [Болдырев 2001]). Для нас наибольший интерес представляет когнитивная семантика, основные положения которой разрабатывались американскими учеными Ч. Филмором, Дж. Лакоффом, М. Джонсоном, Дж. Тейлором в связи с изучением процессов концептуализации и категоризации мира, метонимичности и метафоричности мышления. Они заявили о том, что концепты играют центральную роль в определении реалий повседневной жизни: управляют человеческим мышлением, структурируют наши ощущения, поведение, отношение к другим людям. Одним из способов изучения того, как это происходит, является «наблюдение за особенностями функционирования языка», ибо «коммуникация основывается на той же концептуальной системе, которая используется и в мышлении, и в деятельности» [Лакофф, Джонсон 2004: 25].

Данное направление, опирающееся на школу лингвистической семантики, получило активное развитие в отечественном языкознании и представле-

но в работах Н. Д. Арутюновой [1987], А. Н. Баранова [1997], [2007], Н. Н. Болдырева [2001], [1988], В. Н. Телия [1986], А. П. Чудинова [2001], [2003] и др. Когнитивный подход к изучению прецедентных феноменов характерен для исследований В. В. Красных [2001, 2000], Д. Б. Гудкова [2003], И. В. Захаренко [1997, 2000], Л. А. Шестак [1999], О. В. Лисоченко [2002] и др.

Прецедентные феномены интересны лингвистам, работающим в рамках когнитивной парадигмы, прежде всего тем, что данные единицы принадлежат вербальному уровню, а стоящие за ними представления – концептуальному уровню сознания, ибо за любым прецедентным феноменом обнаруживается комплекс лингвистических и феноменологических когнитивных структур [Красных 2003]. Активное исследование прецедентных единиц, их классификация и определение места среди других лингвистических феноменов осуществляется в отечественном языкознании группой московских лингвистов во главе с В. В. Красных, Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко. Ими дано общее определение исследуемых единиц, в основе которого лежит дефиниция, предложенная Ю. Н. Карауловым для прецедентных текстов: «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому кругу данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216, Красных и др. 1997: 64]. Сам термин «прецедентные феномены» и приведенное определение активно используются в лингвистических исследованиях, но первый при этом имеет различные варианты (об этом более подробно см. в п. 1.3), а второе, сохраняя основное содержание, подвергается некоторым уточнениям.

Вносимые исследователями уточнения связаны со стремлением наиболее точного описания критериев отнесения той или иной единицы к разряду прецедентных феноменов, т. е. их категориальных признаков. В связи с этим необходимо остановиться на самом понятии прецедентности. Согласно опре-

делению, данному в «Советском энциклопедическом словаре», прецедент представляет собой «случай, имевший место ранее и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода» [СЭС 1988: 1057]. Следовательно, прецедент является «неким фактом», которому присущи такие признаки, как эталонность и императивность. Согласно данному определению, к числу прецедентов можно отнести «образцовые факты, служащие моделью для воспроизводства сходных фактов, представленные в речи определенными вербальными сигналами, актуализирующими стандартное содержание, которое не создается заново, но воспроизводится» [Гудков 2003: 105]. В таком случае в разряд прецедентов включаются и такие единицы, как клише, штампы, стереотипы и т.д. Однако прецедентные феномены как особого рода прецеденты имеют дополнительный критерий выделения – когнитивную (эмоциональную и познавательную) значимость, которой могут не обладать другие виды прецедентов.

Еще один важный момент, касающийся прецедентности как лингвистической категории, связан с возможностью ее широкой или узкой трактовки. В первом случае в состав прецедентных феноменов возможно включение фразеологизмов, пословиц, крылатых слов и выражений на основании их когнитивной и / или эстетической значимости и клишированности. Термин *клише*, означающий «готовые, воспроизводимые единицы языка» [Рождественский 1970], был предложен еще в начале прошлого столетия французской лингвистикой и стал основой разрабатываемой отечественными филологами *общей теории клише*, границы материала которой обозначил Г. Л. Пермяков – «от поговорки до сказки» [Пермяков 1970]. Понимание же прецедентности не только как воспроизводимости, клишированности вербальных единиц, но и как наличие прототипа¹, существование изначального образа [Красных 2003] исключает, например, фразеологизмы, пословицы и поговорки из состава прецедентных феноменов, ибо они не имеют установленного источника. Данный вопрос пока не

¹единицы, реализующей свойства в наиболее чистом виде и наиболее полно, без примеси иных свойств [Кубрякова 1996: 85].

получил однозначного решения в лингвистике. Известно, что стоящие за поговорками представления тоже имеют прототипический характер, но более архаичный, чем у крылатых выражений. К тому же многие известные цитаты со временем приобретают пословичный характер, оставаясь книжными по происхождению. Это позволяет некоторым исследователям включать поговорки (и даже фразеологизмы), не имеющие определенного текстового источника, в число прецедентных феноменов [Анисимова 2004, Ворожцова 2006, Красных 2003, Лаенко 2004, Милосердова 2004 и др.]. В данной работе анализируются все имеющиеся в картотеке примеры употребления прецедентных феноменов с литературной источниковой сферой независимо от степени их автономности (крылатизации) по отношению к тексту-источнику.

Статус прецедентных феноменов, по мнению Д. Б. Гудкова, может быть присвоен также только таким прецедентам, которые, будучи когнитивно значимыми, имеют вербальное выражение [Гудков 2003: 104–105], в отличие, например, от широкого понимания прецедентного текста Ю. Н. Карауловым [Караулов 1987], включающим в его разряд и несловесные тексты (произведения музыки и живописи). Думается, что в данном случае можно говорить о культурно значимом прецеденте, который может иметь вербальное или невербальное выражение. Мы обращаемся только к вербальным способам введения прецедентного феномена в дискурс.

Еще одно уточнение касается степени знакомства представителей того или иного лингвокультурного сообщества с прецедентной единицей. Давая определение прецедентным феноменам, В. В. Красных пишет о том, что они должны быть хорошо известны *всем* представителям национально-лингвокультурного сообщества [Красных 2003: 170, курсив наш]. Однако данный критерий, по мнению Е. А. Нахимовой, «выводит за пределы рассматриваемой категории множество фактов, которые В. В. Красных и Д. Б. Гудков рассматривают в качестве прецедентных феноменов» [Нахимова 2004: 169], подтверждением чему служит проведенное ею пилотажное анкетирование. Другое уточнение, внесенное В. В. Красных, также вызывает некоторые со-

мнения. Оно касается частотности использования прецедентных феноменов. Предложенное Ю. Н. Карауловым «обращение к которым возобновляется неоднократно», заменяется на «обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется» [Красных 2003: 170]. Как пишет Е. А. Нахимова, «в этой формулировке тоже проявляется излишний максимализм», т. к. трудно определить, какое количество фиксаций и в каких текстах можно считать «постоянным возобновлением», и «даже одного случая фиксации «чужого слова» в тексте достаточно для того, чтобы квалифицировать этот случай как использование прецедентного феномена» [Нахимова 2004: 172], особенно если речь идет о текстах массовой информации, созданных с учетом неоднородности читающей их публики.

Согласимся с С. Л. Кушнерук в том, что критические замечания в отношении существующего определения прецедентных феноменов «нисколько не умаляют очевидных достоинств активно развивающейся в отечественной лингвистике теории, а, скорее, свидетельствуют о нарастающем интересе ученых к обсуждаемой филологической проблеме и стремлении прийти к однозначности терминологии» [Кушнерук 2006: 25].

Принимая во внимание имеющиеся поправки, в качестве рабочего мы используем следующее определение: прецедентные феномены – это имеющие вербальное выражение единицы, известные значительной части представителей лингвокультурного сообщества; актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; обращение к которым обнаруживается в речи представителей того или иного лингвокультурного сообщества [Красных 1997, Нахимова 2004].

Представляя собой один из способов хранения и передачи информации, прецедентные феномены соотносятся (но не отождествляются) с другими структурами знания, изучаемыми в рамках когнитологии, такими, как сценарии, фреймы, слоты и т. п. (см., например, определение данных терминов в [Кубрякова 1996]). Как отмечает Д. Б. Гудков, «при оперировании всеми этими понятиями речь идет о «динамических» моделях, об определенных ал-

горитмах восприятия, редукции, схематизации, иерархизации и актуализации поступающей информации» [Гудков 2003: 110]. Данные замечания являются яркой иллюстрацией одного из постулатов когнитивной семантики, сформулированных А. Н. Барановым, Д. О. Добровольским, а именно – постулата о множественности воплощения когнитивных структур в языке, согласно которому «когнитивные структуры не обязательно привязаны к определенному языковому знаку» [Баранов 1997: 16]. Другими словами, результатом действия сходных когнитивных процессов могут быть различные по своей лингвистической природе знаки. Так, например, представление о ком-то как весьма недалеком, глупом может на вербальном уровне репрезентироваться как посредством метафорического осмысления концепта *дуб*, так и посредством употребления прецедентного имени *Митрофанушка*. При этом и метафоры, и прецедентные феномены обнаруживают много общих черт, главной из которых является способность концептуализации и категоризации мира, являющихся ядром классификационной, познавательной деятельности [Болдырев 2001: 22]. Это позволяет, например, некоторым исследователям регулярно воспроизводимые метафорические модели относить к числу прецедентных феноменов [Кузьмина 2004] или рассматривать последние в качестве особой разновидности метафоры [Бейн 2006, Чудакова 2005]. Однако специфика прецедентной номинации и характеристики, по сравнению с метафорической, заключается в том, что метафора представляет собой «динамическую» модель обработки информации, а прецедентные феномены, с одной стороны, тоже «динамичны», т. к. «задают модели обработки, оценки поступающей информации и ее сопоставления с уже имеющейся» [Гудков 2003: 112], а с другой стороны – «статичны», ибо сами являются результатом определенных когнитивных операций (редукции, минимизации и др.). В связи с этим у лингвокогнитивистов появляется потребность в исследовании специфики прецедентных феноменов, определении их как *особых* когнитивных структур. Подобный статус изучаемых нами единиц подтверждается также и наблюдениями видного отечественного психолингвиста А. А. Леонтьева, ут-

верждавшего, что в языковом сознании носителя языка формально, но не психолингвистически, две словоформы могут соответствовать одной единице, одному «клише». Другими словами, формально *кот ученый* – то же, что *талантливый художник*. Но для носителя русского языка *кот ученый* выступает – благодаря Пушкину – как единое психолингвистическое целое [Леонтьев 1997: 93] и, согласно нашей терминологии, является прецедентным феноменом.

В. В. Красных для характеристики прецедентных феноменов в качестве особых единиц хранения информации предлагает понятие фрейм-структуры сознания – когнитивной единицы, формируемой клише / штампами сознания и представляющей собой «пучок» предсказуемых валентных связей (слотов), векторов направленных ассоциаций [Красных 2003: 289]. Существенными характеристиками данной структуры знания являются, с одной стороны, многосоставность, а с другой – цельность, т. е. возможность вербальной репрезентации какого-либо представления путем апелляции к различного рода прецедентным феноменам, тематически связанных между собой. Так, например, представление о человеке, который рассказывает о себе небылицы и деяния которого невозможны по определению, может быть вербализовано через употребление имени *Мюнхгаузен*, ибо оно имеет блок предсказуемых векторов ассоциаций. Вместе с тем данное имя связано с рядом «подвигов», совершенных его носителем (вывернул наизнанку волка, вытащил себя за волосы из воды вместе с конем и т. д.), за которыми стоят те же самые ассоциации и которые описаны в том же тексте [Красных 2003: 289].

В связи с этим в качестве отдельных единиц системы прецедентных феноменов В. В. Красных, Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко, Д. В. Багаевой выделяются прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентный текст, которые не изолированы друг от друга, обнаруживают тесные связи, являясь фрейм-структурами сознания.

Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (Обло-

мов, Тарас Бульба), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (Иван Сусанин, Колумб), имя-символ, указывающее на некоторую совокупность определенных качеств (Моцарт, Ломоносов).

Прецедентное высказывание – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. Прецедентным высказыванием может быть 1) цитата (в том числе и трансформированная, но узнаваемая), 2) название произведения, 3) полное воспроизведение небольшого по объему текста.

Прецедентная ситуация – некая «эталонная», «идеальная» ситуация с определенными коннотациями (ситуация предательства Иудой Христа).

Прецедентный текст – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы (цитата, имя персонажа или автора, заглавие). К числу прецедентных относятся произведения художественной литературы («Евгений Онегин», «Бородино»), тесты песен («Ой, мороз, мороз...»), рекламы, политические и публицистические и др. [Гудков 2003: 106 – 108, Красных 1997: 64 – 65, Красных 2003: 172 – 173].

Добавим, что прецедентное имя и прецедентное высказывание относятся к числу вербальных, т. к. в «готовом» (вербальном) виде хранятся в сознании, а прецедентная ситуация и прецедентный текст – к числу вербализуемых, т. к. хранятся в виде инвариантов восприятия [Красных и др. 1997: 64 – 65].

Как утверждает В. И. Карасик, «языковое сознание членится на релевантные фрагменты осмысления действительности, которые имеют вербальное выражение и допускают этнокультурное, социокультурное и личностно-культурное измерения» [Карасик 2004: 6]. В связи с этим оказывается возможным и необходимым выделение нескольких уровней прецедентности и

соответствующих каждому такому уровню типов когнитивно значимых прецедентов: национально-прецедентных феноменов (известных любому среднему представителю того или иного лингвокультурного сообщества), социально-прецедентных (известных любому представителю того или иного социума: религиозного, профессионального и т. д.), автопрецедентов (релевантных для данной личности) [Гудков 2003: 103 – 104]. Данный ряд, однако, получает продолжение путем выделения еще одного, более глобального уровня – универсально-прецедентных феноменов, известных любому современному полноценному *homo sapiens* [Гудков 2003, Красных 2003]. В сфере нашего внимания оказываются преимущественно национально-прецедентные феномены, принадлежащие русскому культурному пространству, а также заимствованные из других культур, но актуальные для русской. Последние, как нам представляется, в некоторых случаях можно отнести к универсально-прецедентным. Однако экспликация их универсального характера представляется довольно сложной и требует подтверждения специальными исследованиями. Поэтому, как нам кажется, в данном случае корректнее говорить о транснациональных прецедентных феноменах, т. е. известных представителям национальных культур, которые располагают энциклопедическими знаниями, включающими также знания о других лингвокультурах [Банникова 2004: 36 – 37].

Еще один вопрос, возникающий при изучении прецедентных феноменов с позиций когнитивной лингвистики, связан с тем, в систему каких именно единиц, вербально выражаемых и отражающих содержание имеющихся у человека знаний и представлений, включаются данные феномены и какое место там занимают. В этом отношении весьма интересна предложенная В. В. Красных классификация, в которой прецедентные феномены рассматриваются в качестве так называемых ментефактов – основных элементов «содержания» сознания [Красных 2003]. Данные единицы неоднородны в своем составе, что обуславливает их членимость на знания, концепты и представления. Последние воплощаются в прецедентных феноменах, артефактах,

духах (или бестиарии) и стереотипах. Критерием подобной классификации на первом этапе выступает шкала информативность – образность, а на втором – единичность или множественность, а также прототипичность (как наличие изначального «единичного» образа предмета) или ее отсутствие. Прецедентные феномены, таким образом, коннотативно маркированы, единичны и прототипичны. Изначально единичный образ, как пишет В. В. Красных, может иметь множество «масок» (*дядя Степа* – это и милиционер, и человек огромного роста), но при этом сам феномен не поддается тиражированию, он может только копироваться [Красных 2003: 155 – 157]. Другими словами, имеется «реально» существующий *дядя Степа* (как герой реально существующего художественного текста), и причем только один, обладающий определенным ореолом ассоциаций в сознании русского человека.

Данная классификация представляется весьма интересной в отношении прецедентных феноменов, позволяющей вписать их в систему содержательных элементов сознания, ментальных образов, но несколько неполной в отношении последних в целом. Возникает вопрос (возможно, прямо не связанный с темой данной работы, но важный при изучении языка с когнитивных позиций), где в этой классификации находятся (или должны находиться) близкие понятию прецедентных феноменов и уже упоминаемые нами метафоры, а точнее, регулярные метафорические модели (бесспорно являющиеся ментефактами). Очевидна и возможность дальнейшего членения знаний и концептов, о чем, в принципе, пишет и сама автор данной классификации.

Несколько иная точка зрения на соотношение прецедентных феноменов с другими единицами, которыми оперирует человек в процессе мышления и которые могут иметь вербальное выражение, представлена в исследованиях Г. Г. Слышкина [2000, 2004]. В данных работах прецедентные феномены рассматриваются как особого рода концепты – единицы, которые принадлежат сознанию, детерминируются культурой и опредмечиваются в языке [Слышкин 2000: 9]. При образовании большинства лингвокультурных концептов, как пишет Г. Г. Слышкин, действуют логические механизмы генерализации, за-

ключающиеся в переходе от индивидуальных явлений, ситуаций, процессов к их отождествлению путем определения общих признаков и абстрагирования от частных. Другими словами, преобладающим типом концептов являются концепты классов (например, концепт «река» объединяет множество объектов, соответствующих классообразующим признакам «постоянный водный поток значительных размеров с естественным течением по руслу от истока до устья»). Однако существует группа концептов, ориентированных не на обобщение множества феноменов, а на утверждение уникальности и культурной значимости индивидуального объекта. Эти концепты, по мнению ученого, обеспечивают мышление и коммуникацию средствами наглядности и иллюстративности [Слышкин 2004: 116]. Ко второму виду концептов и относятся, по мысли исследователя, прецедентные тексты, формирующие прецедентную концептосферу. Специфика данного подхода к изучению прецедентных феноменов определяется тем, что в его основе лежит принцип исследования «от единицы культуры к единице языка» (Г. Г. Слышкин анализирует, например, структуру и особенности бытования в лингвокультуре концепта «Приключения Шерлока Холмса»), в отличие, например, от работ В. В. Красных, где реализуется принцип «от единицы языка к единице культуры». Для нашего исследования релевантным является второй из двух указанных подходов, хотя первый также представляется интересным и продуктивным. Но, думается, что ему все-таки предшествует путь «от единиц языка к единицам культуры», ибо статус прецедентности тому или иному тексту может быть присвоен только на основании факта обращения к нему представителей лингвокультурного сообщества.

Следует отметить, что для исследования прецедентных феноменов (как и других вербальных единиц) с лингвокогнитивных позиций характерна нерелевантность противопоставления лингвистического и экстралингвистического знания [Баранов 1997: 15], ибо весьма важным представляется изучение того комплекса ассоциаций, который стоит за прецедентным феноменом и формируется энциклопедическими знаниями (в нашем случае – литератур-

ными). Как отмечает А. П. Чудинов, в соответствии с общими представлениями когнитивной лингвистики язык – это единый континуум символьных единиц, не подразделяющийся естественным образом на лексикон, фразеологию, морфологию и синтаксис. Поэтому уровневые и структурные различия не отрицаются, но внимание исследователей сосредоточено на содержательных аспектах изучения рассматриваемого феномена [Чудинов 2003(б): 54].

С данным подходом к изучению прецедентных феноменов тесно связано представление о них как единицах, в значительной степени «насыщенных» культурной информацией и национально детерминирующих культурное пространство, способных выполнять «функцию «языка» культуры» [Маслова 2001: 30]. В этом смысле анализ специфики прецедентных феноменов коррелирует с лингвокультурологическими исследованиями, посвященными соотношению языка и культуры, ибо и язык, и культура являются знаковыми системами и как знаковые системы не могут не соприкасаться [Костомаров 2001: 37]. Язык при этом трактуется в качестве выразителя духа народа, особого национального менталитета. Менталитет, в свою очередь, понимается как «национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации» [Попова, Стернин 2002: 45], «общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-либо сообщества» [Гуревич, Шульман 1998: 25]. Подобный подход к изучению языка восходит к трудам В. фон Гумбольдта, по мысли которого, язык схватывает и лепит духовное качество народа – носителя языка, ибо «различие [языков] состоит не только в отличиях звуков и знаков, но и различных самих мировидениях» [Гумбольдт 1999: 319]. Как указывают В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова, «язык, используя свой код – материальные оболочки слова-понятия, крылатого выражения, пословицы, прецедентного текста и т. п., фиксирует духовный опыт человека в культурной сфере и транслирует этот опыт следующим поколениям, обеспечивая информационную преемственность» [Костомаров

2001: 37]. Изучению прецедентных феноменов и смежных с ними явлений с лингвокультурологических позиций посвящены работы Э. М. Аникиной [2004], С. В. Банниковой [2004], А. В. Исаевой [2001], В. Г. Костомарова и Н. Д. Бурвиковой [1994, 2001], В. В. Красных [2002], С. Л. Кушнерук [2004, 2006], В. А. Масловой [2001], Е. О. Наумовой [2004], С. К. Павликовой [2005], Г. Г. Слышкина [2000, 2004] и др.

Прецедентные феномены рассматриваются современными исследователями в качестве ядерных элементов культурного пространства, способных репрезентировать ментальность народа как плода духовной деятельности носителей национальной культуры разных поколений [Леденева 2004: 27], ибо мы познаем «мир» так, что культура наша включена в каждый акт познания-опыта [Лакофф. 2004: 94]. Представляя собой комплексный образец когнитивной обработки действительности и имея сущностную связь с фундаментальными ценностными ориентациями соответствующей лингвокультуры, прецедентные феномены активизируют «гетерогенные, гетероструктурные и гетерохронные сведения о мире, значимые для данной культуры» [Гришаева 2004: 32].

Центром культурного пространства и одновременно «местом» хранения прецедентных феноменов, по мнению исследователей, является когнитивная база – определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают представители того или иного лингвокультурного сообщества [Гудков 2003: 92]. При этом в когнитивной базе прецедентные феномены хранятся в свернутом виде, в виде «национально-детерминированных инвариантов восприятия «культурных предметов» [Гудков 2003: 98], в роли которых в нашем исследовании выступают художественные тексты и имена их авторов. Когнитивная база является «ядром» всех (индивидуальных и коллективных) когнитивных пространств, служит стержнем, «скрепляющим» их и предопределяющим национальную специфику культурного пространства в целом [Красных 2001: 7 – 8]. В связи с этим Л. И. Гришаева предлагает трактовать прецедентные феномены как культур-

ные скрепы, сцепляющие отдельные культурные пласты и исторические эпохи в единую систему в синхронии и диахронии [Гришаева 2004: 15-46]. Знание прецедентных феноменов в таком случае можно рассматривать как показатель принадлежности к данной культуре, в то время как их незнание, наоборот, служит предпосылкой отторжения от соответствующей культуры [Караулов 1987: 216].

В этом смысле изучение прецедентных феноменов (выявление актуальных сфер-источников прецедентности, вербальных способов их репрезентаций и особенностей функционирования в определенном дискурсе и дискурсе русской языковой личности в целом) оказывается важным этапом на пути изучения национального языкового сознания, системного описания того, как отражается «русский мир и мировидение» в языке и дискурсе [Красных 2001: 6].

Таким образом, с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии прецедентные феномены можно охарактеризовать как единицы, которые требуют осмысления на трех уровнях: языка, сознания и культуры.

Как единицы языка прецедентные феномены:

- имеют словесное выражение;
- в процессе коммуникации не создаются заново, но возобновляются;
- могут видоизменяться (трансформироваться) в пределах сохранения опознаваемости.

Как единицы сознания:

- являются результатом определенных когнитивных операций (редукции, минимизации и др.), особым способом «упакованным» знанием;
- служат средством кодирования и трансформирования информации;
- задают модели обработки, оценки поступающей информации и ее сопоставления с уже имеющейся.

Как единицы культуры:

- характеризуются наполненностью некоторым знанием культурного характера;

- требуют соотнесения с другими текстами как фактами культуры;
- определяют специфику культурного пространства (см. [Гудков 2003, Костомаров 2001, Красных 2002, 2003]).

1.3. Аспекты исследования прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература» в лингвистической литературе

Будучи весьма сложными единицами, неоднородными по своему составу и выполняемым функциям, прецедентные феномены являются объектом исследования лингвистов с различных точек зрения и, как мы уже указывали, не имеют единого терминологического обозначения. Анализ соответствующей лингвистической литературы позволяет говорить, с одной стороны, о полисемичности самого термина *прецедентный феномен*. Под ним одновременно понимается и источник прецедентности, например, отдельная национальная культура, художественный текст, фильм, рекламный ролик и др., и средство актуализации данного источника, например, реальное или вымышленное имя, название произведения, цитата из него. С другой стороны, наблюдается использование различных терминов для обозначения сходных или даже одинаковых явлений. Единицы, называемые в данной и многих других работах прецедентными феноменами, могут именоваться и как прецедентные тексты [Караулов 1987; Наумова 2004; Семенец 2004; Сорокин 1987, 1993; Шестерина 2004], прецедентные высказывания [Костомаров 1994], прецедентные интексты [Саксонова 2001], реминисценции [Воронцова 2004], текстовые реминисценции [Алексеенко 2003, Супрун 1995], прецедентные текстовые реминисценции [Исаева 2001, Прохоров 2004], логоэпистемы [Костомаров 2001, Санг Хюунг 1998], прецедентные культурные знаки [Пикулева 2003]. Данный факт терминологического разнообразия вполне закономерен, ибо проблема прецедентности, по верному замечанию М. К. Поповой и В. Т. Титова, является одной из актуальных и одновременно дискуссионных проблем в современной филологии, далеко выходящей за рамки собственно лингвистического или литературоведческого анализа [Попова 2004: 9]. В

связи с этим при анализе различных аспектов исследования прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература» мы будем опираться и на работы, имеющие несколько отличную от нашей терминологическую базу, но посвященные исследованию схожих вербальных единиц.

Функциональная ориентация современной лингвистической парадигмы обуславливает необходимость рассмотрения любой языковой единицы с учетом ее погруженности в сферу употребления, ибо «функция реализуется в результате взаимодействия элементов системы и среды» [Бондарко 2002: 197]. В связи с этим прецедентные феномены исследуются на материале различных видов дискурсов: художественного [Банникова 2004, Караулов 1987, Фоминых 2002], рекламного [Дульянинов 2005, Илюшкина 2004, Ковалев 2004, Кушнерук 2006, Пикулева 2003,], спортивного [Хмелевская 2007], дискурса СМИ [Аникина 2004, Наумова 2004, Земская 1996, Лисоченко 2002, Немирова 2006, Черногрудова 2002, 2003], политического [Ворожцова 2007, Зайцева 2007, Новикова 2006], юмористического [Лисина 2006, Проскурина 2004, Слышкин 2000], педагогического [Смыкунова 2003, Ростова 1993], научного [Кудрина 2005], лексикографического [Лысикова 2005, Нефедова 2005], устной речи [Гуныко 2002, Исаева 2001].

Необходимо отметить, что прецедентные феномены, источником прецедентности которых служит художественная литература, не будучи предметом специального рассмотрения, уже попадали в область внимания исследователей, что обусловлено активной представленностью данных единиц в различных видах русского дискурса, ибо русская культура, как мы уже говорили, имеет статус литературоцентричной [Денисова 2003, Гудков 2003, Кондаков 2005]. Данная характеристика связывается с «преимущественным тяготением к словесно-художественным формам, в результате чего литература оказывается в центре творческой и познавательной деятельности человека, а другие разновидности культуры <...> предстают в общественном и индивидуальном сознании как опосредованные литературой, «олитературенные» [Кондаков 2005: 400 – 401]. Как справедливо утверждает Ю. Н. Караулов, один из пер-

вых исследователей прецедентных текстов в дискурсе языковой личности, «было бы неправомерно связывать прецедентные тексты только с художественной литературой. Во-первых, потому что они существуют до нее – в виде мифов, преданий, устно-поэтических произведений, а во-вторых, и в наше время в числе прецедентных, наряду с художественными, фигурируют и библейские тексты, и виды устной народной словесности (притча, анекдот, сказка и т.п.), и публицистические произведения историко-философского и политического звучания» [Караулов 1987: 216]. Однако далее ученый отмечает, что «в самом общем случае можно было бы сказать, что состав прецедентных текстов формируется из произведений русской, советской и мировой классики, имея в виду, что сюда входят и фольклорные шедевры» [Караулов 1987: 217]. Другими словами, корпус прецедентных текстов жанрово и тематически весьма разнообразен, однако его центр, ядро формируется прежде всего художественными произведениями, что подтверждается как исследованием самого Ю. Н. Караулова, так и другими, более поздними, работами, где неизменно отмечается особое место литературы в составе источников прецедентных феноменов в русской языковой среде [Караулов 1987, Кушнерук 2006, Наумова 2004 и др.].

Одной из центральных проблем при функциональном подходе к исследованию прецедентных феноменов является проблема их классификации. В зависимости от выбранного в качестве доминантного признака и от имеющегося фактического материала возможно выделение различных групп прецедентных феноменов. В качестве критериев для подобного описания Г. Г. Слышкин предлагает следующие: носитель прецедентности, текст-источник, инициатор усвоения, степень опосредованности [Слышкин 2000: 70]. Наиболее традиционной является классификация по тексту-источнику. Однако традиционность в данном случае не означает избитости. Она обусловлена актуальностью изучения познавательно и эмоционально значимых текстов для представителей того или иного лингвокультурного сообщества, а также важностью определения того круга фоновых знаний, кото-

рый необходим читателю для правильного и полного понимания соответствующих текстов [Нахимова 2005].

А. Е. Супрун, исследовавший текстовые реминисценции¹ как языковое явление, отмечает, что источником данных единиц является более или менее широкий корпус текстов, состав которого может быть определен как размытое или нечеткое множество [Супрун 1995: 22]. На диффузность, дисперсионность данного образования указывает и ряд других исследователей [Аникина 2004, Казаева 2003, Плотникова 2001]. Этот факт, однако, не препятствует построению некой системы источников прецедентности в целях специального анализа. Н. М. Чудакова, исследовавшая концептуальную область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии, указывает на то, что «в соответствии с принципом родовидовой организации единиц системы синоптические схемы имеют несколько уровней обобщения, при переходе от высшего уровня обобщения к низшему число рубрик классификации увеличивается» [Чудакова 2005: 9]. Анализ имеющихся в лингвистических исследованиях классификаций прецедентных феноменов в зависимости от сферы-источника показал, что наиболее общий уровень обнаруживает существенные сходства. Так, традиционным и вполне закономерным является разграничение литературных и социальных источников (см. [Нахимова 2005]), восходящее к понятиям вертикального социального и литературного контекста [Ахманова 1997, Гюббенет 1991]. Далее, однако, возможны вариации, основанные на историко-национальной или жанровой принадлежности прецедентного текста.

Так, например, А. Е. Супрун среди текстовых реминисценций, имеющих литературное происхождение, отмечает наличие следующих групп: *фольклор, античная мифология и литература, произведения мировой (зарубежной) литературы, русская литература, детская литература* [Супрун 1995: 22 – 25]. Некоторые сомнения вызывает правомерность выделения последней

¹ «осознанные vs. неосознанные, точные vs. преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным произведенным текстам в составе более позднего текста» [Супрун 1995: 17].

группы, ибо произведения детской литературы являются либо фольклорными, либо авторскими и во втором случае относятся к мировой или русской литературе. Хотя, возможно, подобная актуализация произведений детской литературы, несколько нарушающая стройность предложенной классификации, может быть оправдана их особым статусом, своего рода интернациональностью и отделенностью от серьезной «взрослой» литературы.

В качестве самостоятельного класса текстов, служащих источником прецедентности, рассматривает *сказки и детские стихи* и Г. Г. Слышкин, исследовавший специфику русского смехового дискурса. Наряду с указанной им также выделяется общая группа *классических и близких к классическим произведений русской и зарубежной литературы, включая Библию* [Слышкин 2004].

Такое же объединение русских художественных текстов, зарубежных и религиозных прослеживается и в исследовании М. И. Фоминых, посвященном анализу прецедентных текстов в русском постмодернизме [Фоминых 2002]. При этом особую актуализацию получают *русские художественные литературные произведения социалистического периода*, выделенные в отдельную группу.

Несколько иной подход к способу классификации источников прецедентных феноменов представлен в работах Ю. Б. Пикулевой [2003], С. Л. Кушнерук [2006], Е. А. Нахимовой [2004(б), 2005, 2007], где источники прецедентности рассматриваются как определенные сферы культурного знания, которые составляют культурную эрудицию человека (социальной группы, общества) и формируют картину мира. Указанными исследователями среди прочих выделяется сфера *искусство*, а в составе последней – *художественная литература*. Однако Ю. Б. Пикулева, изучавшая специфику прецедентного культурно знака на материале современной телевизионной рекламы, не подвергает ее дальнейшему ранжированию, но отмечает, что в рамках сферы *искусство* она занимает второе место по количеству выделенных автором единиц после *кинематографа* [Пикулева 2003: 11 – 12].

В диссертационном исследовании С. Л. Кушнерук, также выполненном на материале рекламного (но печатного) дискурса и посвященного сравнительно-сопоставительному анализу прецедентных имен в русской и американской рекламе, сфера *художественной литературы* оказывается структурированной на *русскую, европейскую и американскую литературу*. Исследователь отмечает, что для российского рекламного дискурса использование прецедентных имен, генетически восходящих к литературным текстам, является наиболее актуальным. Американские же рекламисты в целях привлечения внимания потенциальных покупателей к товарам и услугам чаще всего эксплуатируют кинематографические образы, а сфера художественной литературы оказывается лишь на втором месте.

Различия в статистических данных и, соответственно, в результатах исследования в указанных работах объясняются прежде всего спецификой изучаемого материала (телевизионная и печатная реклама), а также широкой, учитывающей и невербальные знаки (у Ю. Б. Пикулевой), и узкой (у С. Л. Кушнерук) трактовкой феномена прецедентности.

В диссертации С. В. Банниковой, также базирующейся на различных по национальной принадлежности (но художественных) дискурсах [Банникова 2004], литературные прецедентные феномены выделяются в отдельную, по терминологии автора, семантическую группу. Далее, ориентируясь на жанровый признак прецедентного текста, С. В. Банникова формирует такие подгруппы, как *фольклор, поэзия, проза, литературные издания*.

Учитывается жанровая принадлежность прецедентных текстов и в статье Е. А. Земской, посвященной цитации и квазичитации в заголовках современных газет. В качестве отдельных групп ею выделяются *стихотворные строки и прозаические цитаты* [Земская 1996: 159 – 167].

Следует отметить, что разделение сфер прецедентных феноменов на социальную и литературную и их дальнейшее ранжирование, безусловно, является логичным, но все-таки не единственно возможным. Так, например, Е. Г. Ростова, опираясь прежде всего на национальный характер прототекста,

выделяет несколько иные группы текстов, ставших культурно значимыми для носителей русского языка и послуживших источником различных прецедентных феноменов:

- *тексты, возникшие на русской культурной почве (фольклорные произведения, художественные авторские тексты, анекдоты);*
- *инокультурные и иноязычные знаменитые тексты, переведенные на русский язык, а также тексты на иностранных языках;*
- *русские тексты, возникшие на основе иностранных и являющиеся отражением диалога культур, в процессе которого они не просто механически переносятся в русскую культуру, но интерпретируются в ней;*
- *тексты, возникшие на основе международных «бродячих сюжетов» (фольклорные и авторские);*
- *прецедентные для русской культуры тексты, возникшие на основе общечеловеческих прецедентных текстов (прежде всего библейские сюжеты и мифы Древней Греции) [Ростова 1993].*

Установление источника прецедентности подобным образом видится Е. Г. Ростовской важным прежде всего для решения методических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев. Так, например, международная общность некоторых сюжетов помогает адекватному восприятию использующих их текстов и в то же время способствует осознанию специфики последних именно как русскоязычных.

На релевантность выявления того, какое происхождение (российское или зарубежное) имеет прототекст прецедентного феномена, указывают и другие исследователи. Так, например, Е. И. Нахимова в статье «Зарубежные прецедентные имена в отечественных СМИ» отмечает, что «данный параметр важен не только с методической точки зрения, но и как своего рода отражение ментальности автора, его предрасположенности к использованию зарубежного опыта, авторских представлений о взаимодействии и взаимосвязи политических процессов в России и за ее рубежами» [Нахимова 2005: 371].

Обзор существующих в лингвистической литературе вариантов классификаций прецедентных феноменов по источнику прецедентности можно продолжить, ибо они представлены также в работах [Аникина 2004, Исаева 2001, Черногрудова 2003 и др.]. При этом становится очевидным, что способ

систематизации данных источников и различное выделение групп текстов определяется прежде всего спецификой дискурса, выступающего средой бытования изучаемых единиц, а также задачами исследования в целом. Различные вариации в существующих классификациях и правомерность отнесения того или иного прецедентного феномена к литературной или социальной сфере обусловлены и уже упоминаемой нами идеологической корреляцией художественного и общественно-политического дискурсов. Так, например, прецедентное высказывание *я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин*, являясь цитатой из стихотворения В. Маяковского «Нашему юношеству» (1927), обладает мощной политико-агитационной силой, свойственной поэзии В. Маяковского и обусловленной политической ситуацией в стране времен создания текста. Это позволяет, например, О. П. Семечену рассматривать указанное высказывание наряду с высказываниями классиков марксизма-ленинизма. Происходит наложение генетических и функциональных характеристик прецедентного феномена, что еще раз подтверждает диффузность поля прецедентных феноменов. Несмотря на существующие разночтения, «не вызывает сомнений целесообразность подобных исследований, сама перспективность соответствующего подхода к изучению прецедентных феноменов» [Нахимова 2005: 371].

Важным аспектом при исследовании художественных текстов как источников прецедентности оказывается не только их генетическое описание, но и механизмы введения в определенный дискурс и дискурс языковой личности в целом. Ю. Н. Караулов в связи с этим говорит о символах прецедентного текста, разграничиваемых на основе способа актуализации последнего и средств его включения в дискурс языковой личности. Он выделяет имя (слово) в его широком, семиотическом, понимании и как имя автора или персонажа, а также понятие, заглавие, цитату [Караулов 1987].

Опираясь на предложенные Ю. Н. Карауловым типы использования прецедентных текстов, А. Е. Супрун называет следующие механизмы проявления текстовых реминисценций в новом тексте: точная цитата; неточная, не-

чаянно или умышленно искаженная цитата; намек на текст через характерную ситуацию (хронотоп); употребление собственного имени автора или персонажа; название произведения [Супрун 1995: 22].

В концепции В. В. Красных, Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, Д. В. Багаевой наблюдается синтезированный учет источника прецедентности и способов его актуализации. Как мы уже отмечали, ими выделяется четыре типа прецедентных феноменов: прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации и прецедентные тексты. Анализ данной классификации позволяет говорить о прецедентном имени и прецедентном высказывании (во всей совокупности их разновидностей) как способах актуализации прецедентной ситуации и прецедентного текста, ибо первые два относятся к числу вербальных, а последние два – к числу вербализуемых [Красных и др. 1997: 64 – 65]. Следует, однако, оговорить, что в концепции данных авторов некоторые прецедентные феномены могут отрываться от своего прецедентного текста и становиться автономными (например, *Как хороши, как свежи были розы*) [Гудков 2003: 108]. Но даже в этом случае необходимо признать целесообразность установления их источника.

Основой подобной систематизации прецедентных феноменов также служат выделенные Ю. Н. Карауловым типы использования прецедентных текстов. И в исследованиях, посвященных анализу прецедентных феноменов на материале того или иного дискурса, используются вариации предложенного подхода [Аникина 2004, Банникова 2004, Семенец 2004], правда, не всегда удачные. Так, например, в уже упоминаемой работе С. В. Банниковой [2004] группу прецедентных феноменов под названием *проза* составляют *имя автора, персонажа, название, ситуация*, а группа *поэзия* никак не систематизируется. Заметим, что имя персонажа, упоминание какой-либо ситуации, описанной в художественном тексте, или название последнего, скорее, связаны с прозаическим произведением (если исключить лиро-эпические жанры), чего нельзя сказать об имени автора, ибо оно может одновременно относиться и к поэтическим, и к прозаическим текстам, чему в отечественной и мировой лите-

ратуре имеется немало примеров. Возможно, что некоторая неполнота предложенной классификации обусловлена спецификой исследуемых С. В. Банниковой текстов, в которых не встретились прецедентные имена поэтов.

Несколько иной подход к выделению вербальных знаков, в виде которых прецедентные тексты функционируют в дискурсе, представлен в работе Г. Г. Слышкина [2000]. Данным исследователем выделяются пять основных способов апелляции к прецедентным текстам: 1) *упоминание* (прямое, т.е. не трансформированное, воспроизведение языковой единицы, являющейся именем концепта прецедентного текста, – заглавия произведения или имени автора текста); 2) *прямая цитация* (дословное воспроизведение части текста в дискурсе); 3) *квазицитация* (воспроизведение части текста или всего текста в дискурсе в умышленно измененном виде); 4) *аллюзия* (соотнесение предмета общения с ситуацией или событием, описанным в определенном тексте, без упоминания этого текста и без воспроизведения значительной его части, т. е. на содержательном уровне); 5) *продолжение* (создание самостоятельного литературного произведения, действие которого разворачивается в «воображаемом мире», уже известном носителям культуры из произведений другого автора, мифологии или фольклора) [Слышкин 2000: 36 – 40]. Думается, что данная классификация в целом не противоречит приведенным выше, но в ней учитываются и такие виды актуализации интертекстуальных связей, которые свойственны преимущественно художественному дискурсу (например, продолжение).

С изучением вопроса о вербальных способах актуализации прецедентных художественных текстов тесно связана проблема маркированности / немаркированности данных актуализаций в принимающем тексте (т.е. наличия / отсутствия лингвистических средств, указывающих на инотекстовое происхождение сопровождаемых ими языковых единиц [Семенец 2004: 130]). Данная проблема поднимается в исследованиях Л. И. Гришаевой [2004], С. В. Семочко [2004] и др. В работах Н. С. Бирюковой [2005] и О. П. Семенец [2004] подробно описываются различные виды маркеров прецедентности, характер-

ных для вербализации прецедентных феноменов в политических и газетно-публицистических текстах соответственно. Учитывая специфику взятого для анализа языкового материала в данной работе, остановимся подробнее на классификации маркеров прецедентности, предложенной О. П. Семенец. Данным исследователем выделяются два основных типа маркеров прецедентности в газетных текстах: *графический* (использование средств графики: кавычек, знака многоточия и др.) и *текстовый* (сопровождение цитаты различными комментариями). Среди текстовых – 1) *прямое или косвенное указание на авторство*, 2) *точное или приблизительное указание на текст-источник*, 3) *введение необходимого контекста, важного для понимания (например, прецедентной ситуации)*, 4) *указание не героя, с чьим именем связан тот или иной прецедентный текст*, 5) *подкрепление прецедентного текста цитатой из текста-источника* [Семенец 2004: 131 – 134].

О. П. Семенец отмечает, что каждый из маркеров имеет собственные функции: графический указывает на инотекстовость языковой единицы; текстовый является средством паспортизации (полной или частичной) прецедентного текста, а также предупреждает возможные коммуникативные сбои, связанные с наличием лакун в фоновых знаниях адресата [Семенец 2004: 131]. Зачастую, однако, интертекстовый характер того или иного вербального знака в текстах современных СМИ вообще никак не маркируется в расчете на наличие соответствующих фоновых знаний у адресата.

Актуальной в отношении прецедентных феноменов в целом является проблема их формальных трансформаций (квазицитации, по терминологии Е. А. Земской, Г. Г. Слышкина) и возникающих при этом различных прагматических эффектов. В связи с этим литературные прецедентные феномены оказывались в сфере интереса лингвистов наряду с другими видами когнитивно значимых прецедентов [Воронцова 2004, Пикулева 2003, Семенец 2004, Снигирев 2000 и др.]. Отметим, что большинство исследователей, опираясь, очевидно, на существенную близость данных единиц с фразеологизмами, обращается к способам формальной трансформации прежде всего прецедентных

высказываний (цитат, названий произведений). Изучению же прецедентных имен авторов или героев литературных произведений в данном аспекте внимание не уделяется.

Высокий прагматический потенциал прецедентных феноменов (как в трансформированном, так и неизменном виде) обуславливает активное исследование их функциональных качеств [Денисова 2004, Слышкин 2000, Шипицына 2005 и др.]. Г. В. Денисова, исследовавшая феномен интертекстуальности сквозь призму лингвокультурного сознания, выделяет следующие функции интертекстуальных знаков в современной речевой деятельности носителей русского языка / культуры:

- 1) интертекст как первичное средство коммуникации (использование «интертекстов-стереотипов», представляющих собой «куски культурного шума») (М. Айзенберг), «готовые» единицы языка, отличающиеся принципиальной нерелевантностью авторства: *А ларчик просто открывался*);
- 2) как средство создания игрового момента;
- 3) как неявное средство выражения оценки;
- 4) как прием убеждения реципиента;
- 5) как средство коммуникативного воздействия;
- 6) как своеобразный способ введения мыслей, отправная точка для размышлений или способ установления контакта;
- 7) в качестве своеобразного интерпретатора (имеются в виду аллюзивные способы введения прецедентного текста в дискурс);
- 8) как способ пародирования путем помещения в контрастивный по семантике и/или стилистическому звучанию контекст (так называемый «стеб»);
- 9) как способ демонстрации эрудиции при обращении к «своему»;
- 10) как прием украшения текста [Денисова 2003: 163 – 178].

В монографии Г. Г. Слышкина [2000] представлен менее развернутый, но, думается, не менее полный перечень выполняемых прецедентными феноменами функций, позволяющий объединить некоторые выделенные

Г. В. Денисовой виды. Исследователь выделяет следующие основные функции концептов прецедентных текстов в дискурсе:

1) номинативная функция (апелляция к прецедентному тексту осуществляется для экономии речевых средств, выражения отношения говорящего к происходящему, эвфимизации предмета разговора);

2) персуазивная функция (использование прецедентного текста с целью убеждения коммуникативного партнера в своей точке зрения);

3) юридическая функция (апелляция к прецедентному тексту для создания языковой игры);

4) парольная функция (использование текстовой реминисценции, направленной на доказательство или эмфатизацию принадлежности отправителя речи к той же группе, что и адресат) [Слышкин 2000: 85 – 104].

Трактовка Г. Г. Слышкиным понятия номинации, вслед за В. Г. Гаком, в широком плане (как обозначение всего отражаемого и познаваемого человеческим сознанием: предметов, лиц, действий, качеств, отношений, событий, эмоций, переживаний) позволяет объединить под номинативной функцией выделенные Г. В. Денисовой первую и третью функции, четвертая, пятая и шестая получают название персуазивной, вторая и восьмая – юридической, а седьмая и девятая – парольной. Остается лишь десятая, выделенная Г. В. Денисовой и не представленная у Г. Г. Слышкина, функция украшения речи, которую можно назвать стилистической. Отсутствие ее в классификации Г. Г. Слышкина следует, видимо, расценивать как нерелевантность подобного выделения с позиций когнитивной значимости.

Отметим, что, для прецедентных феноменов с литературной источниковой сферой, как нам видится, характерны все эти функции, как и для других видов культурно значимых прецедентов. Необходимо, однако, учитывать тот факт, что использование прецедентных феноменов в том или ином дискурсе, в каких бы целях оно ни осуществлялось, является способом не прямой коммуникации, т. е. содержательно осложненной коммуникации, «в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно вы-

сказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [Дементьев 2004: 4]. В связи с этим думается, что степень подобных интерпретативных усилий будет зависеть как от специфики использующего данные единицы дискурса (в художественном дискурсе они будут более востребованы, чем, например, в рекламном), так и от особенностей самих прецедентных феноменов (интерпретация литературных прецедентных феноменов, скорее всего, потребует больше усилий, чем тех, источником которых послужили, например, рекламные ролики). Добавим также, что все перечисленные функции не существуют изолированно, они дополняют друг друга, и при анализе конкретного словоупотребления можно говорить лишь о большей или меньшей актуализации каждой из них.

Корпус прецедентных феноменов, а соответственно и их источников не обладает статикой. Изменяясь, он отражает ценностные ориентиры общества в определенный период развития. В связи с этим возникает потребность в изучении культурно значимых вербальных прецедентов не только на уровне синхронии, но и диахронии. В этом случае ведущей задачей становится определение динамических особенностей функционирования прецедентных текстов в определенном типе дискурса. Исследованию динамики отечественного газетного дискурса 50 – 90 гг. посредством анализа использующихся в нем прецедентных текстов посвящена уже упоминаемая нами работа О. П. Семенец [2004]. Выделяя прецедентные тексты, связанные с произведениями отечественной и мировой литературы (наряду с произведениями кино, живописи, а также массовой культуры), О. П. Семенец отмечает, что «обращение к классическим текстам русской и зарубежной литературы характерно для газетного дискурса на всем протяжении XX века. <...> Прецедентные тексты русской классической литературы были и остаются одним из излюбленных выразительных средств публицистики, несмотря на постепенное, хотя и незначительное, снижение их количества в общем корпусе цитат» [Семенец 2004: 46]. В данной работе автор указывает на характерное для газетного дискурса постперестроечного периода значительное расширение корпуса прецедентных зару-

бежных текстов и описывается динамика его пополнения. Отсылки к произведениям советской литературы также, по результатам проведенного О. П. Семенец исследования, остаются неотъемлемой частью ядра корпуса прецедентных текстов на протяжении всей второй половины XX века. Хотя их число, по сравнению с советским газетным дискурсом, постепенно сокращается в среднем в два раза, они сохраняют свою значимость и для современной газетной публицистики [Семенец 2004: 43]. Отметим, однако, что, ориентируясь на изучение динамики формального, когнитивного, прагматического компонентов в функционировании прецедентных текстов, имеющих различное (а не только литературное) происхождение, О. П. Семенец хотя и отмечает, но не подвергает детальному описанию способы актуализации текстов-источников и сами источники, в том числе и имеющие отношение к литературе.

Активный интерес лингвистов к субъективному фактору в процессе вербального общения, зависимости эффективности последнего от фоновых, экстралингвистических знаний субъектов коммуникации обусловил изучение прецедентных феноменов с психолингвистических позиций. Основным методом подобного исследования служит проведение и описание психолингвистического эксперимента. В данном русле выполнено, например, диссертационное исследование Н. С. Бирюковой [2005], посвященное особенностям восприятия студентами прецедентных феноменов, используемых в современной политической коммуникации. В работе отмечается, что «любые коммуникативные неудачи при восприятии прецедентных феноменов существенно ослабляют прагматическое воздействие текста. Поэтому изучение восприятия прецедентных феноменов читателями позволяет точнее оценивать прагматическую эффективность политического текста» [Бирюкова 2005: 5 – 6]. Результаты проведенного Н. С. Бирюковой эксперимента показали, что восприятие фрагмента текста как прецедентного и глубина такого восприятия в значительной мере зависят от специализации студентов. В связи с этим при идентификации интересующих нас прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература» будущие специалисты по государствен-

ному и муниципальному управлению испытывали значительные трудности (40% правильных полных ответов), в то время как будущие учителя-словесники продемонстрировали довольно высокий уровень знакомства с данными единицами (80% правильных полных ответов) [Бирюкова 2005: 84, 88].

Результаты проведенного эксперимента по выявлению особенностей восприятия прецедентных феноменов и степени знакомства с ними различных групп русскоязычных или иных респондентов представлены также в исследованиях С. В. Банниковой [2004], О. А. Дмитриевой [1999], А. В. Исаевой [2001], С. К. Павликовой [2005], О. П. Семенец [2004], Г. Г. Сергеевой [2003а, 2003б], Г. С. Смирновой [2004]. В работе С. С. Хватовой [2004], например, описан эксперимент, целью которого было определение стратегий идентификации прецедентных имен литературных героев или исторических персонажей. Материалом данного исследования послужили результаты ответов групп испытуемых, среди которых были русские билингвы (студенты, изучающие английский язык в качестве специальности) и носители английского языка (американцы). Проведенный эксперимент позволил С. С. Хватовой выделить комплекс указанных выше стратегий (среди них – воспроизведение имени автора источника прецедентного имени, воспроизведение имени другого героя, атрибутивная характеристика и др.) и определить их этнокультурную специфику.

Исследование прецедентных феноменов именно с литературной источниковой сферой оказывается релевантным при освещении вопросов теории и практики межкультурной коммуникации. Так, например, Д. Б. Гудков [2003], рассматривая прецедентные тексты как разновидность прецедентных феноменов, отмечает, что обращается прежде всего к художественным текстам, ибо они не только серьезно влияют на коммуникативное поведение членов русского лингвокультурного сообщества, но и «играют важную роль при обучении инофонов МКК [межкультурной коммуникации] на русском языке, выступая и как средство обучения, и как критерий владения языком <...> и

как цель обучения <...>» [Гудков 2003: 226]. В последнем случае произведения русской литературы оказываются теми текстами, которые многие изучающие русский язык иностранцы хотят читать в оригинале. При этом интерпретации одного и того же текста представителями разных лингвокультурных сообществ выступают ярким показателем различий в коллективном сознании представителей отдельных культур [Гудков 2003: 227].

1. 4. Методика анализа литературных прецедентных феноменов, функционирующих в дискурсе российских печатных СМИ

Особенности сбора и обобщения фактов, формирующие методику научной работы, определяются как спецификой исследуемых единиц, так и теоретическими предпосылками и целевыми установками, которыми руководствуются ученые. Основной задачей данного параграфа является обзор существующих методик исследования прецедентных феноменов и описание этапов работы с фактическим материалом при анализе литературных прецедентных феноменов, зафиксированных в современной российской прессе.

При изучении феномена прецедентности на одном из первых этапов – этапе сбора фактического языкового материала – исследователи сталкиваются с некоторыми трудностями, обусловленными значительной долей субъективности при квалификации вербальной единицы как прецедентной вообще и прецедентного феномена в частности. Большую роль здесь играет уровень общекультурной компетентности исследователя, его энциклопедичности, ибо далеко не всегда, как мы уже отмечали, в тексте имеются вербальные или графические маркеры прецедентности. В связи с особенностью выбранного в качестве материала исследования массово-информационного дискурса (прежде всего его функциональной – коммуникативно-когнитивной – спецификой, а также массовостью, рассредоточенностью, неопределенностью адресата) и в соответствии с принятым определением исследуемых прецедентных феноменов (см. пункт 1. 2.), любая верифицированная апелляция к сфере художественной литературы может рассматриваться как прецедентный фе-

номен (исключение составляют опубликованные на страницах общественно-политических изданий собственно художественные произведения или критические отзывы на них). Иными словами, любой имеющий литературную источниковую сферу прецедент, функционирующий в газетно-публицистическом тексте, может квалифицироваться в качестве литературного прецедентного феномена, ибо автор-журналист (или редактор), включивший его в печатные материалы, рассчитывает на адекватную реакцию со стороны весьма различных по возрасту и уровню образованности адресатов. И уже другой проблемой является то, насколько оправданы ожидания журналистов и соответствуют реальной степени культурной компетентности потенциальных читателей (этот вопрос в соответствии с логикой работы будет обсуждаться в пункте 3.2).

В современной лингвистической литературе нет единой, общепринятой методики исследования прецедентных феноменов. В зависимости от материала и целей работы лингвисты предлагают различные подходы к изучению феномена прецедентности.

Чаще всего, особенно в рамках публикаций в научных и научно-популярных журналах, объектом внимания ученых становятся отдельные аспекты в исследовании прецедентных феноменов.

Более полные, комплексные методики исследования прецедентных феноменов представлены в монографиях и диссертационных исследованиях.

Ю. Н. Караулов, автор лингвистической теории прецедентности, предлагая методику анализа прецедентных текстов, бытующих в художественном романе Р. Киреева «Подготовительная тетрадь», считает необходимым ответить на следующие вопросы:

- как в целом можно оценить обращение того или иного персонажа к прецедентным текстам и что дает такое обращение?
- какие тексты вводятся в дискурс героя и как? (классификация);
- для чего они используются? (типология) [Караулов 1987: 219].

Данная поэтапность исследования имеет целью выявить, почему, какие, как и для чего используются прецедентные феномены в определенном дис-

курсе. Однако она требует некоторого расширения и в то же время некоторой конкретизации, ибо ориентирована на анализ дискурса героя художественного текста и не уточняет основания для классификации и типологии, а их, как мы уже отмечали, может быть несколько. Поэтому предложенный Ю. Н. Карауловым алгоритм следует, скорее, считать методологической установкой исследования, служащей основой для формирования конкретных, частных методик.

Более широкий подход к комплексному исследованию прецедентных феноменов, с одной стороны, и более конкретизированный – с другой, предлагается в работе Л. И. Гришаевой «Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов)» [2004]. Наиболее значимым, по мнению данного исследователя, при изучении указанных единиц (как культурно-специфических моделей когнитивной концептуализации действительности [Гришаева 2003: 148 – 156]) является решение следующих проблем: сущность прецедентного феномена, его характер, статус прецедентного феномена, способы и условия его активизации, сфера бытования, способы и средства кодирования, функции прецедентных феноменов, маркеры в текстах / дискурсах разного типа и др. [Гришаева 2004: 23 – 24]. Л. И. Гришаевой предлагается весьма интересная типологическая матрица прецедентных феноменов со следующими основаниями:

- сфера функционирования (общечеловеческая культура, культура определенного типа (аграрная, городская и др.), культурный регион, национальная культура в целом, субкультура);
- знак апелляции к фундаментальным ценностным ориентациям (однозначная привязка («добро», «зло» и др.), амбивалентная привязка);
- характер (универсальный, национально специфичный);
- источник (общеизвестен или его можно установить, не известен, но можно специальным исследованием установить, не известен);
- «удельный вес» в концептуальной картине мира (значительный, незначительный, в зависимости от условий интеракции);
- местоположение в концептуальной картине мира (ядерное, периферийное);
- сфера бытования (тип дискурса (художественный, политический и др.), характер эстетического направления (романтизм, сентиментализм, реализм и др.));
- длительность бытования в дискурсе (несколько поколений, одно поколение);

- привязка к определенной исторической эпохе (присутствует однозначно, отсутствует однозначно, не выражена однозначно);
- привязка к определенному социальному слою / группе (выражена (правлящий класс, средний класс и др.), не выражена);
- условия апелляции к прецедентному феномену;
- функциональный потенциал (монофункциональность, полифункциональность, амбивалентность);
- способы кодирования (вербальный код (лексема, группа слов, предложение и др.), невербальные коды (визуально, акустически, тактильно и др.);
- когнитивная природа (фрейд, гештальт и др.);
- личность, наиболее охотно использующая прецедентный феномен для реализации своей интенции (психотип, социотип);
- тип интеракции, в которой преимущественно функционирует прецедентный феномен (приветствие, заключение договора и др.);
- эффект от использования прецедентного феномена (способствует установлению взаимопонимания, препятствует установлению взаимопониманию) [Гришаева 2004: 36 – 38].

Разработанная Л. И. Гришаевой типология прецедентных феноменов является многоаспектной (но, как показывает анализ ее составляющих и анализ научной литературы, не исчерпывающей) и значительно расширяет горизонт в исследовании прецедентных знаков. Очевидно, однако, что заполнение матрицы с подобным набором оснований даже в отношении какого-либо одного прецедентного феномена нуждается в привлечении большого количества данных. Представляется возможным сужение предложенной Л. И. Гришаевой проблематики в рамках того или иного исследования (например, ориентация на определенный вид дискурса и / или тип прецедентного феномена). Это позволяет актуализировать некоторые из выделенных оснований, осуществить в их пределах развернутый анализ и тем самым внести существенный вклад в теорию и практику изучения прецедентных феноменов.

Так, например, в монографических исследованиях В. В. Красных [2001, 2003] и Д. Б. Гудкова [2003б], ориентированных на повседневный дискурс русской языковой личности и проблемы межкультурной коммуникации, первостепенное значение имеют следующие этапы анализа прецедентных феноменов:

- создание типологии прецедентных феноменов (прецедентные имена, высказывания, ситуации, тексты);
- характеристика взаимосвязи между различными видами прецедентных феноменов;
- разграничение уровней прецедентности (социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные феномены).

С. И. Сметанина, исследуя медиа-текст в системе культуры и опираясь при анализе прецедентных феноменов на методiku, предложенную В. В. Красных и Д. Б. Гудковым, расширяет ее границы, уделяя особое внимание способам внедрения (вписывания) прецедентных феноменов в медиа-текст:

- текст А («чужой», т. е. прецедентный феномен) = тексту Б («своему», т. е. медиа-тексту);
- текст А – иллюстрация к тексту Б;
- текст А – материал (палитра) для создания текста Б [Сметанина 2002: 125 – 132].

В диссертационном исследовании А. В. Исаевой [2001], посвященном проблемам функционирования прецедентных текстовых реминисценций в устной речи носителей русского языка, особую актуализацию получает специфика сбора материала для исследования, ибо ученый имеет дело с устными, нефиксированными речевыми сообщениями. Данный отбор проводился в два основных этапа. На первом этапе целью было зафиксировать как можно больше неканонизированных прецедентных текстовых реминисценций¹ (НТПР), употребляемых носителями русского языка в ситуациях бытового неофициального общения. На втором этапе проводился анкетный опрос, в ходе которого из зафиксированных единиц были отобраны выражения, знакомые 90 % информантов. Демонстрация этого небольшого по количеству НТПР списка была одним из важнейших этапов работы. Следующим стало представление классификаций изучаемых единиц по источнику возникновения, степени идеоматизации и особенностям функционирования.

¹ Под неканонизированными текстовыми реминисценциями А. В. Исаевой понимаются текстовые реминисценции, имеющие в качестве источника различные объекты культуры, не относящиеся традиционно к ряду классических произведений искусства и литературы [Исаева 2001: 10].

В работе Н. В. Смыкуновой [2003], ориентированной на исследование роли прецедентных феноменов в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному, в качестве материала исследования привлекаются данные «Русского Ассоциативного Словаря». Специальные выборки из указанного словаря позволяют исследователю, во-первых, представить генетическую классификацию прецедентных феноменов, актуальных для русской языковой личности, и, во-вторых, описать пути включения прецедентных феноменов в учебные материалы для иноязычной аудитории.

Ю. А. Воронцова, анализируя реминисценции в текстах современных СМИ [Воронцова 2004], в качестве необходимых считает выявление следующих особенностей исследуемых единиц: аксиологических, генетических, функциональных, прагматических и характеристик в аспекте языковой игры. Наибольшую актуализацию в исследовании получают два последних пункта. В связи с этим описывается структура прагматического значения реминисценции, внутри которого выделяются экспрессивный, оценочный, эмотивный, апеллятивный, фатический и эстетический компоненты, а также подробно рассматривается система формальных преобразований реминисценций как средства языковой игры.

Э. М. Аникина [2004], исследуя лингвокультурную специфику реализации интертекстуальности в дискурсе англо-американских СМИ, акцентирует внимание на следующих характеристиках прецедентных феноменов: 1) их стилистическом потенциале; 2) функциях в дискурсе СМИ; 3) роли в структурной организации газетного текста; 4) особенностях с позиций психолингвистики.

Е. О. Наумовой [2004] в связи с изучением функционирования прецедентных текстов в современном публицистическом дискурсе предлагается анализ прецедентных текстов по двум основным направлениям – адресата («образ читателя») и адресанта («образ автора»): 1) прецедентные тексты в обыденном языковом сознании (состав национального корпуса прецедентных

текстов, способы их хранения в языковом сознании и варианты актуализации в дискурсе языковой личности, способы формирования концептов прецедентных текстов, роль прецедентных текстов в формировании ценностных установок); 2) прецедентные тексты в публицистическом дискурсе (их роль в формировании идиостиля творческой личности журналиста, в создании языковой игры, в формировании «имиджа» печатного издания). В первом случае материалом исследования послужили данные Русского Ассоциативного Словаря, во втором – тексты СМИ.

В диссертационном исследовании С. Л. Кушнерук [2006], посвященном сопоставительному исследованию прецедентных имен в российской и американской рекламе, предлагается следующий алгоритм анализа фактического языкового материала: 1) отбор печатных текстов российской и американской рекламы разных жанров; 2) обнаружение в этих текстах прецедентных имен; 3) изучение содержательно-семантических свойств прецедентных имен в российской и американской рекламе (определение сфер культурного знания, национально-культурных основ происхождения прецедентных имен, выявление когнитивных механизмов взаимосвязи прецедентных имен с прецедентными феноменами других типов); 4) изучение функциональных свойств прецедентных имен (определение особенностей актуализации дифференциальных признаков прецедентных имен в рекламном тексте, установление зависимости между характером соотнесенности прецедентного имени с первичным денотатом).

Учитывая методологическую (лингвокогнитивную и лингвокультурологическую) направленность данного исследования, накопленный исследователями опыт в анализе различных видов прецедентных феноменов, а также функционально-генетическую специфику анализируемых единиц (литературные прецедентные феномены в текстах прессы), предлагаем следующие этапы работы с языковым материалом:

1. Обнаружение различного рода апелляций к сфере художественной литературы в русскоязычных газетно-публицистических материалах разных жанров

(информационных, аналитических, художественно-публицистических) и квалификация данных апелляций в качестве литературных прецедентных феноменов.

2. Изучение и классификация различных способов вербализации литературных прецедентных феноменов и их семантических, когнитивных, функциональных и формальных особенностей в печатных СМИ.

3. Анализ и классификация источников литературных прецедентных феноменов, функционирующих в российской периодике.

4. Изучение и классификация способов взаимодействия литературных прецедентных феноменов внутри связного текста.

5. Установление особенностей восприятия исследуемых единиц потенциальными читателями.

Подобная методика изучения прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ позволяет, на наш взгляд, осуществить комплексный подход к анализу указанных единиц как результату обработки когнитивно значимой информации, репрезентированной в языке и культуре.

Выводы по первой главе

1. Корреляция дискурса СМИ и дискурса художественной литературы обнаруживается в следующих важных для данного исследования аспектах: идеологическом, социопрагматическом, жанровом, методологическом. Ядерным компонентом последнего является категория интертекстуальности, ставшая основой для создания не только художественных, но и газетно-публицистических текстов. Понимание интертекстуальности как присутствие в тексте элементов другого текста позволяет рассматривать прецедентные феномены литературного происхождения в качестве единиц, вербально репрезентирующих различные интертекстуальные связи и осуществляющих персонализацию дискурса СМИ как институционального типа общения, т. е.

перенос культурно значимой информации из сферы художественной литературы в общественно-политическую.

2. На современном этапе развития науки о языке активное изучение прецедентных феноменов осуществляется с лингвокогнитивных и лингвокультурологических позиций. При весьма тесной связи данных подходов в первом случае актуализируется когнитивная (познавательная и эмоциональная) значимость исследуемых единиц, их способность в свернутом (минимизированном, редуцированном) виде транслировать новую информацию в сопоставлении с уже имеющейся. Данные характеристики прецедентных феноменов обуславливают решение проблем, связанных с их категориально значимыми признаками, с тем, в систему каких единиц они оказываются вписанными (вертикальный уровень) и какими единицами формируются сами (горизонтальный уровень). Культурная значимость передаваемой прецедентными феноменами информации способствует их исследованию в лингвокультурологическом аспекте. В таком случае данные единицы трактуются как вербальные выразители релевантных для определенного лингвокультурного сообщества знаний, маркеры национально обусловленного мировосприятия, способные в синхронии и диахронии скреплять отдельные культурные пласты. В целом с позиций двух указанных направлений прецедентные феномены осмысляются на уровне языка, сознания и культуры.

3. Обзор научных публикаций по вопросам изучения прецедентных феноменов с литературной источниковой сферой в различных типах коммуникации показал, что данные единицы постоянно попадают в сферу внимания лингвистов. Это обусловлено «литературоцентричностью» русского общества, особой значимостью текстов художественной литературы для представителей русского лингвокультурного сообщества. В лингвистической литературе представлены различные классификации источников литературных прецедентных феноменов, формирование которых обусловлено спецификой исследуемого языкового материала и общими задачами исследования. Поднимаются также вопросы о вербальных актуализаторах прецедентных художе-

ственных текстов в том или ином дискурсе, трансформационных вариантах прецедентных феноменов и выполняемых функциях; анализируются динамические изменения в корпусе литературных прецедентных единиц; путем проведения и описания психолингвистического эксперимента исследуются особенности их восприятия. Особо отмечается значимость изучения прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература» при освещении вопросов теории и практики межкультурного общения. Однако специального исследования, посвященного комплексному анализу функционально-семантических, генетических и прагматических особенностей литературных прецедентных феноменов в дискурсе российских печатных СМИ, ранее не осуществлялось.

ГЛАВА 2. Вербализация литературных прецедентных феноменов в дискурсе российских печатных СМИ

Основной целью данной главы является анализ способов вербальной репрезентации литературных прецедентных феноменов в массово-информационном дискурсе.

Для достижения поставленной цели следует:

- определить аспекты в исследовании способов вербализации литературных прецедентных феноменов в СМИ;
- классифицировать и описать прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в соответствии с выделенными аспектами.

Изучение способов вербальной апелляции к сфере художественной литературы является важным направлением в исследовании данной сферы в качестве источника прецедентности, что обусловлено многообразием подобных апелляций. Под вербализацией следует понимать механизмы вербального (словесного) введения определенного когнитивно значимого прецедента (в данном случае элемента художественного текста или имени автора) в какой-либо дискурс и дискурс языковой личности в целом.

Опираясь на имеющиеся в лингвистической литературе классификации (см. п. 1.3 данной работы) и несколько трансформируя их, мы выделяем три основных способа вербальной апелляции к сфере художественной литературы в дискурсе СМИ:

- 1) использование реального или вымышленного литературного прецедентного имени (имени автора или героя художественного произведения);
- 2) употребление литературного прецедентного высказывания (названия художественного произведения или цитаты из него);
- 3) описательная отсылка к художественному тексту (описание характерной для определенного художественного текста и легко узнаваемой читателем ситуации без использования имен героев произведения или цитат из него).

Как показывает проведенный анализ, наиболее частотным способом вербальной репрезентации литературных прецедентных феноменов в текстах

печатных СМИ является использование литературного прецедентного высказывания (48,0 %), далее по частотности употребления следует литературное прецедентное имя (40,7 %), наименее частотными оказываются случаи описательной вербализации (11,3 %). Превалирование прецедентных высказываний объясняется, очевидно, тем, что данные виды прецедентных единиц в наибольшей степени отражают специфику массово-информационного дискурса с его чередованием стандарта и экспрессии. Использование известных прецедентных высказываний, с одной стороны, стандартизирует подачу информации, а с другой – вносит в нее экспрессию, ибо зачастую актуализирует нестандартные смыслы данных высказываний посредством различных трансформаций.

Указанные статистические данные обусловили последовательность дальнейшего анализа выделенных способов.

Применение лингвокогнитивного подхода к изучению способов вербализации прецедентных феноменов позволяет актуализировать семантический, когнитивный, функциональный и формальный аспекты в их исследовании, на каждом из которых мы последовательно и остановимся.

2.1. Литературное прецедентное высказывание

Основываясь на определении прецедентного высказывания, данным отечественными исследователями прецедентных феноменов (см. п. 1.2), под литературным прецедентным высказыванием мы понимаем репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченную и самодостаточную единицу, которая может быть или не быть предикативной, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу и сферой-источником которого является художественная литература. Группа литературных прецедентных высказываний, как уже отмечалось, формируется названиями произведений и цитатами из них.

С позиции семантики функционирующих в дискурсе СМИ литературных прецедентных высказываний данные единицы могут быть семантически свя-

занными, т. е. сохранившими связь с прецедентным текстом, и семантически автономными, т. е. потерявшими связь с породившим их текстом-источником [Гудков 2003: 206]. Среди семантически автономных прецедентных высказываний можно выделить также такие высказывания, которые никогда не имели подобной связи в силу их изначальной автономности [Гудков 2003, Захаренко 1997, Красных 2003]. В данном случае подразумеваются пословицы и поговорки, не имеющие автора и текста-источника по определению. Подобные единицы, как мы уже указывали, находятся за пределами нашего внимания. Однако, как показывает проведенный анализ, существует некоторый промежуточный вариант, когда прецедентное высказывание имеет автора, но не имеет текста-источника, который мог бы актуализироваться, ибо высказывание изначально создавалось как самодостаточная текстовая единица. В рамках данного исследования подобными единицами оказываются различные афоризмы, авторами которых являются отечественные или зарубежные писатели (например, афоризмы группы русских авторов, имевших коллективный псевдоним Козьма Прутков).

Как показывают результаты проведенного исследования, наибольшее количество литературных прецедентных высказываний, функционирующих в текстах отечественных СМИ, отличается автосемантичностью формируемого ими значения, что обусловлено их изначальной или приобретенной автономностью (64,7 %): *Никогда количество донорских органов не было равно количеству нуждающихся в них. Но в России все усугубляется последствиями скандала, связанного с «делом о врачах-убийцах». Казалось бы, **события давно минувших дней**, но они до сих пор сказываются на работе трансплантологов* (В. Шумаков // АиФ, 2006, № 45); *О **веке нынешнем** ежеминутно напоминают мониторы, вмонтированные в основные стенды, о **веке минувшем** - скупое освещение и выступающие из темных углов призраки: костюмы, одежда, украшения* [об открытии выставки в Историческом музее в Москве] (А. Глушенкова // НГ, 2004, № 87); *А **королева-то голая*** [назв. статьи о победительнице шахматной олимпиады, снявшейся обнаженной в мужском журнале] (А. Гусятинский // КП-Екат., 2006, № 24). Высокая частотность подобного рода употреблений связана со спецификой анализируемого дискурса, в создании которого принципы опера-

тивности, мобильности имеют первостепенное значение. В связи с этим анализируемые нами единицы становятся не только и не столько стилистическим средством углубления, расширения смысла публикации, сколько способом быстро и выразительно описать необходимые события. Однако подобная установка на использование прецедентных феноменов как первичного средства коммуникации, «готовых» единиц языка [Денисова 2003] зачастую приводит к тому, что первоначально образное выражение теряет свою выразительность из-за частой повторяемости [Сковородников 2004: 303], стилистический прием превращается в газетный штамп, а экспрессия переходит в стандарт. Именно это произошло с такими, например, литературными прецедентными высказываниями, как *квартирный вопрос, блеск и нищета куртизанок, поэт в Росси больше, чем поэт, человек – это звучит гордо* и др., которые из-за частой повторяемости в разнообразных трансформационных вариантах воспринимаются, скорее, как стандартные речевые формулы, нежели экспрессивно-выразительное средство. В отдельных случаях при подобной стандартизации прецедентных высказываний возникает вопрос об этичности некоторых употреблений, когда первоначально высокий смысл высказывания не просто снижается, но опошляется и физиологизируется: *Некий дискомфорт! Да я три дня не мог ходить по малой нужде! А передвигался - в раскарачку! Мужики! Храните верность своим любимым, Чтобы не было мучительно больно!* (А. Мешков // КП-Екат., 2006, № 75).

Семантически связанные с текстом-источником литературные прецедентные высказывания встречаются в текстах печатных СМИ несколько реже (35,3 %): *В суды я больше не ездук. Генпрокуратура вынудила свидетелей - Мизамора и Тиди, топ менеджеров «ЮКОСа» - покинуть Россию* (б/а // НГ, 2005, спец. вып.); *Народ безмолвствует, но не верит* [об ожидании суда над убийцами, в справедливость наказания которых народ не верит] (Н. Варсегов // КП, 2006, № 189). Подобные употребления являются своеобразным способом оценочной интерпретации описываемых фактов и событий. Так, в первом примере герои публикации имплицитно сопоставляются с героем комедии А. С. Грибоедова Чацким, которому принадлежит одна из финальных реплик произведения – *Вон из Москвы! сю-*

да я больше не ездок. Трансформация данного выражения обусловлена, с одной стороны, фонетической близостью замещаемой и замещающей словоформ (*сюда – в суды*), а с другой, что наиболее значимо, адаптирует известное выражение к актуальной современной политической ситуации и служит способом ее номинации и оценки. Использование данного высказывания с последующим комментарием позволяет автору образно и эмоционально выразить свое отношение к описываемым событиям: российский суд оказывается своего рода фамусовским обществом, которое, используя закулисные интриги, а не имеющиеся факты, вынуждает героев публикации покинуть страну, как вынуждают Чацкого уехать из Москвы. Во втором примере прецедентное высказывание *народ безмолвствует* является заключительной ремаркой трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». Как отмечает Д. Б. Гудков, данное прецедентное высказывание обозначает не просто всеобщее молчание, оно употребляется для выражения «покорной непокорности», приобретая дополнительный символический смысл взаимоотношений власти и народа [Гудков 2003: 208].

Прецедентное высказывание обладает определенной когнитивной структурой, основными элементами которой являются поверхностное и глубинное значение. Под поверхностным значением понимается такое значение, которое равно сумме значений компонентов высказывания. Глубинное значение не равно только сумме значений компонентов высказывания и представляет собой семантический результат сочетания компонентов ПВ, формирующих его лексико-грамматическую структуру [Красных 2003: 39]. При этом анализ имеющегося фактического материала позволяет нам выделить две разновидности глубинного значения литературного прецедентного высказывания: значения, заключенного в самом высказывании, и значения, выводимого из смыслов текста-источника. В первом случае речь идет об актуализации так называемой «связи времен», когда употребленное в газетном тексте прецедентное высказывание несет какой-то обобщающий, философский смысл, подчеркивает повторяемость и остающуюся неразрешенность общественно-

политических проблем или выражает иронию по поводу изменившихся духовных установок общества. Во втором случае имеются в виду такие литературные прецедентные высказывания, которые тоже апеллируют к культурному и историческому прошлому, но при этом моделируют внеязыковую действительность и оценивают ее путем соположения с известной литературной ситуацией. Системный смысл прецедентного высказывания («кто, когда и где использует прецедентное высказывание, что, зачем и почему хочет сказать автор текста, содержащего данное высказывание» [Красных 1998: 75]) обуславливается актуализацией одного из указанных значений или их совокупности и системными связями с принимающим текстом в целом.

В связи с этим в когнитивном аспекте представляется возможным выделить прецедентные высказывания с актуализацией поверхностного значения / поверхностного и глубинного₁ / поверхностного и глубинного₂ / глубинного₂. При актуализации только поверхностного значения употребление прецедентного высказывания основано на возможном знакомстве потенциального читателя прежде всего с самим выражением, а в случае трансформации – с его первоначальной формой (где-то слышал, читал или когда-то учил) и не предполагает соположения с текстом-источником. Однако отсутствие даже поверхностного знакомства не вызывает коммуникативного сбоя, т. к. системный смысл высказывания основан на понимании значений его компонентов, а прогнозируемое предшествующее знакомство служит лишь средством привлечения внимания к материалам публикации, повышения интереса читателя: *Жара и дождик – день чудесный* [название прогноза погоды] (И. Огилько // РГ, 2005, № 158); *Ловись, скидка, большая и маленькая* (Е. Надрова // РГ, 2005, № 146).

Во втором случае (при актуализации поверхностного и глубинного₁ значений) формирование смысла высказывания предполагает осознание читателем того, что прочитанное им уже когда-то кем-то из великих было помыслено и красиво сказано, при этом знание текста-источника не требуется. Так, например, в тексте *Однако когда в двустороннем договоре «строку диктует чувство», а не здравые рациональные мотивы, когда история становится важнее сегодняшние-*

го дня, рушится вся конструкция межгосударственных отношений (мнение редакции // Изв., 2005, № 109) графически маркированное литературное прецедентное высказывание является цитатой из стихотворения Б. Пастернака «О, знал бы я, что так бывает» (1931). Однако для экспликации смысла данного употребления соположение с поэтическим текстом не предполагается, ибо все понятно из имеющегося контекста. К тому же, оставаясь неизменным по семантике, данное высказывание в газетном тексте имеет совсем иные, нежели в тексте-источнике, прагматические смыслы. У Б. Пастернака оно символизирует высшую степень творческой самоотдачи (ср. *Когда строку диктует чувство / Оно на сцену шлет раба, / И тут кончается искусство / И дышат почва и судьба*), а в анализируемом примере выражает негативное отношение автора текста к ситуации, когда эмоции оказываются сильнее разумных доводов.

В третьем случае (при актуализации поверхностного и глубинного² значений) прецедентное высказывание апеллирует к знаниям о тексте-источнике или хотя бы к редуцированному представлению о нем. Однако отсутствие этих знаний или представлений не приводит к существенному коммуникативному сбою (за счет имеющейся актуализации поверхностного значения), а лишь обедняет смысловое богатство интертекстуального знака. Так, например, системный смысл литературного прецедентного высказывания в статье, имеющей заголовок *Версия милиции: а был ли мальчик?* (И. Павлова // КП, 2006, № 73), формируется несколько иначе, чем в предыдущем случае. С одной стороны, смысл этого заголовка понятен из значения компонентов самого высказывания и из содержания статьи. В ней речь идет о совершившем правонарушение сыне высокопоставленного чиновника и о том, как отец пытается «выгородить» сына, утверждая, что в расследовании допущена ошибка и с места преступления скрылся далеко не молодой (а старшего возраста) человек. С другой стороны, существенное значение имеет тот факт, что данное высказывание является цитатой из романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина» и символизирует в нем не только и не столько пропажу некоего мальчика (утонувшего Бориса Варавки), но и вообще зыбкость и относительность

многих, казалось бы, очевидных вещей, стремление не решить проблему, а убежать, скрыться от нее.

В четвертом случае (при актуализации только глубинного значения) формирование смысла литературного прецедентного высказывания основано прежде всего на актуализации текста-источника, а поверхностное значение оказывается практически не задействованным. Подобные употребления обнаруживают существенное сходство или даже тождество с фразеологизмами (в их традиционном, основанном на концепции В. В. Виноградова, понимании): с точки зрения их порождения они характеризуются переориентацией значения, а с точки зрения восприятия – его непрозрачностью, т. е. невозможностью или затруднительностью выведения значения выражения, исходя из его компонентов. Данные литературные прецедентные высказывания значительно усложняют коммуникацию, образно переосмысливают действительность и имеют ярко выраженные оценочные коннотации: *«Мертвые души» в ЖЭЖе* [заголовок]. *В штатах домоуправления не хватает примерно 30-40% дворников, сантехников и лифтеров, однако туляков заставляли платить за эти «мертвые души»* (М. Чижов // *АиФ*, 2005, № 45); *Индустрия зимнего туризма терпит крах – за снегом надо ехать на Волгу и дальше в Сибирь. У метеорологов сплошные интервью. Уф, Остапа понесло. Все, с этим покончено. Зима все-таки есть со снегом, метелями и массой подзабытых проблем* (А. Беляев // *Собеседник*, 2007, № 4).

Актуализация одного из компонентов когнитивной структуры литературного прецедентного высказывания или их совокупности коррелирует с функциональными особенностями данных единиц. В функциональном плане мы выделяем три основных способа употребления литературных прецедентных высказываний в дискурсе СМИ: экспрессивно-стилистический, аргументативно-афористический и собственно семиотический. В основу данного деления положен принцип различий в дискурсивных особенностях порождения смысла, обусловленных формальной и когнитивной структурой высказывания и выполняемыми функциями.

Экспрессивно-стилистическое употребление характерно для литературных прецедентных высказываний с актуализацией только поверхностного

значения. Автосемантичность данных единиц и произведенные с ними различные трансформации обуславливают возникновение транспозиции, для которой характерно использование «слов и форм в необычных для них <...> значениях и / или с необычной предметной соотнесенностью» [Арнольд 2002: 93]. Подобным образом обычно употребляются названия произведений или небольшие по объему и довольно известные цитаты, призванные стилистически обогатить газетный текст и внести в него экспрессию (которая, однако, как мы уже отмечали, может стираться из-за частой эксплуатации одних и тех же высказываний): *Блеск и нищета лучевой диагностики* (И. Соколов // РГ, 2006, № 108); *Тысяча и одна поправка* (Л. Никитский // НГ, 2005, № 96). В таких случаях, как отмечает И. В. Захаренко, «максимум, что «грозит» в общении при незнании прецедентного текста и / или прецедентной ситуации, означаемым которых выступает прецедентное высказывание, – не будет оценена красота речи автора» [Захаренко 1997: 95], не произойдет соположения (которое, в принципе, является излишним) реальной и описанной в литературном произведении ситуации.

Аргументативно-афористическое функционирование обнаруживают литературные прецедентные высказывания с актуализацией поверхностного и первой разновидности глубинного значения. В этом случае они используются в качестве генерализованных высказываний, «аккумулирующими в виде формул, правил, афоризмов, сентенций сумму знаний о мире и упорядоченными в индивидуальном тезаурусе» [Караулов 1987: 230 – 231]. Существенным отличием данного употребления от экспрессивно-стилистического является то, что афористические высказывания имеют философский или философско-иронический смысл и «служат своего рода «указателями», обозначают специальное «русло», особого рода «канал», по которому развиваемая в дискурсе языковой личности мысль как бы вливается в широкий «ментальный контекст» духовного арсенала произведения [а в нашем случае – статьи], читателя, эпохи» [Караулов 1987: 230]: <...> *Так что воистину всякий народ имеет то правительство, которое он заслуживает* (Б. Туманов // НВ, 2004, № 45); *В Рос-*

сии же главная беда, как известно, - дороги. Поэтому специально для нашего внедорожника придумана вспомогательная резина – гусеничная (П. Молоткова // АиФ, 2006, № 12); *Орудия и механизмы, созданные Леонардо да Винчи, демонстрируют в Гуме под им же написанную музыку. Какой-то ребенок спросил: «А поет тоже он?» - «А как же, конечно», - ответила мама. Что ни говори, широк итальянский человек, надо бы, как предлагал классик, сузить* (И. Шевелев // РГ, 2006, № 108).

Подобные употребления, сопровождающиеся указанием на авторство, зачастую являются средством усиления аргументации и / или отправной точкой для последующих размышлений журналиста: *Когда-то Искандер заметил, что утренний прогноз погоды – маниакальный синдром москвичей. Теперь у нас как минимум два таких психоза – погода и курс доллара* (М. Тарусин // Изв., 2006, № 106); *Известный прозаик Сергей Довлатов как-то сказал, что гений - это бессмертный вариант простого человека. Именно к таким людям можно отнести Василия Никитича Татищева* (А. Заякин // АиФ-Урал, 2006, № 12). В отдельных случаях высказанная известным писателем мысль может опровергаться автором или героем публикации: *Лев Толстой морочил нам голову. Его знаменитый тезис о том, что «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастна по своему», ученые решительно опровергли. Оказывается, семьи больше похожи своими несчастьями, а вот счастье у каждой семьи будет свое¹* [вступление к статье о периодах в семейной жизни и ее отличиях от холостяцкой] (Л. Васильева // КП, 2006, № 71-т/20); *Художнику трудно жить без поощрения. Я хочу сказать, без поощрения как некоего внешнего отклика на его труд. Самому себя художнику оценивать сложно. Пусть Пушкин справедливо писал, что художник сам себе «высший суд», тем не менее, всякое признание подхлестывает тебя в самом лучшем смысле этого слова* (М. Хуциев // РГ, 2006, № 114).

Употребление литературных прецедентных высказываний в качестве афоризмов может быть средством иронического и / или метафорического осмысления той или иной ситуации, однако метафора в этом случае опять же понятна без привлечения смыслов текста-источника: *Что делать? «Принимать нужные законы», – говорят депутаты. «Усилить контроль», – убеждены чиновники. Некоторые из них даже считают, что цены на лекарства в будущем году могут снизиться <...> В общем, говоря словами великого грузинского поэта Шота Руставели,*

¹ В оригинале вместо форм *несчастные, несчастна* используются *несчастливые, несчастлива*.

«каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны» (В. Сивкова // АиФ, 2004, № 47); В 1996 году указом президент РФ были утверждены «Основные направления государственной семейной политики», определяющие принципы и механизмы реализации основных направлений семейной политики... Однако практического значения эти «Основные направления» не имели. Как говорил в подобных случаях А. Твардовский, «обозначено в меню, а в натуре нету» (В. Переведенцев // НВ, 2004, № 51).

Семиотический способ функционирования был выделен и описан Ю. Н. Карауловым по отношению к прецедентным текстам в целом и определен как случай, когда «весь текст или значительный его фрагмент выступают как целостная единица обозначения» [Караулов 1987: 217]. Принимая данное определение, мы несколько сужаем круг прецедентных единиц, выполняющих семиотическую функцию, актуализируя наличие глубинных, не выводимых из самого прецедентного знака смыслов (в концепции Ю. Н. Караулова употребления, подобные описанным выше экспрессивно-стилистическим и аргументативно-афористическим, тоже относятся к числу семиотических). В нашей интерпретации семиотическое использование литературного прецедентного высказывания оказывается характерным для случаев актуализации поверхностного и глубинного₂ значений или только глубинного₂, т. е. когда текст-источник оказывается задействованным в формировании смысла высказывания. Так, например, статья, поднимающая проблему отношения власти и народа к памятникам и к страшному советскому прошлому, запечатленному в некоторых из них, называется *Наш Каменный гость — железный Феликс* (Е. Евтушенко // НГ, 2007, № 60) и имеет подзаголовок *Что делать с памятниками? А с нами самими?* В данном случае происходит актуализация поверхностного и глубинного₂ значений литературного прецедентного высказывания *каменный гость*, являющегося названием драмы А. С. Пушкина, ибо смысл данного употребления доступен и без знания пушкинского текста, однако создаваемая автором аналогия (даже каменная статуя способна увлечь в ад) существенно его обогащает. Другая статья, о скандальной смене власти в Волгограде и о наступившем там политическом кризисе, начинается словами *Неладно что-то в королевстве Датском* (Е. Журавлева // Труд,

2007, № 27). Данное высказывание является несколько искаженной цитатой из трагедии В. Шекспира «Гамлет» и служит средством образного осмысления и оценки освещаемой политической ситуации через установление ассоциативных векторов с известным художественным произведением. В данном случае актуализируется только глубинное значение высказывания, ибо смысл его употребления никак не выводится из значения компонентов.

Подобные семиотически осложненные употребления литературных прецедентных высказываний соотносятся с реминисценциями, т. е. ассоциативными отсылками к другому тексту, полностью или частично отражающими лексико-грамматическую структуру исходного текстового фрагмента [Москвин 2002].

Таким образом, взаимосвязь между актуализированными элементами когнитивной структуры литературного прецедентного высказывания и особенностями его функционирования в дискурсе СМИ можно отразить в следующей схеме:

Данные о частотности актуализаций видов значений литературных прецедентных высказываний и способов их функционирования представлены в следующей таблице.

Актуализация значения	Функционирование	%	
поверхностное	экспрессивно-стилистическое	38,1	
поверхностное + глубинное ₁	аргументативно-афористическое	26,6	
поверхностное + глубинное ₂	семиотическое	17,2	35,3
глубинное ₂		18,1	
ВСЕГО		100	

Как видно из таблицы, экспрессивно-стилистическое использование литературных прецедентных высказываний является наиболее частотным, что связано с «борьбой» современных печатных СМИ за читателя, со стремлением заинтересовать в материалах публикации массовую читательскую аудиторию.

С точки зрения формальных преобразований использование литературных прецедентных высказываний может быть каноническим (т. е. без формальных изменений) или трансформированным. Под трансформацией мы понимаем случаи явного преобразования известного прецедентного высказывания, являющегося стилистическим приемом (в отличие от случаев неточного, ошибочного цитирования), с целью придания тексту особых прагматических эффектов.

Как мы уже отмечали в п. 1.3. данной работы, различные способы трансформаций прецедентных высказываний активно изучаются современными исследователями. Анализ языкового материала позволяет говорить о том, что трансформированные прецедентные высказывания составляют значительную часть (41,8 %) от общего числа имеющихся в картотеке высказываний (408 из 976). При этом чаще всего встречается лексическое **замещение** (107): *За морем жилье не худо* (редакция // Труд-7, 2004, №238); *Январь! Достать чернил и плакат* (А. Ерастов // Труд, 2005, № 2), *С вином виноватые* [название статьи об ал-

коголизации населения России]; **добавление** (46): *Выхожу один я на дорогу... А зачем?* (И. Николаева // Труд-7, 2004, № 234), *К нам едет ревизор! По распоряжению Хлестакова?* (Е. Дьякова // НГ, 2004, № 87), *Последние из царицынских могил* (Н. Егоршева // Труд, 2005, № 105); **усечение** (9): *Что имеем, не храним ...* (В. Гаврилов // Труд-7, 2004, № 234), *Рожденный ползать* (А. Хабургаев // РГ, 2006, № 4027); **контаминация** (29): *«я помню чудное мгновенье, без божества, без вдохновенья»* (С. Беднов // Труд, 2007, № 133), *Семеро козлят отпущения* (М. Хайруллин // НГ, 2005, № 27), *Дети капитана Флинта* (М. Корец // Труд-7, 2005, № 210); **новое лексическое наполнение синтаксической конструкции** прецедентного высказывания (5): *Но если маразмы плодятся вопреки здравому смыслу, значит, это кому-нибудь нужно* (А. Ягодкин // НГ, 2005, № 30); *Ведь если двери открываются - значит, это кому-нибудь надо, но если двери закрыты - значит, это тоже кому-то надо* (Е. Бунимович // НГ, 2005, № 30); **изменение функциональной модальности** высказывания (4): *Свои люди - сочтутся?* (В. Климцев // ТР, 2006, № 3); *Из искры возгорится пламя?* (С. Телегин // СР, 2006, № 6), а также **различные комбинации** перечисленных **трансформаций** (208): *Когда мороз и солнце... в квартире* (М. В. и Е. С. Кочетовы // ТР, 2006, № 8), *Пенсионером можешь ты не быть* (И. Невинная // РГ, 2004, № 3629), *Как закаляют Сталина* [о памятнике Сталину] (НГ, 2005, № 24).

Подобное варьирование литературных прецедентных высказываний можно рассматривать как результат языковой игры, т. е. «неканонического использования языковых единиц с установкой на эстетическое восприятие последних, пусть даже эта установка ограничивается стремлением не быть скучным, пошутить, привлечь внимание к форме речи» [Гридина 1996: 4]. Эффект языковой игры при использовании в газетных текстах широко известных высказываний в трансформированном виде, но при этом легко узнаваемых, основан на том, что каноническая форма высказывания выступает в качестве ассоциативного контекста для интерпретации подвергшихся изменению элементов. Весьма интересна в этом отношении проводимая Б. Ю. Норманом аналогия между языковой памятью человека и складом «секонд хэнд», т. е. «складом» высказываний, уже бывших в употреблении. При этом ученый отмечает, что «ничего обидного в данном сравнении нет: ведь

ассортимент тут все равно огромен и выбор на любой вкус!» [Норман 2006: 141].

Различного рода измененные высказывания обычно функционируют в дискурсе СМИ в виде заголовка статьи, являющегося сильной позицией текста, становятся ярким атрибутом последнего (его «фатическим оператором») [Смулаковская 2004], служат прежде всего способом привлечения внимания читателя и не несут при этом какой-то важной смысловой нагрузки. Лишь в отдельных случаях подобные модификации способны расширить смысловые границы газетного текста в целом за счет ассоциативных связей с художественным текстом-источником. Так, например, в заголовке статьи *Дом, где разбиваются софиты* (К. Кедров // НВ, 2004, № 45), используется название известной пьесы английского драматурга Б. Шоу «Дом, где разбиваются сердца». Статья освещает произошедший в Доме кино скандал во время проведения VI съезда Союза кинематографистов, на котором в очередной раз на пост председателя Союза кинематографистов был избран его бессменный руководитель Н. Михалков, способствовавший, по мнению автора статьи, полному развалу и Союза, и Дома кино. Возлагавшиеся на этот съезд надежды на изменения в деятельности членов Союза, таким образом, рухнули, причем во многом по вине самих голосовавших, продемонстрировавших «лояльность могущественному представителю могущественного клана». Так же, как и у героев пьесы Б. Шоу, очевидно, в силу их внутренней слабости и наивности, у отечественных деятелей кино рушатся надежды и разбиваются сердца, вместе с софитами, которым, по мнению журналиста, нечего освещать, ибо в Доме кино царят темнота и запустение. Таким образом, семиотическое использование литературного прецедентного высказывания создает параллелизм в восприятии прецедентной и реальной ситуации, способствует углублению и расширению смысла публикации.

Очевидно, что трансформация формальной структуры литературного прецедентного высказывания неизменно сопровождается изменениями в его когнитивной структуре и обуславливает актуализацию его поверхностного

значения, ибо читатель «вынужден «проецировать» подобные трансформированные единицы на фон более знакомых «предшественников» [Норман 2006: 158]. Возможны, однако, и такие случаи, когда формально высказывание остается практически неизменным, а его семантика претерпевает существенные изменения в силу буквализации отдельных компонентов или актуализации у них иных семантических признаков: *Небо в алмазах* [заголовок в статье о попытке контрабанды крупной партии драгоценных камней, предпринятой в аэропорту] (И. Зубков, Т. Канахина // РГ, 2004, № 3463); *Британцы научились экономить на освещении улиц – новый фонарь работает на солнечных батареях и энергии ветра. Впрочем, англичане готовы сражаться не только с ветряными мельницами – новый автомат <...> сгибается пополам и дает возможность стрелять из-за угла* (П. Молоткова // АиФ, 2006, № 12). Для подобных словоупотреблений связь с прецедентным текстом-источником не характерна, ибо они в данных контекстах оказываются автосемантическими.

Активное использование различного рода трансформированных литературных прецедентных высказываний в дискурсе СМИ говорит о «речевой вольнице» сегодняшнего дня [Валгина 2003], о нивелировании противопоставления «своего» и «чужого» слова, об отсутствии неприкосновенности в отношении «чужого» языкового материала, различные модификации которого способны, по образному выражению В. Г. Костомарова и Н. Д. Бурвиковой, влить в старые мехи молодое вино [Костомаров, Бурвикова 2001].

2.2. Литературное прецедентное имя

Основываясь на имеющемся в современных лингвистических исследованиях определении (см. п. 1.2), литературное прецедентное имя мы понимаем как реальное или вымышленное индивидуальное имя, связанное с широко известным художественным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных. Среди литературных прецедентных имен выделяются реальные имена (имена авторов) и вымышленные имена (имена литературных героев): *Только вот одного быть [при Александре III] не могло: трупа Некрасова или Салтыкова-Щедрина в пять часов вечера в собственном подъезде, и чтобы рядом лежал*

«смит-вессон». А государь император чтобы сказал прилюдно, что убийство Шедрина даже вреднее его творчества. Все-таки был воспитанный человек [об убийстве А. Политковской] (В. Новодворская // НВ, 2006, № 47); И здесь история Димы и Алены [покончивших жизнь самоубийством] действительно похожа на любовь Ромео и Джульетты (А. Беляев // КП, 19. 12. 2006).

Как показывает проведенный анализ, вымышленные литературные прецедентные имена в дискурсе СМИ встречаются гораздо чаще (61,4 %), чем реальные (38,6 %). Полученное соотношение объясняется, на наш взгляд, несколькими причинами. Во-первых, вымышленных прецедентных имен в принципе больше, чем реальных, ибо художественных произведений, и тем более их персонажей, гораздо больше, чем писателей. Вторая причина связана с существенными различиями в функционировании данных единиц и спецификой газетно-публицистического дискурса, призванного не только информировать читателей о происходящих в стране и мире событиях, но и оценивать, интерпретировать последние. А вымышленные имена в силу их связи с текстом-источником оказываются более склонными к метафоризации, в результате которой соответствующее явление подводится под определенную категорию (по Дж. Лакоффу), что позволяет лучше определить сущность того или иного явления и выразить свое отношение к нему [Чудинов 2003: 60].

С позиций семантической связанности с текстом-источником все вымышленные литературные прецедентные имена являются семантически связанными, ибо их употребление в дискурсе основывается на актуализации закрепленных в сознании носителей языка и культуры коннотаций, формируемых художественным текстом (или рядом текстов). Связь с источником у вымышленного имени может быть ослабленной, представление о его носителе – редуцированным, однако подобное имя все равно употребляется в соответствии с прототекстовыми коннотациями или частью из них (Дон Жуан, Анна Каренина, дядя Степа). В отношении реальных литературных прецедентных имен данный критерий оказывается неприменимым, ибо художественный текст является не источником подобных единиц, а своего рода атрибутом (об этом подробнее далее).

Прецедентное имя, как и прецедентное высказывание, обладает определенной когнитивной структурой, элементами которой являются дифференциальные признаки имени, его атрибуты и оценка. Дифференциальные признаки (по аналогии с дифференциальными семами, выделяемыми в структуре лексического значения слова отечественными исследователями лексической семантики [Никитин 1997]) представляют собой «некую сложную систему определенных характеристик, отличающих данный предмет от ему подобных» [Красных 2003: 198]. Система дифференциальных признаков прецедентного имени обладает структурой, позволяющей выделить несколько групп характеристик, определяющих денотат прецедентного имени: характеристика по внешности, по чертам характера, по роду деятельности, по связи с прецедентной ситуацией или текстом (в нашем случае – с ситуацией, описанной в известном художественном тексте). При употреблении литературного прецедентного имени в газетном тексте происходит актуализация одного из дифференциальных признаков или их некоторой совокупности: *«Природа словно посмеялась надо мной, - сокрушается в своем письме Петр. - С какой стороны ни глянь - хочется заплакать. Просто **Квзимодо** в чистом виде!»* (Л. Сергеева // Труд, 2007, № 552); *А сам жених как? **Не Отелло?*** (Е. Лаптева // КП, 2006, № 79-Т/22); *«Почта России» повысит зарплату для своих сотрудников. Уже сегодня уральские отделения переведены на ЕСОТ – единую систему оплаты труда. Благодаря ей до конца года вырастет фонд заработной платы наших **Печкиных**. Правда, всего на тридцать процентов* (Е. Матафонова // АиФ-Урал, 2006, № 45); *То, что произошло со сборной Украины в групповом турнире, напомнило мне сказку о Золушке. Тыква превратилась в красивую карету, а крысы - в великолепных лошадей* (О. Блохин // ФХ, 2006, № 24); *В его натуре, казалось бы, невозможное сочетание — **Штольц и Обломов. Добрый, грузный, умный, одаренный и неудачливый в любви, как Обломов. Энергичный, неутомимый и деловитый, как Штольц*** (К. Кедров // Изв., 28.05.07).

Под атрибутами прецедентного имени подразумеваются «некие «элементы», тесно связанные с означаемым прецедентным именем, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации (кепка Ленина, бакенбарды Пушкина, маленький рост Наполеона)» [Красных 2003: 202]: *А Львов, прости меня, Украина, еще раз, он вообще не совсем украинский, разве что у неко-*

торых атлантов усы, как у Тараса Шевченко (А. Ульянова // НВ, 2004, № 46); Фестиваль «Окно в Европу» только стартовал, а одна награда уже нашла своего обладателя. Им стал «Бумер» - лидер проката 2003 года среди российских лент. Приз учредила «Российская газета», вручал его автор этих строк. Вручать довелось не специально отлитую статуэтку, а специально изготовленный стул, похожий на тот, за которым гонялись **Остан Бендер и Киса Воробьянинов** (Ю. Богомолов // РГ, 2004, № 3550).

Прецедентные феномены, как уже отмечалось, обладают ярко выраженной оценочностью, аксеологичностью. Они имеют существенное значение в формировании мифологической системы лингвокультурного сообщества и в представлении определенных моделей поведения, одобряемых или осуждаемых этим сообществом. Ключевая роль в реализации этой функции принадлежит именно прецедентным именам, задающим пантеон «героев» и «злодеев» [Гудков 2003: 137]. В связи с этим оценка является важным элементом когнитивной структуры прецедентного имени. Отечественными исследователями оценка рассматривается в качестве одного из видов модальности, «которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения» [Вольф 2006: 11]. При этом оценочная модальность определяется как «связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией говорящего / слушающего и обозначаемой реалией (точнее — каким-либо свойством или аспектом рассмотрения этой реалии), оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию (эмоциональному, этическому, утилитарному и т. п.) в соответствии со «стандартом» бытия вещей или положения дел в некоторой картине мира, лежащим в основе норм оценки» [Телия 1986: 22 – 23]. Как отмечает Д. Б. Гудков, прецедентные имена «указывают на инвариантные представления тех «культурных предметов», которые представляют собой эталоны национальной культуры» [Гудков 2003: 152].

Е. М. Вольф в монографии «Функциональная семантика оценки» утверждает, что оценка «подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой» [Вольф 2006: 5 – 6]. В связи с широким спектром актуальных для периодических изданий общественно-

политических проблем объектом оценки посредством использования литературных прецедентных имен (обычно – имен персонажей, реже – имен авторов) выступают современные политические лидеры, деятели литературы, театра, кинематографа, журналисты, спортсмены, а также обычные люди – герои публицистических статей: *Жак Ширак - Гаргантюа и Пантагрюэль* [о гастрономических предпочтениях политического лидера] (Я. Бедовая // КП-Екат., 2006, № 74); *Вообще есть спрос на стилистику 20—30-х годов: оформление, бабушкины (иногда прабабушкины) туалеты. И неизменный Остап Бендер в качестве ведущего!* (М. Тумашкова // НГ, 2007, № 41); *Ромео с петлей на шее* [о трагической гибели влюбленного юноши] (М. Корец // Труд-7, 2006, № 92).

В зависимости от того, носителем каких качеств или характеристик является литературный герой, его имя может становиться средством отрицательной или положительной оценки, причем более частотной оказывается отрицательная оценка. Это объясняется, на наш взгляд, критическим взглядом журналистики на реалии современной жизни. Так, например, имя *Чичиков* актуализирует в сознании читателя такие негативные качества (являющиеся дифференциальными признаками имени), как *мошенничество и притворство*: *Тронная речь бессменного председателя [Союза кинематографистов] по интонации напоминала признания Чичикова о том, что много в жизни претерпел, а все потому что и сироте, и вдове ни в чем не отказывал. Кроме того, Павел Иванович обладал чувствительным сердцем и, завидя нищего, обязательно давал ему грошик. Так Михалков рассказывал о какой-то нищей вдове-актрисе и о не менее нищем знаменитом актере, которым он, конечно, помог. Похоже, что эти нищие и уволокли миллион* (К. Кедров // НВ, 2004, № 45). Другой герой Н. В. Гоголя – *Хлестаков* – ассоциируется с *наглостью, фамильярностью*: *Хочу, чтоб журнала не коснулась ни цензура, ни самоцензура, но самоконтроль, внутренний критик был всегда. Он должен подсказать, например, что неприлично называть Чехова «Антон Палыч» - это значит уподобиться Хлестакову («С Пушкиным на дружеской ноге»)* (Н. Смирнова // НВ, 2005, № 1-2), или *взятничеством*: *Юлия Тимошенко готовит новый аукцион по «Криворожстали» и проверку всех государственных монополий Украины. <...> Но уже до проверки г-жа Тимошенко уверена, что они используют теневые схемы и занимаются незаконной деятельностью, и советует директорам освежить в памяти пьесу Гоголя «Ревизор» - «к вам придет чело-*

век, который не будет брать взятки», сказала она, пояснив, что имеет в виду далеко не Хлестакова (Е. Арсюхин // РГ, 2005, № 44). *Дубровский*, герой одноименной повести А. С. Пушкина, имеет ореол положительных ассоциаций и является воплощением *благородства*. Словами *Не бойся, Маша, я Дубровский!* (КП, 2005, № 34/8) названа статья корреспондентки Марии Кирсановой о попытке выйти замуж за иностранца через Интернет. Данную фразу М. Кирсанова слышит от русского эмигранта, живущего в Великобритании, в ответ на ее сомнения по поводу «нормальности» предыдущих «электронных женихов». Имя *Маша* в данном случае является, с одной стороны, непосредственным обращением к автору и одновременно героине публикации, а с другой стороны, служит способом номинации испытывающей страх молодой женщины.

В приведенных примерах литературные прецедентные имена употребляются в качестве признакового дейксиса, т. е. служат указанием на некий конкретный образец, известного носителя некоторой образцовой совокупности признаков [Арутюнова 1988: 63 – 64].

С функциональной точки зрения в отношении литературных прецедентных имен выделяется употребление денотативное и коннотативное [Гудков 2003] (номинативное и образно-семиотическое – в терминологии Ю. Н. Караулова) [Карулов 1987]. При денотативном происходит апелляция непосредственно к денотату, имя называет автора (или посредством метонимического переноса его произведение / творчество в целом) или персонаж художественного текста. Такое словоупотребление выполняет своего рода иллюстративную функцию: *Есть такие слияния творческих сиамских близнецов, где отрубить одного партнеров от другого все равно, что приставить руки к Венере Милосской. Вспомним хрестоматийных **Ильфа и Петрова**, Тарапуньку и Штепселя <...>* (Е. Елагина // РГ, 2006, № 132); *Папки дела [М. Ходорковского] выглядят, как библиотека **Толстого*** (А. Боссарт // НГ, 2005, апрель, спецвыпуск); *Но если **вслед за Фаустом** мы зададимся вопросом, как бы вы начали жизнь сначала, если бы вам такая возможность была представлена?* (А. Тучинская // Труд, 2006, № 105).

Ядро денотативных употреблений составляют реальные литературные прецедентные имена, т. е. имена писателей. Весьма распространенной фор-

мой денотативного употребления в данном случае является использование прецедентного имени в составе перифразы, когда происходит вторичная номинация многоаспектных «культурных предметов» [Гудков 2003: 159 – 160] с целью вычленения определенного набора их характеристик. Подобными «культурными предметами» при перифрастической номинации с использованием литературных прецедентных имен чаще всего оказывается язык, на котором писал тот или иной известный автор, или страна, национальным достоянием которой являются его произведения: <...> *зугдидская учительница Фати учит языку Шота Руставели русскую студентку Марину* (М. Рогачева // Изв., 06.10.06); *Они [В. Жириновский и др.] создавали представление о России не как о стране Пушкина и Достоевского, а как о слоне в посудной лавке* (С. Белковский // Труд, 07.06.2006).

Денотативное употребление вымышленного литературного прецедентного имени обычно является указанием на имя литературного персонажа, которому принадлежит то или иное высказывание, ставшее прецедентным и релевантным для данного газетного текста: *Огорчила статья Татьяны Щербины... Как сказал небезызвестный литературный герой: «Может быть, здесь... в этом вами сейчас выраженном изъяснении... скрыто другое... Может быть, вы изволили выразиться так для красного слога?» (Манилов – Чичикову)* (Н. Вернандер // НВ, 2004, № 45); *Вы спрашиваете, изменились ли люди за последние 20 – 30 лет. Не изменились. <> вы вспомните слова Воланда: «Обыкновенные люди, в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их»* (А. Розумный // НГ-ежемес. обзор., 2006, февр.). Следует отметить, что подобное денотативное употребление более свойственно реальным литературным прецедентным именам, нежели вымышленным, ибо последние чаще всего функционируют коннотативно.

При коннотативном использовании литературного прецедентного имени оно служит средством характеристики, оценивания объекта, определяет сущность этого явления, выражает отношение автора к нему и является метафорой. Ориентируясь на исследования метафоры с позиций когнитивной теории, для которой характерен широкий подход к выделению метафоры по формальным признакам, под метафорическим словоупотреблением мы по-

нимаем любое смысловое уподобление вне зависимости от наличия / отсутствия формальных показателей компаративности (как, будто, похож, словно и др.) [Чудинов 2003: 54]: *Путин уничтожает Ходорковского, испугавшись соперника. Путина, как Эллочку-людоедку, душила жаба по прикиду Вандербильтихи, и он его получил* (А. Боссат // НГ, 2005, апрель, спецвыпуск); *Со мной не очень просто жить, я такая Шерлок Холмс и доктор Ватсон в одном флаконе* (Н. Королева // Труд, 2006, № 45).

Если для денотативного функционирования литературных прецедентных имен ядерным является использование имен авторов, то для коннотативного – имен персонажей, ибо в отношении последних важно знание не только того, что это литературный герой, но и того, какой он (хороший / плохой, добрый / злой, толстый / худой, высокий / невысокий и т. д.). Другими словами, использование в дискурсе СМИ вымышленных литературных прецедентных имен актуализирует прежде всего не денотативную, а коннотативную составляющую семантики данных единиц. Актуальность тех или иных коннотаций имени детерминируется спецификой использующего его дискурса, содержательными особенностями текста-источника и менталитетом представителей той или иной лингвокультуры (известно, что отношение к одному и тому же литературному герою может существенно различаться у представителей различных национальностей или у различных поколений одной нации).

Коннотативные употребления вымышленных литературных прецедентных имен соотносятся с аллюзиями, которые определяются как прием, состоящий в ассоциативной отсылке к известному для адресата факту виртуальной или реальной действительности [Москвин 2002: 65]. Отличием аллюзии от реминисценции является то, что основой аллюзии выступает однословная единица либо ряд однословных единиц, не отражающих лексико-грамматическую структуру исходного текстового фрагмента [Москвин 2002: 65]. Возможен, однако, и другой подход, когда аллюзия рассматривается как разновидность реминисценции [Слышкин 2000] или не рассматривается вообще, а словоупотребления, подобные приведенным выше, обозначаются как реминисценции [Валгина 2003]. Думается, что целесообразнее все-таки раз-

водить эти понятия, но не в отношениях часть-целое, а как частные разновидности другого целого – феномена интертекстуальности.

Следует отметить, что коннотативное использование реальных прецедентных имен хотя и не является частотным, но все-таки возможно. При этом актуализированными дифференциальными признаками оказывается обобщенное представление о нравственно-философской проблематике или стилистических особенностях произведений того или иного писателя: *Ваша любимая Америка вас все еще не разочаровала? / Что ты! Это как в случае с Шекспиром. Чем глубже узнаешь, тем больше нравится* (А. Джигарханян // Изв., 2006, № 103); *Россия 90-х экзотики миру не выдала... Скучной оказалась страна Россия, когда революция схлынула, – по-чеховски скучной и заселенной чичиковыма да маниловами, баשמачкиными да собакевичами* (Т. Щербина // НВ, 2005, № 3); *В развлекательном жанре появилась плеяда молодых талантливых актеров... Но тексты, которые они поизносят, в мое время не пропустили бы даже в самодеятельности. Как можно вообще не заботиться о смысле и формулировке фраз? Сколько перьев было поломано в свое время в спорах о том, что Тонков и Владимиров недостаточно хорошие актеры, что мало внимания уделяют текстам. Но Авдотья Никитична и Вероника Маврикиевна рядом с теми, кто работает сейчас, – как минимум Лев Николаевич Толстой. А то и Шекспир* (А Лысенко // Собеседник, 2007, № 4).

Подобные употребления, в отличие от коннотативного употребления вымышленных литературных имен, за которыми стоит определенный литературный сюжет, нельзя назвать аллюзиями, ибо они все-таки не осуществляют ассоциативной отсылки к какому-то известному для адресата факту виртуальной или реальной действительности, а апеллируют к имеющемуся у членов русского лингвокультурного сообщества представлению, связанному с носителями данных прецедентных имен. Аллюзия – это намек на что-то, прежде всего – на какой-то литературный (или исторический) сюжет, в данных же примерах никакого намека нет. Это лишь метафорическое употребление реального прецедентного имени, основанное на актуализации некоего представления.

Количественное соотношение в употреблении вымышленных и реальных литературных прецедентных имен и их денотативного или коннотативного использования представлено в следующей таблице.

Разновидность имени	%	Функционирование	%
реальное	38,6	денотативное	35,1
		коннотативное	3,5
вымышленное	61,4	денотативное	3,4
		коннотативное	58
ВСЕГО	100		100

Как видно из таблицы, вымышленные литературные имена количественно превосходят реальные, что уже отмечалась нами ранее, а коннотативное употребление более частотно, нежели денотативное. Последнее связано со стремлением современной журналистики усилить личностную составляющую, смысловую многослойность газетного текста и обеспечить его оценочно-воздействующую направленность.

С позиции наличия / отсутствия формальных трансформаций литературные прецедентные имена, функционирующие в дискурсе СМИ, как и высказывания, могут быть каноническими или трансформированными, т. е. сознательно измененными. Однако количество трансформированных литературных прецедентных имен (12 из 828) в несколько раз меньше, чем высказываний (1,44 %), что объясняется существенными различиями в формальной и когнитивной структуре данных единиц. Использование трансформированных литературных прецедентных имен (как вымышленных, так и реальных) характерно для заголовков статей, ориентированных на привлечение внимания читателя к публикации, выполнение рекламной функции. Обязательным условием коммуникативной эффективности подобного словотворчества является высокая степень знакомства читающей публики со звуковым комплексом данного имени. Как и при использовании трансформированных вы-

сказываний, читатель вовлекается в стихию языковой игры, основанной на неканоническом употреблении языковых единиц [Гридина 1996: 4].

Трансформация может основываться на паронимической замене или на расчленении, сегментации сложного имени. *Россия в лирике блога* (И. Куринной // НГ, 2005, № 25) называется статья о получающих в России все большую популярность онлайн-журналах, или «Живых журналах», являющихся результатом свободного интернет-общения и служащих способом отдыха, знакомства его посетителей; *Элочки и людоеды* (Э. Николаева // НГ, 2005, № 83) – заголовок публикации о рублевских домохозяйках, любящих смотреть ТВ, по которому показывают различные ужасы. *Мамин сибиряк* (Г. Бородянский // НГ, 2005, № 24) – название статьи, сообщающей о рождении потомства у проживающих далеко от исторической родины (в одном сибирском зоопарке) бегемотов. При этом имеющиеся у литературного прецедентного имени дифференциальные признаки могут быть задействованы в большей или меньшей степени. В первых двух примерах языковая игра с формой сочетается с актуализацией окружающих имя коннотаций. Так, например, паронимическая замена существительных *Блока* и *блога* в приведенном контексте возможна не только в силу фонетической близости данных слов, но и в связи с имеющимися у них общими коннотациями, актуализатором которых выступает существительное *лирика*. Как лирические произведения являются актом самовыражения поэта А. Блока, так и онлайн-журналы оказываются способом самовыражения российских интернет-пользователей, т. е. тоже своего рода лирикой. Во втором примере в трансформированном виде используется имя героини романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» Элочки-людоедки, наиболее важными характеристиками которой являются весьма скудный словарный запас, интеллектуальная ограниченность и алчность. Ничего откровенно негативного о рублевских домохозяйках в статье не говорится, но использование данного имени служит способом их имплицитной характеристики и оценки автором публикации. Слово *людоедки* в приведенном контексте, с одной стороны, служит актуализатором коннотаций, окружающих имя героини

романа, а с другой – имеет и прямое значение, являясь обобщенным именованием транслируемых по ТВ передач про настоящих людоедов, маньяков и убийц. Для формирования системного смысла выражения *Мамин сибиряк* наличие фоновых знаний о носителе прецедентного имени нерелевантно, ибо помимо сегментации, характерной и для предыдущего случая, произошла полная буквализация обеих частей сложного имени: *сибиряк*, потому что живет в Сибири, *мамин*, потому что продолжает жить с матерью в одном вольтере. Очевидно, что данное словоупотребление никаких дополнительных смысловых пластов не образует, главное здесь – завлечь, заинтриговать читателя, используя в заголовке известное имя.

Помимо формальной трансформации литературных прецедентных имен в дискурсе СМИ возможна когнитивная трансформация данных единиц, когда звуковой и структурный комплекс имени остается неизменным, а модификации подвергается один из элементов его когнитивной структуры. Так, например, в статье о сносе московских гостиниц имеется подзаголовок *И вновь продолжается бой Руслана с собственной головой* (А. Люсый // НВ, 2004, № 52), в котором трансформируется связанная с прецедентным именем ситуация, описанная в известном художественном тексте. В поэме А. С. Пушкина Руслан сражался с отрубленной головой великана, а в приведенном примере – с собственной. Герой Пушкина здесь символизирует Россию, а его голова – историческую память страны, воплощенную, в том числе, и в столичных гостиницах. Воздействующая функция анализируемого высказывания усиливается путем ироничного использования в нем цитаты из известной советской песни А. Пахмутовой на стихи Н. Добронравова «И вновь продолжается бой» (1973 г.). В данном случае модификации подвергается отдельный эпизод художественного текста, в приведенном далее примере использование литературного прецедентного имени сопровождается трансформацией сюжетной линии произведения в целом: *И там* [в театре А. Васильева в Москве] вдохновенно расхаживает талантливый сын великого Эфроса Дима Крылов в очках и джемпере, *похожий на Гамлета*, плюнувшего на эльсинорские интриги и дат-

ский престол и уехавшего-таки в университет вместе с Горацием (В. Новодворская // НВ, 2004, № 49). Использованное автором публикации уподобление основано, вероятно, на общности мировосприятия литературного персонажа и героя публикации (возвышенность помыслов, стремление к идеалу и др.), а также на сходстве Д. Крылова с актером, играющим роль Гамлета и *расхаживающим* по сцене во время длительных монологов. Имеющиеся же различия между сопоставляемыми объектами корректируются путем трансформации известного литературного сюжета и, как следствие, изменения в когнитивной структуре литературного прецедентного имени: связанная с Гамлетом ситуация мести за гибель отца нивелируется, и актуализируется созидательная, жизнеутверждающая составляющая в образе литературного героя и сопоставляемого с ним героя публикации.

2.3. Описательная и комбинированная вербализация

Под описательной вербализацией в данной работе понимаются случаи указания на относящуюся к определенному художественному тексту и легко узнаваемую читателем ситуацию без использования имен литературных персонажей или литературных высказываний: *Старуху-процентщицу зарубят по новой* [заголовок в статье об экранизациях романов Ф. М. Достоевского] (М. Суранова // Собеседник, 2007, № 4).

Подобные словоупотребления, как мы уже отмечали, встречаются в дискурсе СМИ значительно реже, чем прецедентные высказывания или имена. Низкая частотность данного способа связана с ограниченностью текстов, для апелляции к которым характерно использование описательных отсылок: источником в этом случае служат преимущественно фольклорные или созданные на основе фольклорных сюжетов произведения, герои которых не имеют собственных имен; или, как в приведенном примере, описательная номинация является более известной и узнаваемой, чем само имя (старуха-процентщица в романе Ф. М. Достоевского наделена именем Алена Ивановна).

С позиции семантической связанности / автономности случаи описательной вербализации являются семантически связанными по определению, ибо они апеллируют к сюжетной ситуации определенного художественного текста, актуализируя сам текст.

В отношении когнитивной структуры и особенностей функционирования в дискурсе СМИ описательная вербализация, с одной стороны, сближается с семиотическими прецедентными высказываниями. Происходит вербальная репрезентация принадлежащего художественному произведению ситуации, но не путем цитирования, а с помощью своего рода пересказа, в котором употребляются отдельные, легко устанавливающие связь с текстом-источником лексемы: *В старинных русских сказках это уже было: камень на перекрестке трех дорог, а на нем надпись, извещающая, что ни одна из них не приведет доброго молодца к полному счастью. Для России таким «камнем» стал подготовленный ведомством Германа Грефа доклад с долгосрочным (до 2015 года) прогнозом экономического развития страны. В документе обрисовано три возможных сценария* (А. Проценко // Труд-7, 2004, № 238). С другой стороны, подобные описательные отсылки можно расценивать как использование так называемых «двусторонних» имен, способных в одних ситуациях выступать как общие, а в других – как индивидуальные [Гудков 2003], с актуализацией характерной для них литературной прецедентной ситуации: *Наш президент высказал желание поуправлять наукой, чтобы ученые были у него на посылках. Как тут не вспомнить старуху из сказки, которая пожелала быть владычицей морскою, не имея понятий о морском деле! Каждый олигарх древности требовал, чтобы его почитали божеством и владыкой науки* (А. Крысин // СР, 2005, № 94). При этом в любом случае происходит актуализация глубинного значения литературной прецедентной ситуации, которая служит способом метафорического осмысления современных общественных или политических событий и проблем: *Теперь Милошевича нет, но именно он был для трибунала курицей, несущей золотые яйца* (Г. Сапожников // КП, 2006, № 35). В связи с этим можно говорить о семиотическом характере подобного рода словоупотреблений, осуществляющих аллюзивную отсылку к известному тексту.

Параметр формальных преобразований для описательной отсылок оказывается неприменимым, т. к. подобная апелляция не имеет фиксированной вербальной формы. При этом, однако, возможна когнитивная трансформация, когда известный сюжет сознательно изменяется для характеристики какой-либо реальной, чаще всего абсурдной, ситуации: *Если у кого-то завелись чересчур заметные деньги, их надо срочно отобрать. Прибить курицу, несущую золотые яйца, и нахлебаться по-вампиловски тепленького из порванной шейки* (Е. Трифонов // НВ, 2006, № 43); *Посадят бабу за репку* [о лишении свободы садоводов за выращивание растений, содержащих наркотические вещества, например, мака] (О. Боброва и др. // НГ, 2005, № 24).

Выделенные нами способы и разновидности вербальной апелляции к сфере художественной литературы в российских печатных СМИ (литературное прецедентное имя, литературное прецедентное высказывание, описательная вербализация литературного произведения) являются основными и достаточными для создания типологии. Однако современный газетно-публицистический дискурс обнаруживает различные комбинированные случаи. Весьма распространенным способом комбинированной апелляции к тексту художественного произведения является коннотативное использование литературного прецедентного имени с указанием на название текста-источника и / или его автора с целью облегчения восприятия материалов публикации: *А сейчас Москва – некий искусственный мир, живущий как бы отдельно от остальной страны, за ее счет. Как голова профессора Доуэля в романе Беляева, существовавшая без остального тела за счет подведенных к ней трубок* (Е. Бадякина // СР, 2005, № 94); *<...> дедушка в картузе, копия Щукаря из «Тихого Дона», есть еще такие! - смотритель эскалатора в метрополитене* (В. Кузнецов // НВ, 2004, № 52). Возможны, однако, и своего рода противоположные случаи, когда указанием на значимый для описываемой ситуации текст является название произведения и / или имя его автора, а дополнительное использование имени литературного персонажа выступает своего рода конкретизатором возникшей аналогии, хотя и не всегда удачной: *Юлия Тимошенко готовит новый аукцион по «Криворожстали» и проверку всех государственных монополий Украины. <...> Но уже до проверки г-жа*

Тимошенко уверена, что они используют теневые схемы и занимаются незаконной деятельностью, и советует директорам **освежить в памяти пьесу Гоголя «Ревизор»** - «к вам придет человек, который не будет брать взятки», сказала она, пояснив, **что имеет в виду далеко не Хлестакова** (Е. Арсюхин // РГ, 2005, № 44).

Литературное прецедентное высказывание в дискурсе СМИ может сопровождаться указанием на источник заимствования и / или автора: **Ну прямо по Куприну: «Я посвящаю эту повесть («Яму») матерям и юношеству»** [о сериале «Проклятый рай», посвященном проституткам и призванном, по словам его создателей, обозначить серьезную социальную проблему – бесправие женщины в современном мире] (Д. Пустовая // Собеседник, 2007, № 4); **Салтыков-Щедрин устами вора-новатора из «Истории одного города» дополнил: «Драть их всегда свободно»** (В. Новодворская // НВ, 2004, № 25).

Намек на известную ситуацию, вербализованную описательным способом, т. е. без использования имен героев и цитат, может конкретизироваться названием произведения и именем его автора: **Сергей Иванов приказал изъять из воинских библиотек все книги, которые способны, по его мнению, подать пагубный пример военнослужащим. Будем надеяться, что подчиненные министра обороны подойдут к этому заданию со всей ответственностью и не оставят в библиотеках ни одного произведения, наталкивающего на мысль об убийстве. Вплоть до «Преступления и наказания». Конечно, классика есть классика, но вдруг, не дай Бог, дочитают военнослужащие Достоевского и пойдут уже не ментов, а старушек убивать. Топором** (Б. Туманов // НВ, 2004, № 52).

Различные способы вербальной апелляции к литературной сфере, рассмотренные в данной части работы, позволяют, с одной стороны, экспрессивно и стилистически обогатить газетный текст, усилить его аргументативную / антиаргументативную составляющую, а с другой – создать интересные оценочные образы, опирающиеся на семиотические связи с художественным произведением.

Выводы по второй главе

Разработанная методика анализа прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература» позволила выявить в данной части работы функционально-семантические особенности исследуемых единиц.

1. Рассмотренный материал свидетельствует о том, что в дискурсе СМИ возможны три основных способа вербальной репрезентации литературных прецедентных феноменов: использование литературного прецедентного высказывания, литературного прецедентного имени, описательная вербализация художественного текста или его сюжетной части. При этом с позиции наличия / отсутствия связи с текстом-источником литературные прецедентные высказывания могут быть семантически связанными или автономными; литературные прецедентные имена в данном аспекте характеризуются либо как семантически связанные (вымышленные имена), либо как нерелевантные по данному критерию (реальные имена); случаи описательной вербализации обнаруживают связь с текстом-источником.

2. Изучение выделенных разновидностей апелляций к литературной сфере позволяет говорить о наличии специфических элементов в когнитивной структуре прецедентных высказываний (поверхностное, глубинное¹ и глубинное² значение) и прецедентных имен (дифференциальные признаки, атрибуты, оценка) и о синтетическом характере когнитивной структуры описательной вербализации, обнаруживающей связь как с именами, так и высказываниями. Актуализация определенного элемента когнитивной структуры или их некоторой совокупности обуславливает специфику функционирования в дискурсе СМИ того или иного прецедентного феномена (денотативное / коннотативное употребление имен; экспрессивно-стилистическое / аргументативно-афористическое / семиотическое использование высказываний и семиотический характер описательных апелляций). При этом среди литературных прецедентных высказываний наиболее частотно экспрессивно-стилистическое использование, что обусловлено потребностями массово-информационного дискурса в привлечении широкого круга читателей; среди литературных прецедентных имен – коннотативное, усиливающее оценочно-воздействующую функцию газетного текста.

3. Литературные прецедентные высказывания и имена могут подвергаться в дискурсе СМИ различного рода формальным трансформациям, нацеленным

обычно на привлечение внимания читателя к публикации, реже – на создание дополнительных смысловых пластов в тексте. Отсутствие фиксированной вербальной формы у способов описательной вербализации не позволяет исследовать их в данном аспекте. Однако для моделирования внеязыковой действительности в дискурсе СМИ модификации может подвергаться известный литературный сюжет, вербализованный описательно или с помощью имени литературного персонажа, формально не измененного. Прецедентное высказывание тоже может апеллировать не к каноническому, а модифицированному в соответствии с интенциями автора-журналиста сюжету художественного текста, однако при этом оно неизменно сопровождается изменениями в формальной структуре. Изменение же семантики высказывания при сохранении его первоначальной структуры обусловлено буквализацией его компонентов и нивелированием связи с текстом-источником.

ГЛАВА 3. Области-источники литературных прецедентных феноменов, используемых в дискурсе СМИ

Основной целью данной главы является систематизация и анализ литературных областей-источников, наиболее востребованных современным медийным дискурсом.

Для достижения поставленной цели необходимо:

- определить критерии выделения литературных областей-источников;
- создать типологию областей-источников литературных прецедентных феноменов;
- последовательно описать группы выделенных областей-источников.

Как мы уже отмечали (п. 1.3), в научной литературе представлены различные подходы к изучению и классификации прецедентных феноменов с генетической позиции. При этом прецедентные феномены, имеющие литературное происхождение, рассматриваются в комплексе с иными видами подобных единиц и образуют поле прецедентных феноменов, восходящих к сфере-источнику – «Литература» или – шире – «Искусство». Наряду с данной сферой обычно выделяется также «Социум» как сфера-источник прецедентности и – при востребованности изучаемым дискурсом – «Наука» [Ворожцова 2007, Кушнерук 2006, Нахимова 2004(б)]. Специфика нашего исследования связана с тем, что *все* исследуемые единицы генетически однородны и восходят к области литературы, что обуславливает необходимость их более детализированной классификации. В связи с этим в качестве источников прецедентности в данной работе рассматриваются художественные тексты и имена их авторов, объединенные в группы на основании их культурно-исторической близости. Данное основание позволяет выявить наиболее востребованные в дискурсе печатных СМИ литературные тексты с учетом их исторической (время создания) и культурной (национальной) специфичности.

В основу деления художественных текстов, апелляция к которым обнаруживается в отечественных газетных и журнальных публикациях, нами бы-

ла положена оппозиция «свое-чужое», пронизывающая, по мнению Ю. С. Степанова, всю культуру в разных ее видах и являющаяся одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения [Степанов 2004: 42]. В связи с этим было выделено две основные группы текстов: относящихся к отечественной (русской) и зарубежной литературе. Каждая из них внутри имеет ранжирование, причем «Зарубежная литература» преимущественно с учетом национальной принадлежности текста, а «Отечественная литература» – в силу национальной однородности – с учетом времени создания текста.

Прежде чем приступить непосредственно к анализу выделенных групп текстов, необходимо сделать еще несколько уточняющих замечаний. Первое из них касается фольклорных текстов и их отношения к области литературы. Данный вопрос не имеет однозначного ответа, и в различных исследованиях «Фольклор» как сфера-источник прецедентности (в иной терминологии – сфера заимствования интертекстуального знака) рассматривается либо отдельно от области литературы [Смулаковская 2004, Снигирев 2000, Супрун 1995], либо в ее составе [Караулов 1987, Нахимова 2004(б)]. Учитывая разнородность фольклорных произведений (с одной стороны – пословицы, поговорки, загадки, с другой – сказки, былины), часть из них мы приняли к рассмотрению, но только те, которые наиболее близки к литературным художественным произведениям (например, сказки, былины). Малые фольклорные жанры (пословицы, поговорки и др.) в таком случае остаются за пределами нашего внимания. Исключение составляют паремиологические единицы, которые были использованы в авторских текстах, благодаря чему получили широкую известность, например название пьесы А. Н. Островского «Свои люди – сочтемся», являющееся изначально русской пословицей.

Второе уточнение связано со спорностью квалификации текста Библии в качестве литературного. В некоторых исследованиях библейские аллюзии и реминисценции рассматриваются вместе с литературными [Слышкин 2000, Фоминых 2002], что обусловлено, с одной стороны, генетической разнород-

ностью изучаемых в данных работах единиц, а с другой – функциональной близостью (за пределами религиозного дискурса) литературных и библейских прецедентных феноменов. Учитывая, однако, тот факт, что Библия – это прежде всего священная книга, являющаяся основой христианского вероучения, а религия относится, скорее, к социальной области, нежели к литературной, мы не исследовали прецедентные феномены, генетически восходящие к тексту Библии.

Еще одно уточнение касается текстов, воспринимающихся носителями русского языка как авторские (отечественные / зарубежные), но имеющие фольклорный (русский / зарубежный) или авторский зарубежный прототекст. Данные тексты расценивались как авторские (например, сказки Ш. Перро, «Три поросенка» С. Михалкова) и отечественные («Золотой ключик, или Приключения Буратино» А. Толстого), соответственно, ибо в такой форме они существуют в обыденном сознании русского человека, незнакомого непосредственно с прототекстом. Однако в том случае, когда источником окружающих прецедентный феномен коннотаций могут быть различные по национальной принадлежности художественные тексты, известные представителю русского лингвокультурного сообщества, актуализировалась национальная принадлежность первоисточника.

3.1. Отечественная литература как источник прецедентности

Как показывает проведенный анализ, обращение к русским художественным текстам и именам их авторов осуществляется в современной российской прессе в два раза чаще, чем к зарубежным (66,8 % и 33,2 % соответственно). Данное соотношение вполне закономерно, ибо российская журналистика, моделируя общественно-политическую действительность страны, апеллирует к российскому гражданину, а конкретнее – к актуальным и значимым для него ценностям, многие из которых получили философское осмысление в отечественной художественной литературе. В составе корпуса текстов отечественной литературы, имеющего родовидовые отношения со

сферой литературы в целом и противопоставленного внутри последней корпусу текстов зарубежной литературы, выделяются области-источники прецедентности, объединяющие апелляции к имени и творчеству конкретного писателя. В корпусе текстов русской литературы нами было выделено 77 подобных областей-источников прецедентности. При этом большая часть формирующих их прецедентных феноменов хронологически относится к творчеству писателей XIX века (50 %), далее в порядке уменьшения частности апелляций следует творчество писателей XX века (36, 2 %), фольклорные тексты (8,4 %), древнерусские художественные тексты и художественные тексты, созданные в XVIII веке (5,4 %). Приведенные статистические данные обусловили последовательность дальнейшего анализа наиболее актуальных для русского газетно-публицистического дискурса областей прецедентности.

3.1.1. Русская литература XIX века как источник прецедентности

Среди областей прецедентности, формирующихся художественной литературой XIX века (Приложение 1. Таблица 3), центральное место принадлежит области-источнику «Пушкин» (26 %), объединившей употребление имени писателя и различные апелляции к его произведениям. А. С. Пушкин является родоначальником русской литературы, основоположником русского литературного языка. Культурное пространство, в котором «идентифицируют» себя все говорящие и думающие по-русски, немыслимо без Пушкина. Его имя (личность) и творчество с раннего детства входят в тезаурус русского человека, активно изучаются в рамках школьной программы и постоянно актуализируются в виде интертекста в различных видах русского дискурса. Центром, ядром данной области является само имя *Пушкин* и окружающие его коннотации. Последние во многом обусловлены известной фразой *Пушкин – наше все*, генетически восходящей к статье А. А. Григорьева «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» [Крылатые слова 2003: 615]. Однако мы посчитали возможным включить данное выражение в область прецедентности «Пушкин», ибо авторство этой цитаты для обыденного соз-

нения русского человека оказалось утерянным (зачастую оно ошибочно приписывается В. Г. Белинскому или Ф. М. Достоевскому) и при ее употреблении не происходит актуализации текста-источника: *Для Дании Андерсен - как для нас Пушкин: «наше все»* (Н. Савоськина // НГ, 2005, № 24); *Многие на Западе не знают о том, что «наше все» - это Пушкин... А вот нашего Калашникова знают все, даже аборигены в банановых республиках* (О. Сереброва // АиФ, 2004, № 45). Помимо Пушкина, *нашим всем* в дискурсе российских печатных СМИ оказывается и летящий на бомбардировщике президент, и отечественный автомобиль марки ВАЗ, а также горести и радости спортивных поражений и побед: *Когда летит бомбардировщик (летит он, понятно, на чем-то получаемом из нефти), а в нем Путин, то это вообще. Это вообще наше все* (И. Маслов // НГ, 2005, № 60); *АвтоВАЗ, не так давно перешедший под контроль «Рособоронэкспорта», уже демонстрирует, что такое новый госменеджмент. ... В «наше все» от автопрома планируется вложить в общей сложности от 4 до 4,8 млрд долл.* (Д. Марченко, А. Полухин // НГ, 2005, № 96); *Как обычно, национальное достояние и национальный позор у нас вместе, в одном флаконе. С этим «нашим всем» мы в Турин и поедем* (В. Мозговой // НГ-ежемес. обзор., 2006, февр.). Подобные словоупотребления не имеют в своем составе имени писателя и не относятся ни к одному из созданных им произведений. Но они апеллируют к известному выражению, ядерным компонентом которого является имя *Пушкин*, и образуют к нему своего рода оппозицию, один из членов которой опущен, но мыслится: *‘Пушкин – Путин на бомбардировщике’, ‘Пушкин – отечественный автомобиль’, ‘Пушкин – спортивные победы и поражения’*. Возможность подобных «незримых» оппозиций связана, во-первых, с высокой степенью знакомства читателя с изначальным высказыванием, а во-вторых, с критическим осмыслением журналистами российской действительности, когда в разряд национальных ценностей оказываются включенными не константы, а переменные, отнюдь не придающие стране и ее гражданам величия.

Прецедентное имя *Пушкин*, будучи окруженным ореолом положительных ассоциаций и являясь символом русской нации, активно употребляется в дискурсе российских печатных СМИ в составе перифраз *потомки Пушкина*,

язык Пушкина, страна Пушкина: Потомки Пушкина болеют за Германию, потому что России на этот раз нет [о чемпионате мира по футболу] (Е. Шаинский // СЭ, 30.05.2006); <...> *всякая попытка изолировать язык малого народа от языка большого приводит к обеднению языка малого народа. С другой стороны, язык Пушкина, русский язык – «могучий», но чем он могучий?. Да своими связями, открытостью* (А. Запесоцкий // РГ, 2006, № 108); *Вот как скажете по-английски фразу, без которой на трибуне ООН уже 20 лет не обходится ни один делегат из страны Пушкина: «Задействовать для целесообразности»?* (А. Генис // НГ, 2005, № 25). Очевидно, однако, что прагматика данных весьма похожих перифраз – *потомки Пушкинан*, т. е. русские, *язык Пушкина*, т. е. русский, и *страна Пушкина*, т. е. Россия – в приведенных контекстах существенно различается. Если в первых двух случаях перифрастическая и прямая номинации синонимичны, то в последнем примере они находятся в отношениях если не противопоставления, то сопоставления: представители России в силу своей речевой безграмотности оказываются не достойными звания делегатов страны Пушкина.

Встречаются в современных газетных и журнальных публикациях апелляции к фактам биографии Пушкина, которые оказываются способом оценки современной (социальной, политической или литературной) ситуации: *Что же мы видели в четверг на экране в репортажах из Дома кино? Мелодраму? Ужастик? Комедию? Услышав от Гоголя сюжет «Ревизора», Пушкин воскликнул: «Боже, до чего грустна Россия!»*. *Что можно добавить к этому восклицанию* (К. Кедров // НВ, 2004, № 45); *Я вообще не понимаю, откуда у наших руководителей такое преклонение перед рыночными отношениями? Ведь даже большинство парижан не имеют собственных квартир. «Приватизированной» квартиры, между прочим, не было у Пушкина, равно как и у Белинского, и у Достоевского, и многих других. Они снимали жилье и прекрасно жили* (Н. Петраков // АиФ, 2006, № 11); *Ну кто после этого что-то скажет против Стамбульского текста по-русски? И Памук* [Орхан Памук, турецкий писатель, лауреат Нобелевской премии], *сходя в небожители, благословляет на дальнейшие стамбульские литературные подвиги молодого русского писателя* [Глеба Шульпякова, автора «стамбульского» романа «Книга Синана»] *почти как Державин Пушкина* (А. Люсый // НВ, 2006, № 42).

В отношении литературного наследия А. С. Пушкина проведенный анализ показал, что современная российская журналистика чаще всего апелли-

рует к образам и цитатам из сказок («Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о царе Салтане»), поэм («Руслан и Людмила», «Медный всадник», «Полтава»), романа в стихах («Евгений Онегин») и стихотворений («Пророк», «Зимнее утро», «Поэту», «Клеветникам России» и др.), т. е. в подавляющем большинстве к стихотворным текстам: *Тем временем ЦСКА продолжает целкать середняков нашей лиги как орешки. В последнее время нередко со счетом 2:1. Так он победил «Рубин» и «Москву». Так в субботу справился и с «Ростовом». И орешки эти, судя по всему, прямо по Пушкину, не простые - все скорлупки золотые* (В. Константинов // СЭ, 30.10.2006); *Чиновники объяснили, что здесь будет город заложен: 1200 коттеджиков!* (А. Ягодкин // НГ, 2006, № 49); *Мы все учились понемногу, но за разные суммы формальных и неформальных платежей* (Е. Яковлева // РГ, 2005, № 3894); *Ясно, что в Тбилиси сумасшедших – лезть воевать против России – нет и не будет. «Вы грозны на словах – попробуйте на деле!»*. Никто не попробует (Л. Радзиховский // РГ, 2004, № 3546).

Как отмечает Е. А. Земская, «активность стихотворных цитат и их трансформаций объясняется, по всей вероятности, тем, что между газетным и стихотворным текстом наблюдается наибольший контраст <...> Оттеня друг друга, стихотворная строка и газетный текст рожают взаимодействие наивысшей силы» [Земская 1996: 160]. Думается, что это лишь одна из возможных причин активного использования в газетных публикациях цитат из поэтических произведений. Другая, не менее важная, связана не с характером возникающих отношений *поэтический текст – газетный текст*, а со спецификой поэтического текста как такового – ритмизованного, рифмованного, эмоционально окрашенного, а потому запоминающегося легче прозаического. К тому же, и в школьной практике на уроках литературы, и в последующих ситуациях бытового (например, с ребенком) или официального (например, празднование юбилея) общения заучивание и озвучивание поэтических текстов происходит гораздо чаще, нежели прозаических. Возвращаясь непосредственно к творчеству писателя и поэта А. С. Пушкина как области-источнику различных прецедентных феноменов, функционирующих в дискурсе российских печатных СМИ, к указанным причинам следует добавить и

большую степень знакомства русского человека именно с поэтическим наследием А. С. Пушкина, а также большой удельный вес поэтических произведений по сравнению с прозаическими в его творчестве в целом.

Излюбленным образом российских журналистов (или героев их статей-интервью), генетически восходящим к сказкам А. С. Пушкина, является образ *разбитого корыта*, посредством которого моделируются различные социально и политически значимые ситуации: *Итак, нарушители правил дорожного движения, по всей видимости, останутся у разбитого корыта. Ведь ГИБДД, лишившее автомобилистов средств передвижения, оказывается, ни за что не отвечает* [о сгоревших на штрафной автостоянке машинах] (Д. Лесков // Труд, 2006, № 110); *Разбитое корыто - наш результат* [о российских реформах] (В. Новодворская // НВ, 2004, № 49); *Однако неожиданный поворот небесной сферы оставит их у разбитого корыта* [о назначенных президентом губернаторах] (И. Шевелев // НВ, 2005, № 1-2); *Молодость проходит. Шансов минимум. Я остаюсь у разбитого корыта. А мужикам хоть бы что. Если есть деньги, женщин на век хватит* (И. Починок // КП, 2006, № 79-т/22). Этот актуальный для русского менталитета сюжет может быть представлен не только непосредственно указанными выражениями (*разбитое корыто, остаться у разбитого корыта*), но и намеком на известную ситуацию из сказки Пушкина: *Сегодня благодаря омско-московскому прессингу искомые четыре миллиона «Детройт» несет Дацюку на блюдечке с голубой каемочкой. Но форвард его не берет, мечтая уже о шести. Мудрую сказку Пушкина о рыбаке и рыбке просьба здесь не вспоминать - бизнес есть бизнес. Особенно межконтинентальный* (И. Ларин // СЭ, 09.09.2005).

Генетически восходящим к поэме «Медный всадник» и весьма часто эксплуатируемым российскими печатными СМИ в различных трансформационных вариантах является прецедентное высказывание *Все флаги в гости будут к нам*, посредством которого описываются и положительно оцениваются ситуации культурной и экономической открытости современной России или выражается негативное отношение к эмигрантской политике в стране: *Со всей России - в гости к нам* [о детском фестивале в Екатеринбурге] (А. Степанова // КП-Екат, 2006, № 81); *Все флаги с делом к нам* [о создании особых экономических зон, где нет таможенных сборов] (Г. Герасимов // НВ, 2006, № 42); *Все флаги в гости к нам* [об эмигрантах] (М. Зайцев // Труд, 2006, № 158).

Что касается романа «Евгений Онегин» и стихотворений А. С. Пушкина, наибольшей популярностью пользуются цитаты, имеющие философско-обобщенный смысл и употребляющиеся в качестве афоризмов. Высокая степень их прецедентности связана, с одной стороны, с «отточенностью» формы, а с другой – с тем, что подавляющее большинство из них восходит к произведениям, изучаемым в рамках школьной программы: *Всем стоит помнить пушкинское: «Служенье муз не терпит суеты...»*. Вот Мравинский, например, великий дирижер, а давал не более двух концертов в месяц (С. Ямщиков // Труд, 2007, № 41); *Это проблема [борьбы со СПИДом] самого гражданского общества. А значит, здесь должны быть не только души прекрасные порывы, но и материальное их воплощение* (Г. Онищенко // РГ, 2006, № 20); *По накалу страстей эта история напоминает «Ромео и Джульетту», только влюбленным не 13, а 80 лет. Выходит, правда, любви все возрасты покорны. И никакие препятствия не страшны, если чувства настоящие* (М. Март // АиФ, 2006, № 11).

Апелляции к прозаическим текстам, автором которых является А. С. Пушкин, базируются на употреблении прецедентных имен или высказываний из «Капитанской дочки», «Станционного смотрителя», «Дубровского»: *Да, бунт мозольных операторов, рекламных агентов, одноклеточных дам из гламурных журналов, модельеров и поваров будет бессмысленным и беспощадным. Тут есть над чем задуматься* (В. Кузьмищев // НВ 2006, № 42); *Станционный смотритель* [назв. рубрики, посвященной политике и расследованиям] (б/а // НГ, 2005, № 96); *«Не бойся, Маша, я Дубровский!»* (М. Кирсанова // КП, 2005, № 34/8).

Другой активно цитируемый автор, творчество которого хронологически относится к XIX веку, – Н. В. Гоголь (17,7 %). В области-источнике прецедентности «Гоголь» лидирующие позиции по частности апелляций занимают такие произведения, как поэма «Мертвые души», комедия «Ревизор» и «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Из «Мертвых душ» наибольшую популярность имеет само выражение *мертвые души*, а также имя главного героя и героев-помещиков, многие из которых стали нарицательными: *Дело в том, что на надбавку в тысячу рублей имеет право лишь тот классный руководитель, у которого в классе не менее двадцати пяти человек. Если хотя бы на одного ученика меньше, сумма сокращается на сорок рублей. Именно в*

эту цену оценивается детская душа. **Чичиков** живет и побеждает! Излишне говорить, что **живые души, в отличие от мертвых**, могут перемещаться в пространстве, меняя классы и школы. Отсюда необходимость ежемесячно подсчитывать детские души в классах и подавать соответствующие списки. (Е. Ямбург // НГ, 2007, № 12); *Россия 90-х экзотики миру не выдала... Скучной оказалась страна Россия, когда революция схлынула, - по-чеховски скучной и заселенной **чичиковыма да маниловами**, баשמачкиными да **собакевичами*** (Т. Щербина // НВ, 2005, № 3); *Давайте будем **Плюшкиными!** Нет, мы не призываем вас, дорогие садоводы, собирать все подряд, как делал гоголевский персонаж. Мы с вами будем складывать только то, что потом можно использовать в своем садовом хозяйстве* (б/а // ТР, 2006, № 204).

Из «Ревизора» наибольшую прецедентность приобрело имя мошенника Хлестакова и фраза *К нам едет ревизор!*, которая служит средством обозначения ситуации предстоящей проверки: *Похоже было, что Хлестаков никуда не уехал, а переквалифицировался в политика и баллотируется в депутаты Государственной Думы* (Е. Коврова // НГ, 2005 № 67); *Эксперты, не видевшие других гор, кроме Альп и Аппалачей (и те порой лишь на фотографиях), с легкостью Хлестакова и с его же безответственностью дают почти директивные рекомендации Москве по проведению кавказской политики* (В. Третьяков // РГ, 2005, № 3868); ***К нам едут ревизоры!*** [о предстоящей проверке техники безопасности на предприятиях ЕвразХолдинга] (В. Инжеватов // ТР, 2007, № 52); *Весьма часто прокуроры просто спят и вспоминают о своих обязанностях только тогда, когда к ним вдруг едет ревизор* (В. Устинов // РГ, 2006, № 3989).

Отметим, что если прецедентное имя *Хлестаков* имеет однозначно отрицательные оценочные коннотации, то прецедентное высказывание *К нам едет ревизор* обычно оценочно не маркировано и лишь констатирует (хотя и эмоционально) сложившуюся ситуацию. Однако в некоторых случаях данное словоупотребление обогащено смыслами текста-источника и содержит информацию о сомнительной репутации проверяющего органа: *Сегодня, когда «к нам едет ревизор», это еще вопрос, откуда он. Чаще всего им оказывается представитель так называемого «внутреннего» (ведомственного) финансового контроля - сотрудник соответствующего подразделения минфина или иного органа исполнительной власти* (Н. Канатик // РГ, 2004, № 3473).

«Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» актуальна для русского человека абсурдностью описанной в ней ссоры,

которая проецируется на реалии современной России: *Сюжет повести Гоголя о ссоре двух соседей повторился в Белозерском районе и едва не привел к трагическому концу. Хозяева соседних подворий с общей водяной скважины чего-то не поделили между собой. Вскоре один из них почувствовал: с водичей неладно* (В. Петров // РГ-Урал, 2006, №108); *Как поссорились спикер и Дума* (А. Петров // Труд-7, 2004, № 224).

Употребление прецедентного имени *Гоголь* в дискурсе СМИ актуализирует информацию о характере рассуждений или манере общения героя публикации, которые обусловлены стилистическим своеобразием произведений Н. В. Гоголя: *Старенькая волга... мы с Сашей не могли отказать себе в удовольствии, чисто по-гоголевски порассуждать, глядя вслед – «доедет или не доедет машина хотя бы до ближайшего рынка»* (А. Хабургаев // РГ, 2005, № 158); *23 ноября руководителей театра принял М. Е. Швыдкой. И начал трехчасовую беседу... И все расплывалось в каком-то гоголевском тумане. Во всеобщем ожидании худшего* (Е. Дьякова // НГ, 2004, № 87).

Следующий писатель, творчество которого посредством прецедентных феноменов представлено в СМИ, – А. С. Грибоедов (8,24 %). Область прецедентности, связанная с данным автором, формируется исключительно отсылками к комедии «Горе от ума» (упоминание названия пьесы (часто в трансформированном виде), имен героев и связанных с ними сюжетных ситуаций, употребление различных цитат): *Горе от богатства* (В. Иноземцев // НГ, 2005, № 27); *Из Волгограда приехал в Тбилиси грузинский бизнесмен, глава большого отлаженного дела. Его друг, фээсбэшник, предупредил, что имеет приказ его арестовать. Тот бежал в Москву. «Прочь! — кричал ему силовик, как Чацкий. — Какая Москва, ты что, совсем дурак?»* (А. Боссарт // НГ, 2007, № 4); *Любящему выпить, страдающему то сердцем, то желудком пожилому человеку [Б. Н. Ельцину] государственные бумаги привозили на дом. Считалось, что он «работает с документами», а он подписывал их не читая. По-настоящему его волновала только судьба дочери, которая вертела им, как хотела, и мечтала выйти замуж за главу его администрации. Понятно, о ком речь. Все слишком откровенно. Даже смешно, что автор, избегая ответственности, дал этим хорошо нам знакомым людям псевдонимы: **Фамусов, Софья, Молчалин** (А. Минкин // МК, 18.05.2007); *Ну времена: газета [«Комсомольская правда»], которая подохла (по случайности или халатности – неважно!) все здание, стала героиней. Просто Грибоедов в действии: «Пожар способствовал ей много украшенью» – только в пьесе о Москве го-**

ворится, а тут о газете, которая в первом же полном номере обрушила две трети полос рекламы и платных материалов (А. Бобров // СР, 2006, № 19).

Апелляций непосредственно к имени Грибоедова или к фактам его биографии в современном дискурсе российских печатных СМИ не встречается.

О. П. Семенец в статье «Грибоедовское слово в словаре и речи» справедливо отмечает, что «бытование на протяжении нескольких столетий в речи соотечественников интертекстовых включений, восходящих к комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», является ярчайшим свидетельством того, что эти выражения основательно закрепились в языковом сознании народа и входят в ядро корпуса национальных прецедентных феноменов» [Семенец 2006: 56].

Следующая область прецедентности – «Достоевский» (6,0 %) – формируется прежде всего апелляциями к роману «Преступление и наказание» и к имени писателя Ф. М. Достоевского. В отношении романа наибольшая словоупотребительность характерна для выражения *преступление и наказание*, являющегося названием произведения, и для имени главного героя *Раскольников*. Название романа и сам роман, в случае литературной тематики статьи, оказываются в дискурсе СМИ своего рода образчиком детективного жанра, в некотором роде его символом. При иной тематике публикации (например, спортивной, правовой и т. д.) прецедентное высказывание *преступление и высказывание* становится автосемантическим и вербально репрезентирует ситуацию нарушения той или иной принятой нормы с последующим наказанием: *Я вообще хотел сначала написать роман, который бы назывался «Код картины: «Утро в сосновом бору», чтобы все изучали мишек и разглядывали пеньки, но потом решил, что в «Преступление и наказание» играть интересней* [о новой книге Б. Акунина «Ф. М.», написанной в детективном жанре и пародирующей роман Д. Брауна «Код да Винчи»] (Б. Акунин // КП, 2006, № 71-т/20); *Появление в российской команде «Тинькофф Ресторантс» олимпийского чемпиона Афин, четвертого гонщика «Тур де Франс»-2003, довольно сильного многодневщика Тайлера Хэмилтона при всем неоднозначном отношении к американцу после его допинговых преступлений и наказаний можно и нужно считать явлением положительным* (Р. Аскеров // СЭ, 23.10.2006).

При употреблении прецедентного имени *Раскольников* в дискурсе современных российских СМИ может происходить актуализация дифференциальных признаков имени (сомневающийся, ищущий истину, пытающийся что-то доказать), но гораздо более востребованной оказывается ситуация совершения героем серьезного преступления (причем не только убийства, но и террористического акта, мошенничества): *Как сказал один критик, мой герой [главный герой фильма К. Муратовой «Настройщик»] – измельчавший **Раскольников** (К. Муратова // РГ, 2005, № 3741); Почепский **Раскольников** [заголовок]. Четыре года мучился угрызениями совести молодой житель брянского городка Почеп, а потом все же решил явиться в милицию, где и повинился в убийстве своей бабушки. Старушку 1922 года рождения он ударил топором по голове, закопав жертву неподалеку от дома (б/а // Труд, 2006, № 405); **Раскольников** с химфака [название статьи о взрыве самодельного взрывного устройства в лифте МГУ]. Почему молодежь увлекают авантюра и террор [подзаголовок]. Русская история и литература XIX века убедили нас, что среди студентов можно встретить весьма выпуклые типы злоумышленников, начиная с **Родиона Раскольникова** [вступление к статье] // (Е. Яковлева и др. // РГ, 2006, № 4234); <...> на бедность наступает криминал. От батальонов обыкновенных алкашей и наркоманов **имени Раскольникова**, женщин, переодетых в медсестер или сотрудниц органов собеса, до матерых артистов жанра, использующих самые современные методы борьбы с бедностью (А. Ягодкин // НГ, 2004, № 42).*

С именем героя Раскольникова тесно связана также произнесенная им в романе фраза *Тварь ли я дрожащая или право имею?*, семантика которой при употреблении в дискурсе СМИ, с одной стороны, расширяется, охватывая различные сферы человеческой деятельности в системе *подчиняющий – подчиняемый*, а с другой стороны, конкретизируется указанием на область жизнедеятельности, в которой реализуется прототипическая ситуация подчинения (спорт, юридические права и обязанности и др.): *На что способна нынешняя сборная России? Достаточно ли у нее духа и характера, чтобы замахнуться на нечто большее, нежели место на нижних ступеньках пьедестала почета? «Тварь я дрожащая или право имею?» – реплика Раскольникова из романа «Преступление и наказание» в данном контексте, возможно, звучит грубовато, но в целом справедливо. (А. Федотов // СЭ, 16.09.2006); Уже сам факт подачи россиянами исков о возмещении материального и особенно морального ущерба свидетельствует не только о повышении юридической гра-*

мощности, но о росте гражданского самосознания и человеческого достоинства. Тут как нельзя к месту выражение: «**Тварь я дрожащая или право имею**» (В. Федоров // РГ, 2004, № 3267); *Вместо извинений, однако, из ГАИ пришел ответ, в котором Папченкова обвинили в совершении еще более тяжкого правонарушения — «неповиновении законному требованию сотрудника милиции». И снисходительно так намекнули: радуйся, мол, **тварь дрожащая**, что за такое легкомыслие еще не загремел за решетку на 15 суток!* (В. Травин // МК, 18.03.2005).

Прецедентное имя *Достоевский* употребляется в газетно-публицистическом дискурсе в качестве символа высококачественного продукта художественного творчества или для номинации и характеристики людей низкого социального статуса, которыми являются многие герои произведений Ф. М. Достоевского: *Сегодня мы должны противопоставить СВОИ национальные идеалы и в культуре, и в жизни цивилизации пепси-колы... у нас свой путь. Стыдно говорить (и это не западничество, а колониальное пресмыкание): «Новости от Пушкина», «галстуки от Диор». Давайте говорить тогда: картины от Репина, **роман от Достоевского**, симфония от Чайковского* (И. Глазунов // АиФ, 2005, № 26); *Мамин [режиссер] – настоящий патриот Питера, с гордостью показывает дворы-колодцы, в каждом из которых могли бы жить **персонажи Достоевского*** (Л. Малюкова // НГ, 2005, № 43).

Следующий автор, творчество которого является прецедентным для представителей русской лингвокультуры, – баснописец И. А. Крылов (5,3 %). Среди его произведений наибольшей популярностью пользуются басни «Лебедь, рак и щука» и «Тришкин кафтан». Из первой басни чаще всего цитируется выражение *А воз и ныне там* в качестве комментария к современным политическим и социальным реалиям: *Под сошедший с рельсов трамвай попало несколько человек. Письмами мэрию завалили, **а воз и ныне там*** (А. Королев // КП-Екат., 2006, № 86); *Почему не все идеи из посланий президента претворяются в жизнь? Например, в прошлом году он потребовал открыть доступ оппозиции на государственное телевидение – **воз и ныне там*** (А. Степанов // АиФ, 2006, № 20). Из второй басни заимствуется выражение *Тришкин кафтан*, вынесенное в заглавие произведения. В «Большом словаре крылатых слов и выражений» [Берков 2004] отмечается, что данное выражение «обозначает ситуацию, когда по бедности пытаются

улучшить или исправить что-либо за счет чего-либо другого» [Берков 2004: 500]. Однако в современном газетно-публицистическом дискурсе прецедентное высказывание *Тришкин кафтан* употребляется для характеристики ситуации, связанной не с материальной бедностью, а с политической беззащитностью или недалекостью: *<...> выборный закон латается, как тришкин кафтан, чтобы получить какую-то видимость пристойности* (М. Соколов // Изв., 2006, № 107); *Вообще говоря, мысли о тришкином кафтане возникают при любой попытке депутатов «подшитопать» закон об ОСАГО* (С. Астахов // РГ, 2006, № 558).

Использование цитат из других басен И. А. Крылова («Слон и Моська», «Мышь и крыса», «Зеркало и обезьяна») тоже встречается в современных газетных и журнальных публикациях, но несколько реже.

Творчество Н. А. Некрасова образует область прецедентности (5,3 %), формирующуюся в основном из прецедентных феноменов, генетически восходящих к его знаменитой поэме «Кому на Руси жить хорошо». Российские журналисты продолжают поиск ответа на поставленный классиком вопрос: *За последние пять лет смертность от инсульта там [в Европе] снизилась более чем на половину, и сегодня она в два-три раза ниже, чем в России. Да что там страны Запада! По этому скорбному показателю мы обогнали почти всех наших бывших республик-сестер - впереди только Украина. Так в чем же дело? Проводившиеся в нашей стране исследования показали: это оттого, что в последние годы все меньшему количеству людей на Руси становится жить хорошо* (О. Добромыслова // РГ, 2005, № 3887); *Что же будет на практике, когда и мы будем в ВТО? Кому на Руси будет жить хорошо? И кто окажется в неудачниках?* (И. Андреев // НГ, 2005, № 5); *Кому конкретно на Руси жить хорошо?* (А. Тарасов и др. // НГ, 2006, № 2).

Весьма популярна среди российских журналистов также цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Поэт и гражданин» *Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан*, при помощи которой заостряется внимание на проблеме гражданского самосознания русского человека, а также на соотношении творческой свободы и гражданских обязанностей: *Гражданином быть обязан!* Одновременно с политическими инициативами, касающимися губернаторов и парламентариев, В. Путин обратил внимание на структуры, которые принято называть ячейками гражданского общества (С. Тарасов // НГ, 2004, № 4); — Юра, возьмем

такую сентенцию: **«Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»**. Это же тоже очень по-русски. Как ты это преломляешь на себя? / — Ну если на себя, то, по-моему, это ерунда. Во-первых, как я могу не быть поэтом, если уж я поэт, это сильнее всего (Л. Никитинский // НГ, 2006, № 53); <...> Берлинский кинофестиваль напомнил об известном требовании русского поэта Николая Некрасова: **«Поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан»**. В Берлине «гражданином» был признан британский кинорежиссер Майкл Уинтерботтом, снявший фильм «В этом мире» (б/а // Изв., 17.02.04).

Встречается в дискурсе СМИ и данная Н. А. Некрасовым в поэме «Мороз, Красный нос» не теряющая своей актуальности характеристика русской женщины и матери – **Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет**: <...> ради спасения ребенка мать и коня на скаку остановит и в горящую избу войдет. Или когда ради этого же отец готов отдать собственную почку. Это крайние случаи (И. Петровская // Изв., 25.03.05); Я как настоящая русская баба – **и в горящую избу войду, и коня на скаку остановлю, и ребенка рожу, и в театре сыграю** (М. Зудина // Жизнь, 2007, № 20).

Следующая область прецедентности связана с творчеством Л. Н. Толстого (5,3 %). Наиболее востребованными дискурсом СМИ оказываются его романы «Война и мир» и «Анна Каренина». Одним из центральных образов в «Войне и мире» является Андрей Болконский. Имя этого героя стало прецедентным и употребляется (чаще всего коннотативно) в газетно-публицистическом дискурсе. Апелляция к нему чаще всего основана на характеристике внешности героя, его духовно-нравственных качествах (благородство и самоотверженность) и тех ситуациях, в которых он оказывается в романе (например, восхищение небом после ранения под Аустерлицем): **Вернувшись из Пскова, пришел я в любимый «Националь» — неофициальный клуб московской богемы. Приятель подвел к нашему столику молодого человека, сразу показавшегося мне похожим на Андрея Болконского** (С. Ямщиков // Завтра, 2004, № 39); **Я мечтал походить на Андрея Болконского, представлял себя офицером на войне... Та война, которая выпала мне, была мало похожа на войну из романа Толстого** (К. Величко // Изв., 08.05.07); **Закончилась горизонтальная история человечества — феодализм, капитализм, социализм — пришла пора вертикальной. И увидеть небо Аустерлица нам всем еще предстоит. Предстоит упасть, как Андрей Болконский, со знаменем, каждый своего**

Отечества в руках, и увидеть, что над тобой-то, оказывается, то, куда ты еще не ходил. «Что это?» — спрашивает он, видя над собой высокое бесконечное небо с тихими облаками. Он видит главный вопрос своего бытия. Зачем он упал вот здесь? А упал для того, чтобы увидеть вот это. Что, оказывается, человеку предстоит путь вертикальный — путь к Богу. Путь, самый, может быть, счастливый, самый ослепительный. (В. Курбатов // Завтра, 2004, № 21); *Это не средиземноморское небо — голубое и недостижимое, а северное — серое, близкое к человеку. Приехав в Петербург, я понял, почему Андрей Болконский думает о небе* (А. Федина // Изв., 16.11.06).

Еще один центральный персонаж романа «Война и мир» – Наташа Ростова. Прецедентное имя этой героини при его употреблении в СМИ чаще всего служит средством номинации молодой женщины и связывается с определенными личностными качествами героини (вдохновенное мировосприятие, умение слушать) или с ситуацией первого бала и охватившими ее в связи с этим чувствами: *Он [В. Высоцкий] больше не наскакивал на меня даже тогда, когда какой-нибудь Наташе Ростовой и впрямь грозило умыкание* (М. Стурца // Изв., 26.07.04); *Есть такие особые люди, умеющие, как толстовская графинюшка Наташа Ростова, извлекать счастье из всего, что вокруг, что естественно, что привычно* (В. Чуткова // НГ, 2004, № 82); *Матери, если она одинока, не всегда удастся воспитать женственную женщину, которой нравится быть при мужчине, которая умеет слушать. Так как умела это делать Наташа Ростова. Помните у Толстого, она слушала его так, что ему хотелось быть еще лучше и умнее, чем он есть* (Е. Новоселова // РГ, 2004, № 3620); *Но в этот день она волновалась ничуть не меньше, чем хрестоматийная Наташа Ростова два века назад. Первый бал для юной девушки во все времена - событие неординарное. Не тусовка с друзьями, не дискотека, а именно – бал!* (Т. Хорошилова // РГ, 2004, № 3468).

Менее частотное использование имени другого героя романа – Пьера Безухова. Полный, в пенсне, философ и благородный мужчина – набор ассоциаций, окружающих это имя и актуализированных в СМИ: *Они, спору нет, придумали кучу разных новаторских - не всегда, правда, понятных - деталей: убогого Зиновия зачем-то, безо всякой дальнейшей мысли, представили трогательным толстяком Пьером Безуховым* (Е. Бирюкова // Изв., 22.11.04); *«Батыево нашествие» либретто — стало символом иных времен. В Большом Китеже, в толпе обреченных, видны были букли и камзолы XVIII века. Цилиндр и пенсне любомудра, похожего на Пьера Безухова* (Д. Черняков // НГ, 2004, № 67).

Отметим, что система взаимоотношений перечисленных героев в романе может становиться способом метафорического описания отношений между героями публикации: *Когда он [В. Высоцкий] был трезв, мы говорили о поэзии. В пьяном состоянии он бросался на меня с кулаками. В его туманенном алкоголем мозгу я каким-то фантастическим образом превращался в подобие Анатоля Курагина из «Войны и мира», пытающегося обольстить и похитить у князя Андрея Наташу Ростову. В роли князя Андрея Володе мерещились его друзья, за женами или подругами которых я, якобы, ухаживал. И он вступался за их честь, как Пьер Безухов* (М. Стуря // Изв., 26.07.04).

Из романа «Анна Каренина» наибольшей популярностью пользуется имя главной героини, вынесенное в заглавие произведения. Использование прецедентного имени *Анна Каренина* в дискурсе СМИ является яркой иллюстрацией того, как сложный, многогранный образ подвергается жесткой минимизации обозначенного им «культурного предмета». В результате этого «из всего многообразия диалектичных и часто весьма противоречивых характеристик данного феномена выделяется некий весьма ограниченный набор признаков, остальные же отбрасываются как несущественные» [Гудков 2003(а): 147]. Именно это происходит с прецедентным именем *Анна Каренина*, наиболее частотным актуализированным атрибутом которого оказывается способ самоубийства героини: *И как при этом начинать все с начала? А как, скажите на милость, не начать? Если тебе суждено попасть под паровоз, он прибудет точно по расписанию. Была бы Анна Каренина, а красное колесо для нее найдется. До какого возраста позволительно быть Карениной - вот вопрос, который я сама себе задаю. Сколько раз допустимо падать под паровоз, чтобы это не выглядело по-идиотски?* (Е. Ямпольская // Изв., 20.02.07); *Русскую литературу долго кормила железная дорога. Если бы двигатель внутреннего сгорания изобрели раньше паровой машины, Анна Каренина не бросилась бы под поезд - просто укатила бы в личном авто куда глаза глядят, а литература, да и вся страна пошли бы по другому пути* (С. Лесков // Изв., 01.09.04).; *Главный ужас машиниста – «анны каренины», бросающиеся под поезд, а их за год набегает немало* (З. Памперс // АиФ, 2004, № 47).

Отметим, что данная прецедентная ситуация может использоваться для метафорического моделирования политической действительности России. В

этом случае *Анной Карениной* становятся, например, политические лидеры, а приносящим смерть поездом – грядущие политические реформы и их организатор-президент: *Анна Каренина бежит впереди паровоза* [название статьи]. *Главное – успеть заглянуть в глаза машинисту* [подзаголовок]. *Уже месяц (с тех пор как президент России объявил о грядущей реформе вертикали власти) по стране ширится соревнование за право прилепиться старыми пальцами к свежему древцу* [вступление] (В. Шендерович // НГ, 2004, № 79).

Весьма употребительной является также цитата из романа «Анна Каренина» *Все смешалось в доме Облонских*, при помощи различных трансформационных вариантов которой описывается ситуация путаницы, неразберихи в различных сферах человеческой жизни и деятельности в России и за рубежом: *<...> заказы на новую книгу Роулинг стали № 1 на интернетовском списке компании. То же самое произошло и на сейл-листе «Амазон» — главного продавца книг в интернете. Короче, все смешалось в мировом издательском доме* (М. Стурюа // Изв., 05.02.07); *Все смешалось в традиционной программе передач, как в том самом доме Облонских. Виданное ли дело - даже новости (священная корова любого телеканала) теперь скачут по сетке, протыриваясь между футбольными таймами* (И. Петровская // Изв., 16.06.06); *Дальше в республике, как в доме Облонских, все смешалось. Спикер отказался ставить обсуждение вопроса об отставке президента в повестку дня, а также зачитать переданный ему документ* (С. Турьялай, Т. Витебская // Изв., 04.04.06); *Просто иллюстрация сегодняшних реалий! Все смешалось в нашем доме? Или смешали? Не поздно ли навести порядок, сделать так, чтобы мужики были мужиками, а женщины — женщинами?* (А. Серафимова // Завтра, 2006, № 9); *Все смешалось в доме Зеленчуковых — и горе, и огромное счастье. То самое, о котором у нас почему-то принято говорить «простое человеческое», как будто есть еще и другое — сложное и нечеловеческое* (О. Китова // НГ, 2006, № 43).

Следующая по частотности апеллирующей область-источник связана с литературным наследием М. Ю. Лермонтова (4,72 %). Из произведений М. Ю. Лермонтова чаще всего цитируется высказывание *страна рабов, страна господ* («Прощай, немытая Россия»), которое оказывается применимым, по мнению российских журналистов, не только к царской России, но и к современной: *Петр I несколько исправляет положение, иностранцы едут на заработки в Россию... Но уважения нет и долго не будет. «Страна рабов, страна господ» —*

такой репутаций мы будем располагать до 1861 года, когда Александр II начнет свои великие реформы (В. Новодворская // НВ, 2004, № 51); Между тем возмущение правозащитников плохо согласуется с реалиями российской истории и современной России. Начнем с того, что Россия была и остается **«страной рабов, страной господ»**, однако вряд ли кому-либо придет в голову обвинять Лермонтова в унижении национального достоинства русского человека (Б. Туманов // НВ, 2004, № 45); <...> кто добровольно отправлялся туда [на Кавказ] сражаться и умирать, кто бежал из **«страны рабов, страны господ»** в поисках свободы (Н. Зоркая // НГ, 2005, № 30). Цитируются также стихотворения «Родина», «Дума», «Смерть поэта», высказывания из которых служат афористическим аргументом / контраргументом к развиваемой в статье мысли или осуществляют семиотическую связь между реалиями прошлой и настоящей России: Слово «талант» мы отбросим. И тогда первая заповедь — это любовь к родине, она может быть достаточно сложной, иногда доходящей до ненависти. **«Люблю отчизну я, но странною любовью»** (М. Козаков // НГ, 2006, № 85); Цитируют Лермонтова: **«Печально я гляжу на наше поколенье»**. А я оптимист и считаю, что еще можно побороться за молодые умы. И в этом вижу свою главную роль (С. Безруков // РГ, 2004, № 3432); Ходорковского посадили? Так это внутреннее дело вас, **«жадной толпой стоящие у трона»** (С. Телегин // СР, 2005, № 4).

Прецедентная область «Лермонтов» формируется также и именем поэта, при употреблении которого в СМИ актуализированными дифференциальными признаками оказываются личностные особенности поэта, а атрибутом — созданный типаж литературного героя: *А вот с Меньшиковым все более или менее понятно: по его нервно-лермонтовскому взгляду и не догадаешься, что чуток он к конъюнктуре* (А. Долин // НГ, 2005, № 4); *Главный герой фильма, офицер русской армии,— в некоторой степени идеальный персонаж. Это какой-то шаг от лермонтовского героя к современности* (А. Сокуров // Труд, 2006, № 105).

Следующий автор, художественные произведения которого актуальны для представителей русской лингвокультуры, — И. С. Тургенев (4,0 %). Наиболее употребительными в газетно-публицистическом дискурсе оказываются в данном случае два прецедентных высказывания, одно из которых является названием романа «Отцы и дети», а второе — цитатой из стихотворения в прозе «Русский язык». Активность в употреблении прецедентного высказы-

вания *отцы и дети* обусловлена вечностью поставленной писателем проблемы взаимоотношения поколений: *В одну из лодок порой присаживается погоревать лирическая героиня, чтобы на своем чудесном тоновом мандаринском диалекте поведать о проблемах отцов и детей* (Е. Васенина // НГ, 2005, № 36); *Тема монтажа прошлого с настоящим разделила первые позиции в каннской программе с проблемой отцов и детей* (Л. Малюкова // НГ, 2005, № 37). Отметим, однако, что в условиях современной российской действительности апелляция к данному высказыванию и роману И. С. Тургенева может осуществляться не только в случае глобальной, общечеловеческой проблематики, но и внутрисемейной или, например, спортивной: *Отцы и дети: как заставить его платить алименты* (Н. Коньгина, О. Тимофеева // Изв., 2006, № 107); *Также болельщики ждут интриги и в хоккеем варианте романа «Отцы и дети»: жребий свел в семейном противостоянии «Локомотив» Владимира Юрзинова-старшего и «Сибирь» Владимира Юрзинова-младшего* (Я. Коробатов // КП, 2006, № 35).

Из стихотворения в прозе «Русский язык» прецедентной стала цитата *Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык*, особенную популярность из которой получили данные И. С. Тургеневым определения русскому языку: *Я негодую, когда так коверкают великий и могучий русский язык* (И. Глазунов // АиФ, 2005, № 26); *<...> глобализация засоряла англицизмами наш «великий и могучий»* (Д. Драгунский // НВ, 2005, № 1-2); *И во дни наших сомнений и тягостных раздумий великий язык — наша поддержка и опора. Как бы ни глумились над русским словом все его осквернители, как бы ни пытались они загнать его в тупик варварского невежества, заставить быть подневольным — все тщетно* (Ю. Белов // СР, 20.03.07).

Следующая область прецедентности, на описании которой необходимо остановиться, связана с поэтическим творчеством Ф. И. Тютчева (3,6 %). Большую популярность получило его небольшое стихотворение «Умом Россию не понять», регулярная апелляция журналистов к которому обусловлена все продолжающимися в России неурядицами и нелепостями: *Ведь если рассказывают, что народ ограблен, а власть была в 1993-м узурпирована, то не совсем понятно, для кого в таком случае хотят сделать «как лучше». Да, умом Россию не понять.*

Реальной оппозиции нет, зато власть сама воспитывает в народе оппозиционные мифы! (Л. Радзиховский // РГ, 2005, № 3890); *Самолет запаздывал. Сидя в зале прилета, я недоумевал: как же так? Почему так мало людей? Во многих странах мира победителей «Дакара» приравнивают к олимпийским чемпионам, их встречают, как национальных героев. А что же мы? Нет, не зря все-таки писал поэт: «Умом Россию не понять...»* (Ю. Ярыгин // РГ, 2006, № 3985). *Гадания на тему о том, как будет решен вопрос о власти в 2008 г., уже давно стали главной темой для российской политической тусовки. Однако, как показывает опыт последних 15 лет, наша действительность в конечном счете оказывается куда более богатой и разнообразной, чем самые фантастические прогнозы. И дело тут вовсе не в какой-то мистике, не в том, что «умом Россию не понять», а во вполне конкретных причинах* (А. Рябов // НГ, 2007, № 4); *<...> позитивные новости рынок любой страны встречает увеличением объема торгов и прочими проявлениями оптимизма. Но у нас особенная статья, и поэтому общемировая финансовая логика здесь как-то не приживается* (А. Зубанов // НВ, 2004, № 51).

Малочастотной, но все-таки встречающейся в современных публикациях является цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «29-е января», посвященного А. С. Пушкину: *Как бы дальше ни разворачивалась революционная буря, на одно я крепко надеюсь. Да, украинские революционеры вложат все силы в то, чтобы утопить в грязи друг друга, а заодно измазать в грязи всю «оранжевую революцию». Но я верю, что это у них не получится. Трезвый народ Украины станет еще трезвее, но «тебя, как первую любовь», сердце Украины - не забудет* (Л. Радзиховский // РГ, 2005, № 3872). В данном примере *первой любовью* оказывается миг сплочения украинского народа во время так называемой «оранжевой» революции.

Следует отметить, что поэтическое творчество Ф. И. Тютчева оказывается менее востребованным дискурсом СМИ по сравнению, например, с творчеством Н. А. Некрасова. Это объясняется, на наш взгляд, спецификой формирующих их тем: так называемая гражданская поэзия Н. А. Некрасова в большей степени отвечает потребностям современной общественно-политической коммуникации, нежели философско-лирические произведения Ф. И. Тютчева. Активно же цитируемое журналистами стихотворение «Умом Россию не понять» является в творчестве Ф. И. Тютчева в некотором роде исключением.

Писателем-драматургом, творчество которого служит источником активно употребляемых в дискурсе СМИ прецедентных феноменов, является А. Н. Островский (3,56 %). Область прецедентности, объединяющая апелляции к его творчеству, формируется прецедентными феноменами, генетически восходящими к пьесам «Доходное место», «Свои люди – сочтемся», «Гроза». Из «Доходного места» прецедентным стало вынесенное в заглавие выражение, которое в дискурсе СМИ обозначает весьма прибыльную сферу производства или услуг и чаще всего употребляется в названиях газетных рубрик и статей: *Доходное место* [название статьи о прибыли России от торговли оружием] (Ю. Гаврилов // РГ, 2005, № 3688); *Доходное место* [название рубрики, посвященной новостям в области финансов, банков, страхования] (б/а // КП, 2006, № 189); *Департамент транспорта пообещал таксистам, которые добровольно войдут в городской реестр, три льготы. Это снизить налоги на вмененный доход, арендную плату на землю для служб такси, а самое главное - предоставить право бесплатного пользования городскими стоянками такси. Чтобы получить «доходное место», в салоне у водителя должен быть полный пакет документов* (М. Ермакова // РГ, 2007, № 4279).

Пьеса «Свои люди – сочтемся» стала источником прецедентного высказывания, тоже вынесенного в заглавие произведения. Данное прецедентное высказывание имеет негативную эмоциональную нагрузку и обозначает завуалированную угрозу или ситуацию, когда «рука руку моет», и чаще всего употребляется в названиях статей и подзаголовках: *Свои люди – сочтемся* [подзаголовок в статье о топливном конфликте между Россией и Украиной] (А. Морозов // РГ, 2007, 4266); *Свои люди – сочтемся!* [подзаголовок в статье о разрешении приватизации Дворца ледового спорта за спонсорскую помощь его нового хозяина при проведении выборов] (А. Рябов // АиФ-Урал, 2006, № 45); *Свои люди - сочтутся?* [название статьи о коррупции в органах милиции] (В. Климцев // ТР, 2006, № 3).

Из пьесы «Гроза» статус прецедентного получило высказывание главной героини Катерины *Отчего люди не летают так, как птицы?*, а вернее, его усеченный и более современный вариант *Почему люди не летают?*. Данное прецедентное высказывание употребляется либо в соответствии с прототекстовыми коннотациями, либо связывается с современными гражданскими или военными средствами передвижения: *Наверное, Саша-меченосец - засланец.*

Но происхождение меча-ладошки нам не объясняют, хотя он - воплощение светлой мечты типа **«Почему люди не летают?»** [о главном герое фильма «Меченосец»] (В. Кичин // РГ, 2006, № 4196); **Почему люди не летают?** [название статьи о причинах сокращения объемов пассажирских воздушных перевозок] (Е. Москвина // Изв., 2006, № 106); **Почему танки не летают?** [подзаголовок в статье-интервью с военным-танкистом] (И. Елков // РГ, 2005, № 3835).

Область прецедентных феноменов, генетически восходящих к творчеству А. П. Чехова (3,0 %), формируется в основном апелляциями к рассказу «Ванька» и пьесе «Вишневый сад». Из рассказа прецедентными стали высказывание *на деревню дедушке* и имя главного героя *Ваньки Жукова*, живущего «в людях», страдающего от побоев и написавшего об этом дедушке в письме без адреса. Высказывание используется автосемантически для обозначения случаев отсутствия у отправителя сообщения точного адреса: *А на днях в центр [социального обслуживания населения] и вовсе передали письмо, которое было отправлено из Тульской области «на деревню дедушке». На конверте бабуля написала – «город Зеленодольск, в редакцию»* (С. Брайловская // РГ, 2007, № 4335); *Всего-то и надо было [для получения денежной компенсации согласно решению суда] сообщить номер лицевого счета и банковские реквизиты, ведь государство не может направить компенсацию «на деревню дедушке»* (П. Лаптев // РГ, 2005, № 3738). Имя *Ванька Жуков* употребляется для характеристики жизни современных детей-сирот или для описания ситуации мольбы, причем как бытовой, так и политической: **Будто ожил чеховский Ванька Жуков с его письмом-стоном о побоях и издевательствах и страстной мольбой к «милому дедушке»: «Забери меня отсюда»** (И. Руденко // КП, 2006, № 35); — *Дорогая бабушка Любовь Андреевна! — взмолилась я, словно Ванька Жуков. — Отпустите вы парня от юбки!* (А. Боссарт // НГ, 2004, № 85); **На деревню дедушке. Егору Тимуровичу** [название]. **Иван Новицкий**, председатель Московской городской организации СПС и, кстати, единственный от «правых» депутат МГД, конечно, не Ванька Жуков из чеховского рассказа, но его конфликт с федеральным руководством партии чем дальше, тем больше входит в литературные анналы (б/а // НГ, 2007, № 38).

Пьеса «Вишневый сад» актуальна для современных СМИ вынесенным в ее заглавие выражением, которое, как и в пьесе А. П. Чехова, символизирует Россию и / или значимые для ее современных граждан проблемы (способность и возможность читать литературу, отношение к зданиям столичных те-

атров и их актерам): *Если правительство будет забывать о книге, то у нас появится молодежь, которая будет не читать, а смотреть. «Вишневый сад продан!»* - напомнил Радзинский веселый крик героя чеховской пьесы. И тут же его опроверг: *«Вишневый сад продать нельзя»* (А. Беляев // РГ, 2004, № 3569); *Собрание приняло обращение к В. Путину и М. Фрадкову с просьбой «лично вмешаться» в дело. Однако Константин Райкин очень горячо призвал «не быть Раневскими, все надеющимися, что вишневые сады не продадут. Да продадут!»*. И напомнил, что театры для «врагов» (а именно таковыми считают реформаторов) – прежде всего здания в центре города (П. Молоткова и др. // АиФ, 2004, № 47).

Данное высказывание может употребляться и в несколько ином ключе, с актуализацией его буквального значения, хотя и с сохранением отсылки к Чехову, очевидно, для большей выразительности, яркости текста, посвященного, например, проблемам садоводства: *Мы планируем посвятить вишне целый разворот одного из наших майских «Палисадов» (хотя бы из уважения к Антону Павловичу, который первым заметил, что вся Россия - вишневый сад!)* (А. Хабургаев // РГ, 2006, № 4025).

Еще два текста русской литературы XIX века, служащих источником функционирующих в СМИ прецедентных высказываний, представляют собой романы А. И. Герцена «Кто виноват?» (2,9 %) и Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (2,9 %). Сами эти романы ушли на периферию поля прецедентности, однако восходящие к ним прецедентные высказывания, являющиеся названиями данных романов, продолжают функционировать в отечественном газетно-публицистическом дискурсе, но автосеманлично. Зачастую эти вечные вопросы русского человека *кто виноват?* и *что делать?* употребляются вместе, и с их помощью поднимаются проблемы, актуальные для различных областей жизнедеятельности (социальной, политической, спортивной): *Возникает традиционный вопрос: что же делать?* 10 (Б. Орлов // Изв., 2006, № 90/27131); *Кто виноват?* (Т. Бурова // Ур. раб., 2005, № 203); *К его окончанию [сроку президентства В. В. Путина] надо бы знать, что делать дальше (на второй коронный российский вопрос – кто виноват - ответ найдется сразу по завершении периода стабильности)* (Е. Трифонов // НВ, 2005, № 1-2); *Зачинщики КДК [футбольный контрольно-*

дисциплинарный комитет] *не волнуют, разбираться досконально в эпизодах здесь не хотят. Кто виноват и что делать?* (А. Успенский // НГ, 2004, № 87).

В целом, высокая частотность и многообразие отсылок в дискурсе печатных СМИ к произведениям русской литературы XIX века связывается с классическим характером последней, обусловленным не теряющей актуальности и высокохудожественно осмысленной проблематикой, а также детальным изучением в курсе школьной программы.

3.1.2. Русская литература XX века как источник прецедентности

XX век русской литературы на страницах современной российской периодики (Приложение 1. Таблица 4) представлен чаще всего именами и творчеством И. Ильфа и Е. Петрова, М. А. Булгакова, М. Горького, В. В. Маяковского, Н. А. Островского. Менее частотны апелляции к художественным текстам, авторами которых являются А. А. Ахматова, А. А. Блок, С. А. Есенин, И. А. Бунин, Е. А. Евтушенко, Б. Л. Пастернак, А. Т. Твардовский, В. Ерофеев и др. Особое значение в рамках русской литературы XX века имеет детская литература, регулярная цитация текстов которой характерна для печатных СМИ. В последнем случае лидирующие позиции принадлежат произведениям К. И. Чуковского, А. Н. Толстого и С. В. Михалкова.

Наиболее востребованными дискурсом СМИ литературными произведениями, созданными в XX веке, являются романы И. Ильфа и В. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» (20,5 %). Центральный персонаж данной дилогии – Остап Бендер, или Великий комбинатор, как его называют авторы. В «Большом словаре крылатых слов русского языка» отмечается, что имя *Остап Бендер* употребляется, когда речь идет о ловком обманщике, мошеннике или о безобидном плутоватом человеке [Берков 2000: 350]. Проведенный анализ показал, в дискурсе современных печатных СМИ данное прецедентное имя употребляется преимущественно в первом значении: *Современный мошенник, если хотите, - такой Остап Бендер, с легкостью и изяществом обманывающий сограждан. Он легко располагает к себе, артистичен, умен, умеет убеждать, на вид - мягок и интеллигентен* (В. Авербух // РГ, 2005, № 3881); *Возглавляет*

банду довольно невнятный персонаж, такой Остап Бендер нового образца - бывший нью-йоркский таксист, который влюблен в Америку (П. Поварович // РГ, 2007, № 4308); Потомки Остапа Бендера осваивают новые способы отъема денег у населения (В. Авербух // РГ, 2005, № 3792); В результате расследования выяснилось, что Сергей Коурдаков — это современный Остап Бендер, очень хорошо понимающий, что нужно говорить в Америке, чтобы выплыть на поверхность (М. Бойко // Завтра, 2006, № 12).

Весьма актуальны для российских журналистов при освещении социально-политической обстановки в стране такие характеристики Остапа Бендера, как умение чтить Уголовный кодекс и / или в соответствии с ним отнимать деньги у граждан. При актуализации данных характеристик *Остапом Бендером* оказываются, например, представители радикальной политической партии, правительственные чиновники или политические силы страны в целом: *Но при всём при этом, нападавшие оказывались националистами по убеждениям, а не по организационному признаку. Национал-патриотические движения, несмотря на героическую риторику, как и Остап Бендер свято блюди Уголовный кодекс, ограничиваясь, митингами, пикетами или православными стояниями, прекрасно понимая, чем может обернуться излишний радикализм (Л. Правин // Правда, 25.08.2006.); Любопытно, что идеи правительственных чиновников, направленные на оказание помощи страховщикам, не изобилуют новаторством, а больше походят на действия Остапа Бендера, который, как известно, знал тысячу и один способ отъема денег у населения. Одним из первых в роли известного героя Ильфа и Петрова выступил на заседании правительства глава Минздравсоцразвития Михаил Зурабов, который предложил учесть в тарифах ОСАГО расходы на оказание медицинской помощи на дорогах (В. Мусинов // Век, 18.05.07); Небезызвестный Остап Бендер утверждал, что знает более четырехсот способов отъема денег без нарушения Уголовного кодекса. За последнее десятилетие мы хорошо познакомились с некоторыми из них, начиная с бесследно испарившихся ваучеров и кончая финансовыми «пирамидами» (В. Гинсбург, В. Кудрявцев // РГ, 2004, № 3584).*

Активно употребляется в дискурсе СМИ также высказывание *Остапа понесло*, которое является несколько измененным по сравнению с оригиналом (у Ильфа и Петрова – *Остапа несло*) и служит лаконичной характеристикой случаев вызывающего речевого поведения или излишней болтливости героев статьи: *Остапа понесло* [название статьи об Эдуарде Лимонове]. Неудобно за

заврашившегося «союзника» было и Владимиру Уласу: «Лимонов эмоциональный и творческий человек, и часто у таких людей образность не соответствует общепринятым понятиям об этом событии, они подразумевают что-то свое»... В известном романе «Двенадцать стульев» Ильф и Петров лаконично замечали по схожему поводу: «**Остана понесло**» (С. Королев // Правда, 07.10.2005.); Пугачева попросила номер на 11-м этаже — она суеверная женщина и селась только в определенные номера. «Там уже проживает постоялец, вы можете взять номер этажом выше», — ответили нам на рецепшене. **И тут Остана понесло**. Она материлась как последний сапожник (И. Боброва // МК, 15.04.2005).

Думается, что высокая степень прецедентности романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» во многом обуславливается и наличием довольно известных и популярных телевизионных экранизаций данных произведений, знакомых, наверное, каждому русскому человеку. И в этом смысле прецедентные феномены, генетически восходящие к дилогии И. Ильфа и Е. Петрова, являются трансферными, т. е. находящимися на пересечении двух сфер-источников – «Литература» и «Кинематограф».

Одну из ведущих позиций по частотности употребления в данном корпусе художественных текстов XX века занимают прецедентные феномены, генетически восходящие к творчеству М. А. Булгакова, в большинстве своем – к роману «Мастер и Маргарита» и повести «Собачье сердце». Роман стал источником не теряющего свою актуальность для граждан России на протяжении многих лет высказывания *квартирный вопрос* и прецедентного имени *Мастер*. Высказывание в большинстве случаев употребляется автосемантически, за именем же закрепились прототекстовые коннотации, связанные с проблемой творческой свободы, которая в некоторых случаях проецируется на сферу политики (свободы политических действий), получая негативную оценочность: «**Квартирный вопрос** испортил и продолжает портить жизнь подавляющему числу россиян (В. Андреев // АиФ, 2006, № 20); **Квартирный вопрос** стоит перед 61 % российских семей (М. Бруснев // КП-Екат, 2006, № 81); Больше всего в этой истории жаль Оливера Стоуна, который снял замечательный фильм [«Александр»] (причем совсем не на обсуждаемые в печати темы) и оказался в положении булгаковского Мастера. Только тот, по мнению критика Латунского, протаскивал «пилатчину». Похоже,

что Оливер Стоун тоже окажется «протаскивающим». Не знаю уж что: то ли «алексанровщину», то ли «филипповщину» (В. Новодворская // НВ, 2005, № 3); **Мастер и глумное меньшинство** [название статьи об отношении власти к народу] (В. Кузьмищев // НВ 2006, № 42).

Повесть «Собачье сердце» «подарила» русскому человеку образ ее главного героя Шарикова, имя которого стало прецедентным и актуализирует представление «о невежде, тупом самоуверенном хаме, который ведет себя, как хозяин жизни» [Берков 2004: 551]: *Все претерпели мы: до революции - трущобы и великолепные палаты; после - шариковское «уплотнение»* (Н. Вернандер // НВ, 2004, № 45); *Иванов [министр обороны] против Шарикова* [название статьи]. *Так или иначе министерскому гневу нет предела: «Сейчас многие рассуждают по Шарикову – «на учет возьмусь, служить не пойду». И вообще, кто получает отсрочки? Да всякая шушера* (В. Воронов // НВ, 2005, № 3).

Следующая область объединяет прецедентные феномены, источником которых является творчество М. Горького (8,2 %). Данная область-источник формируется прежде всего тремя текстами: пьесой «На дне» и поэмами «Песнь о соколе» и «Песнь о Буревестнике». В отношении пьесы наибольшая словоупотребительность характерна для названия, обобщенной номинации героев (с актуализацией их социального положения) и реплики персонажа Сатина, изначально звучащей как *Человек – это звучит гордо: На дне* [заголовок]. Именно в таком положении могут из-за своей политики оказаться нефтяные компании. *И утянуть за собой страну* (Л. Юдина // Труд-7, 2005, № 118); *Социалисты и инородцы единственно действовали. А что же русские? Досыпали «сон Обломова», сидели «на дне» Максима Горького. И везде рассыпавшиеся «Чичиковы»* (В. Курбатов // Завтра, 2004, № 20); *«Бездомные, конечно, не отличаются белой пушистостью, — говорят руководители «Ночлежки». — Но далеко не все из них — персонажи типа героев Горького из драмы «На дне», роющиеся у мусорного бачка»* (К. Лебедева // Изв, 03.07.06); *Отечественная пресса изображает Россию за пределами бедной страной, образ героев пьесы Максима Горького «На дне» становится во внешнем мире стандартным изображением гражданина России* (Б. Грызлов // Изв., 21.02.05); *Кроненберг, как и Тарантино, как и Триер, честно верит, что человек в основе чистый экскремент, и как бы ни пудрился, крем-брюле не станет. Горький в этом смысле был куда умнее: для него человек звучал*

гордо. А истина посередине (В. Кичин // РГ, 2005, № 3773); *Полпред — это звучит гордо?* (Я. Серова // НГ, 2005, № 49).

«Песнь о Буревестнике» стала источником активно используемого в современных СМИ высказывания – *Пусть сильнее грянет буря*, а из «Песни о Соколе» цитируется выражение *Безумству храбрых поем мы песню*. При этом первое обычно сохраняет свой политический подтекст (призыв к революции), а второе часто употребляется в совершенно иных по тематике текстах, посвященных, например, издательским новшествам или спортивным проектам: *Теперь даже те, кому кричат «пусть сильнее грянет буря» по штату положено — левые радикалы — и то молчат. Нет, приток молодежи в леваки наблюдается. И мода на все бывшее «эсэсэсэровское» существует. А вот о революции не говорят даже монстры отечественного радикализма* (А. Никонов // НГ, 2004, № 25); *Тут читатель <...> внутренне готовится к обличению всех и всяческих революций; не дожидается. Как не дожидается и радостных революционных восклицаний «Пусть сильнее грянет буря!»*. *Желать революции с ее опасной эйфорией может только дурак и жулик* (А. Архангельский // Изв., 21.02.05); *Безумству храбрых... Норвежская Bergens Tidende [газета] провела рискованный эксперимент - уменьшила свой формат, стала ежедневным журналом, и ничего, инфаркт не замечен* (Ю. Макарец // РГ, 2007, № 4314); *На сегодняшний день многие из указанных в данном проекте [развития спорта в России] целей кажутся утопическими. Реальных предпосылок для их осуществления пока не видно. Но, судя по всему, у нового руководства РФС другое мнение. Что ж, «безумству храбрых поем мы песню»* (Ю. Ярыгин // РГ, 2006, № 4030).

Далее по частотности употребления следует область прецедентных феноменов, происхождение которых связано с произведениями В. В. Маяковского (7,38 %). Для данной области характерна большая сегментированность, т. е. большее количество текстов-источников, чем, например, в описанных выше областях, хотя и с явным преобладанием в употреблении цитаты *что такое хорошо и что такое плохо*, являющейся названием поэмы В. В. Маяковского. Это прецедентное высказывание активно употребляется в различных по тематике статьях, поднимающих проблемы дозволенности и недопустимости в разнообразных сферах деятельности – энергетической политики, политической идеологии, социальной рекламы, реставрации архитектурных

памятников и др.: *Классический конфликт корпоративно-личных и государственных интересов руководство ОАО решает в свою пользу. А ведь чиновники у нас действуют не по закону, а по прецеденту. Легко понять, какие выводы относительно того, «что такое хорошо и что такое плохо», они делают исходя из таких примеров* (Л. Радзиховский // РГ, 2006, № 4204); *Отсутствует единая государственная политика в этой области [области социальной рекламы], идеологическая стратегия, которая бы определяла, что такое хорошо и что такое плохо* (Н. Канныкина // РГ, 2006, № 4244); *Есть что сказать и москвичам: пусть немногие, но замечательные примеры умной реставрации и удачного строительства тщательно собраны и представлены рядом с руинами и муляжами — да так, чтобы у публики не оставалось сомнений в том, что такое хорошо и что такое плохо* (Ю. Квасюк // НГ, 2007, № 38).

Источники прецедентных высказываний, функционирующих в печатных СМИ, послужили также такие произведения В. В. Маяковского, как поэма «Хорошо» (высказывания *планов громадье; и жизнь хороша и жить хорошо*), «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» (*через четыре года здесь будет город-сад*), стихотворения «Послушайте» (*ведь, если звезды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно*) и «Кем быть?» (*я бы в летчики пошел, пусть меня научат*): *Удастся ли премьеру осуществить «громадьё» своих планов?* (б/а // Изв., 2006, № 106); *Ласковые +16 в Париже, +14 в Мюнхене и +22 в Риме против +35 в Москве делают очевидным ответ на вопрос, где жить хорошо и жизнь хороша, а где совершенно нехороша* (М. Соколов // Изв., 01.06.07); *К Стругацким меня тянуло долгие годы. Когда мы начали снимать — нас закрыли. Другой раз начали — бросили сами. Потом пришел Горбачев. О каком тоталитарном терроре стоило говорить? Нам всем было ясно: через четыре года здесь будет город-сад* (А. Герман // НГ, 2005, № 35); *Если политические звезды зажигаются — значит, это кому-нибудь нужно* (М. Романов // Изв., 21.12.05); *Я бы в армию пошел, пусть меня научат, - для тех, кому эта фраза кажется мечтой на всю жизнь, «Российская газета» публикует правила поступления в военные вузы* (В. Куликов // РГ, 2006, № 4178).

Еще один автор, произведение которого послужило источником активно функционирующего в текстах СМИ прецедентного высказывания, — Н. А. Островский (5,32 %). Прецедентным стало выражение *жить надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы*, являющееся несколько измененной цитатой из романа «Как закалялась

сталь»: <...> зададимся вопросом: все ли еще актуален его [Н. А. Островского] призыв прожить жизнь так, «**чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы**»? Появилось ли у этого тезиса новое содержание? (РГ, 2004, № 3652); *Счастье - это умереть во время работы. Потому что, когда нет работы, то и делать нечего. В «Как закалялась сталь» есть знаменитая фраза: «жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы»* (А. Краско // АиФ, 2006, № 28).

Отметим, однако, что идеологическая нагруженность романа, неактуальная для современного российского общества, обусловила перемещение некогда культового романа из центра культурного пространства русского человека на периферию (подобно романам А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского), в то время как употребленное в нем выражение продолжает активно использоваться, но в подавляющем большинстве случаев автосемантически, т. е. как готовый коммуникативно-речевой блок без связи с текстом-источником. При этом в большинстве случаев данное высказывание структурно и семантически урезается и боль нравственная, морально-этическая оказывается лишь моральным или даже физическим дискомфортом: *Любой человек, связанный с экономикой, получивший отмашку срочно стать белым и пушистым, прочитав в газете про посаженного соседа по бизнесу или «одному окну», начинает думать, что и его дни на свободе сочтены. Может быть, завтра, а может быть, лет через шесть, но сочтены. Что остается? **Прожить остаток, чтобы не было мучительно больно, и оставить пожить внукам (детям – уже есть)*** (А. Добровинский // НГ, 2007, № 24); *И вообще, доктор, вас послушать, так за столом собираются одни алкаши. А приличные люди, женщины и дети, к примеру?! Конечно, застолье для них — это радость. Особенно если весь год не ел осетрины, а тут – пожалуйста. Им как быть, **чтобы не было мучительно больно?*** (Н. Чернова // НГ, 2004, № 95).

Подобная десакрализация весьма характерна для идеологически маркированных прецедентных феноменов, источником которых являются произведения, относящиеся к советской литературе.

Как мы уже отмечали, для корпуса текстов русской литературы XX века характерна высокая прецедентность художественных произведений, созданных специально для детей. По мнению, А. Е. Супруна, детская литература играет особую роль среди источников текстовых реминисценций [преце-

дентных феноменов – в нашей терминологии], т. к. «в детском возрасте и память лучше функционирует, и душа воспринимает непосредственное и глубже» [Супрун 1995: 25].

Из известных сказок К. И. Чуковского (6,55 %) популярность приобрели имя доктора *Айболита* и сюжет сказки «Мойдодыр». *Айболитами* шутливо или иронично называют не только ветеринаров, но вообще любых врачей: *Все, что не видит простой болельщик – слезы, кровь и боль спортсменов – достается после матчей клубным врачам. «Комсомолка» познакомилась с айболитами нашей баскетбольной и футбольной команд* (М. Соснина // МК, 2006, № 71-т/20); *Айболит с дозой* [о врачах, торгующих наркотиками] (С. Мичурин // РГ, 2006, № 4205).

Сюжет сказки «Мойдодыр» интересно обыгрывается в статье О. Щукина «Утюги за пирогами, сапоги за утюгами», где *утюгами* оказываются криминальные средства «выколачивания» денег, к которым прибегают российские олигархи, и сами олигархи; *пирогами* – доходы олигархов, а *сапогами* – властные структуры, которые решили отобрать у олигархов их доходы: *Эта цитата из «Мойдодыра»* [в названии статьи] *как нельзя лучше подходит к характеристике нынешней, после ареста 44% акций ЮКОСа и отставки Волошина, ситуации в отечественной экономике. Не только потому, что «всё вертится, и кружится, и несется кувырком» — это есть, но в принципе не смертельно. Гораздо важнее другое: период «утюги — за пирогами», когда, как рассказывают, включенный в розетку и приложенный к животу нужного человека электронагревательный прибор давал будущим «олигархам» значительные конкурентные преимущества в борьбе за раздел общенародной социалистической собственности, очевидно, сменился не периодом «цивилизованного капитализма», а тем, что уже за «утюгами» пришли «сапоги» — отбирать те самые «пирогги», которые олигархи уже привыкли считать своими* (О. Щукин // Завтра, 2004, № 45).

Детская повесть А. Н. Толстого «Золотой ключик, или приключения Буратино» тоже стала источником прецедентных имен героев и связанных с ними ситуаций. В отечественном газетно-публицистическом дискурсе активно используются имена шустрого, богатенького, но при этом наивного и простоватого *Буратино* и страшного и жестокого *Карабаса-Барабаса*, до безумия любящего своих кукол-марионеток: *Перешагнув через шустрых буратин, я пулей влетела в нужный зал* (В. Львова // КП, 2006, № 37-т/10); *Довольно изобретательно*

поступила героиня Оксаны Робски к книге «Жизнь заново». Она искала себе **богатенького буратино**. И знала, что настоящие богатеи часто берут себе номера телефонов, состоящие из одной цифры (Д. Завгородняя // КП, 2006, № 152-т/41); И обратных примеров, где хозяин **обращался с артистами не лучше, чем Карабас-Барабас с его куклами, тоже хватает** (С. Бирюков // Труд, 2006, № 58); *Лир-Семак танцует с обретенными дочерьми, точно Караба-Барабас со своими марионетками* (А. Карась // РГ, 2006, № 4022).

Из творчества С. В. Михалкова (5,74 %) употребляются высказывания, генетически восходящие к стихотворению «А что у вас?», и имя главного героя рассказа в стихах «Дядя Степа». Среди высказываний наиболее популярна цитата *Дело было вечером, делать было нечего*, являющаяся в газетных статьях, как и в тексте-источнике, своего рода зачином; встречаются также различные модификации выражения *А у нас на кухне газ*, которые чаще всего связываются с проблемами топлива: *Дело было вечером, делать было нечего, а выпить хотелось - да денег нет. И два юных бездельника из села Никольское Иркутского района вспомнили, что пару дней назад помогли односельчанке бабе Вале по хозяйству* (А. Комаров // Труд, 2004, № 234); *А у вас в коттедже газ?* (Д. Владимиров // РГ, 2006, № 112); *А у нас в квартире газ. А у вас?* [о топливном конфликте между Россией и Украиной] (А. Морозов // РГ, 2007, № 4266).

Дядя Степа в дискурсе СМИ – это чаще всего хороший милиционер, реже – человек высокого роста: *Дядя Степа – чемпион* [название]. *С золотом вернулись столичные милиционеры из Австралии, где завершились 12-е олимпийские игры среди пожарных и полицейских* (М. Славин // Труд, 2007, № 51); *Дядю Степу поставят в пример всем милиционерам* [название]. *Депутаты Госдумы пишут правила поведения сотрудников внутренних дел* (Т. Шкель // РГ, 2007, № 4350); *Китайский «дядя Степа» посмотрел на небоскребы* [название]. *Самый высокий человек в мире – скотовод из автономного района Внутренняя Монголия (КНР) Бао Сишунь - посмотрел на небоскребы Сянгана /Гонконг/* (б/а // Труд, 06.12.2005).

Следует отметить, что в современном дискурсе печатных СМИ встречаются отсылки и к текстам так называемой новейшей литературы (В. Ерофеев, В. Пелевин): *Как бы то ни было, «Милан» и «Челси» теперь ведут торги. «Челси» не хочет отпускать защитника и предлагает вместо него нападающего Креспо. «Милан»*

настаивает на своем. *Все это напоминает историю из «Москвы–Петушков» про одного влюбленного в советскую арфистку Ольгу Эрдели:*

– Ну зачем тебе именно Эрдели? Возьми хоть Веру Дулову вместо Эрдели, Вера Дулова играет прекрасно!

– Подавитесь вы своей Верой Дуловой! В гробу я видел вашу Веру Дулову!

Впрочем, все эти захватывающие переговоры между «Миланом» и «Челси» не более чем детали (Ч. Дзгоев // Изв., 2006, № 93).

Однако подобные обращения малочастотны, что объясняется еще не завершившимся процессом формирования тезауруса прецедентных художественных произведения XX века, их продолжающейся культурной фильтрацией.

3.1.3. Русский фольклор как источник прецедентности

Важнейшей составляющей корпуса когнитивно значимых прецедентных единиц со сферой-источником «Литература» являются также прецедентные феномены, источником которых послужили фольклорные произведения (Приложение 1. Таблица 5). Будучи областью духовной культуры, «фольклор отражает народное мировосприятие, в нем представлены основные морально-этические ценности народа, то, что принято называть его корнями или душой» [Игошина 2007: 120]. Одним из центральных фольклорных жанров считается сказка – своеобразная сокровищница народной мудрости, а также универсальное средство передачи народных представлений об окружающем мире и самом человеке. Как отмечает О. А. Игошина, «национальный характер сказок находит свое выражение в оценке происходящих в них событий, в именах героев, в традиционных языковых формулах, обрамляющих сказочное повествование» [Игошина 2007: 120]. Духовно-нравственный и оценочный потенциал русских сказок активно используется в дискурсе российских печатных СМИ.

Традиционно в фольклористике сказки жанрово подразделяются на волшебные, бытовые и сказки о животных [Зуева 2003]. И хотя В. Я. Пропп в своем фундаментальном труде «Морфология сказки» отрицал универсальный характер подобного деления, однако, в итоге заключал, что данная «классифика-

ция в основах своих правильна» [Пропп 1969: 12]. Наибольшее количество словоупотреблений, характерных для дискурса печатных СМИ и генетически восходящих к русскому фольклору, связано с использованием имен героев волшебных сказок и описанием связанных с ними ситуаций. Это прежде всего *Баба-Яга, Кощей Бессмертный, Змей Горыныч и Иван-дурак (Емеля)*.

В работе Ю. С. Степанова «Константы: словарь русской культуры» есть отдельная статья под названием «Баба-Яга», в которой автор отмечает, что Баба-Яга – это «один из главных персонажей русских народных сказок, уродливая, злая и коварная старуха, обладающая большой колдовской силой» [Степанов 2004: 855]. Важным атрибутом Бабы-Яги является ступа, ее обычное средство передвижения, ибо она «ковыляет, хромает, вообще ногами ходит с трудом» [Степанов 2004: 863]. В сказках этот персонаж выступает главным антагонистом положительного героя, однако помимо этой «злой» ипостаси у Бабы-Яги есть еще и другая, «добрая» – это Баба-Яга «дарительница». Наличие этой «добррой» ипостаси у Бабы-Яги отмечается и в лингвокультурологическом словаре «Русское культурное пространство» [Русское 2004: 177]. Авторы данного словаря предлагают два основных способа употребления прецедентного имени *Баба-Яга*: для характеристики очень некрасивой, уродливой и обычно старой женщины или старой неопрятной женщины, владеющей секретами магии [Русское 2004: 177]. Проведенный нами анализ показал, что в дискурсе СМИ могут актуализироваться несколько иные, не связанные с половой принадлежностью, дифференциальные признаки данного имени, причем с исключительно отрицательными коннотациями. Бабой-Ягой в современных газетных и журнальных публикациях оказывается, например, маньяк-убийца, грабитель или отвлеченное представление о финансово-экономическом фундаменте страны: *Страшнее Бабы-Яги* [о серийном убийце] (Л. Карамышева // Труд, 2005, № 16); *Баба-Яга идет по магазинам* [о грабителях, на одном из которых была маска Бабы-Яги] (б/а // Труд, 2004, № 2); *Банк развития должен быть уникальным сооружением. Поэтому должен быть сразу создан правильный фундамент. Поставишь кривой фундамент, и будет там Баба Яга внутри: неизвестно, к кому лицом, а к кому – чем* (Е. Лапшина // НГ, 2006, № 4249).

Политическую интерпретацию может получать и ступа как главный атрибут Бабы-Яги. Ступой в газетной статье оказывается, например, идеология, которой непременно должна обладать политическая партия, как Баба-Яга своим средством передвижения: *Но ведь партия без идеологии - это какая-то ошибка природы. Баба-яга без ступы* (В. Костиков // АиФ, 2006, № 12).

Неизменный соратник Бабы-Яги – Кощей Бессмертный¹. Это злобный старик-колдун, наделенный огромной властью и богатством, смерть которого далеко запрятана [Русское 2004: 206]. В линвокультурологическом словаре указывается, что имя *Кощей Бессмертный* употребляется для характеристики худого человека / животного или для человека, отличающегося неуязвимостью [Русское 2004: 206 – 207]. В дискурсе СМИ помимо указанных встречаются, однако, и такие употребления прецедентного имени Кощей Бессмертный, которые основаны на актуализации его атрибутов. Ими являются ситуации похищения данным персонажем чьей-то жены, невесты и добычи положительным героем его смерти. При апелляции к данным атрибутам похищенными Кощеем ценностями оказываются, например, достижения российской демократии (независимые телеканалы), а нашедшими его смерть – партизанские силы воюющей армии: *А Санта-Клаус, для нас надевший маску Кощей Бессмертного, все носил и носил в мешке гостинцы. Вернее, уносил. Носил в обратную сторону, видимо спохватившейся фортуны <...> В этом мешке унесли канал НТВ; потом его частицу - ТВ-6; потом частицу частицы - ТВС. Унесли «Итоги», петербургский пятый канал* (В. Новодворская // НВ, 2005, № 1-2); *Несмотря на бомбежки, югославская армия сохранила силы и, со своим опытом партизанской войны, была в состоянии дать отпор противнику. Там-то Кощей и нашел свою смерть* (К. Затулин // КП, 2006, № 35).

Еще один персонаж русских волшебных сказок и былин, способный выступать в качестве стереотипного образа, – *Змей Горыныч*. Это огромный огнедышащий дракон с несколькими головами, летающий по воздуху [Русское 2004: 195]. Наиболее характерные для русского дискурса примеры употребления данного прецедентного имени приведены в уже не раз упоминаемом

¹ Возможен графический вариант *Кащей*

нами лингвокультурологическим словом: имя *Змей Горыныч* выступает средством номинации и характеристики человека, которого ненавидят или боятся или который не утомим в делах и способен к духовному или физическому самовозрождению [см. Русское 2004: 195]¹. В дискурсе СМИ, как и в предыдущих случаях, возможные актуализации анализируемого прецедентного имени оказываются более широкими, и *Змеем Горынычем* называют не только обладающего определенными характеристиками человека, но и различных субъектов политической деятельности, например, правительство, революционных активистов, совокупность задерживающих экономическое и политическое развитие страны сил: *Правительство даже называют «Змеем Горынычем» с несколькими головами, которые не очень друг с другом ладят. Это сам М. Фрадков, министр финансов А. Кудрин и министр экономики Г. Греф.* (А. Угланов // *АиФ*, 2004, № 47); *Три головы дракона* [заголовок]. *На самом деле, «бархатные революции» трехглавы, как Змей Горыныч. Их активистами являются три основные группы - молодежь, средний класс и предпринимательство* (В. Игнатов // *Труд*, 2005, № 20); *«Родина» против Змея Горыныча* [заголовок]. *Правда, «зеленым змеем» Rogozin называет вовсе не традиционное для России понятие, а нечто другое - трехголового «дракона» в лице коррупции, сырьевых гигантов и преступности* (М. Виноградов // *Изв.*, 14.06.2005).

Одним из главных героев русского сказочного фольклора является также *Иван-дурак*, имя которого имеет общеизвестный вариант – *Емеля*. По данным лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство», *Иван-дурак* (или *Емеля*) выступает как собирательный образ, отражающий специфические представления о типичном национальном положительном герое, неприглядный внешний облик, чудаковатость, неприспособленность которого компенсируется добротой, готовностью прийти на помощь и отсутствием личной выгоды [Русское 2004: 199]. В дискурсе СМИ *Емелей* обычно оказывается ленивый человек или болтливый политик, причем в последнем случае актуализируется известная поговорка *Мели Емеля – твоя неделя: Многие предпочитают, как тот Емеля, сидеть на печи и чтобы она сама ехала. А от та-*

¹ К сожалению, в статье «Змей Горыныч» в указанном словаре приведены лишь варианты словоупотребления без их обобщения. Поэтому мы обобщили их сами на основании имеющихся в словаре примеров.

кого образа жизни не может быть хорошего здоровья (В. Садовский // Собеседник, 2007, № 4); В мирное, так сказать, время — мели Емеля, что угодно, но в известных рамках, выход за которые карается изгнанием с экрана. Но только бьет час Ч — и все Емели уже лепят дружно: «Голосуй или проиграешь!», «Итоги приватизации несправедливы, но священные!». И тут есть примеры просто поразительные. Прошлая Дума, при всей разнополярности ее Емель, приняла поправку к УК, снижающую порог ответственности за развратные действия в отношении подростков с 16 до 14 лет (А. Росляков // Завтра, 2004, № 21).

Прецедентное имя Иван-дурак при всей положительности стоящего за данным именем образа в современной газетной публицистике употребляется обычно в негативном ключе как совокупное представление о русском народе или его отдельных представителях: <...> во времена перестройки, если помните, наше национальное самосознание всячески уничижали: дескать, весь мир живет по уму, одни русские — Иваны-дураки (А. Стародубцев // Труд, 2006, № 139); В итоге Никита Сергеевич [Хрущев] вошел в историю чистеньким, чему немало способствовал имидж Ивана-дурака (нам, воспитанным на русских сказках, невозможно представить подобный персонаж злодеем) (Л. Сапожников // Изв., 11.01.2004). Однако при актуализации известной ситуации о соперничестве с двумя старшими братьями прецедентное имя Иван-дурак получает уже иные, положительные, коннотации: В те годы, когда во Франции поздней осенью уже давно упивались божоле нуво, итальянцы самозабвенно трудились над созданием великих вин, не беря в расчет дешевые молодые и не осознавая, что и на них можно сделать хорошие деньги. И так бы продолжалось, если бы не Марио Фатинель, основавший в 1969 году свое винное дело, и не его третий, младший, сын Лорис, сыгравший в семейной сказке роль Ивана-дурака. В отличие от двух старших братьев он сделал ставку на молодое вино - и победил (Н. Ивакина // Изв., 14.11.2005).

Апелляция к героям и сюжетам русских волшебных сказок в дискурсе СМИ служит средством образного, эмоционально окрашенного моделирования современной российской действительности: Наконец-то наш народ сплотился в едином порыве. Давно такого не было. Столь дружно и искренне мы осуждали раньше чилийскую хунту и спасали Анжелу Дэвис. Проснулась спящая царевна. Иванушка-дурачок слез с печи. Баба-яга перестала поедать невинных младенцев. И все хором

принялись ругать только что показанный телесериал [о телефильме «Тихий Дон» С. Бондарчука] (С. Беднов // Труд, 2006, № 219).

Бытовые сказки и сказки о животных также довольно часто актуализируются в дискурсе СМИ, причем чаще всего посредством описательной апелляции к их сюжету или использования характерных для той или иной сказки речевых формул. Это обусловлено отсутствием в подобного рода сказках имен собственных, ибо для персонажей характерна обобщенная номинация – *дед, бабушка, внучка, лиса, заяц* и т. д. Наиболее популярны знакомые с детства каждому русскому человеку «Репка», «Курочка Ряба», «Теремок», «Заячья избушка». Сюжеты данных сказок или характерные для них речевые формулы переосмысляются российскими журналистами в соответствии с актуальными социальными, экономическими и общественно-политическими проблемами: *События в деревне Дмитриановское Ростовского района развивались как в известной сказке - внучка за бабушку, бабушка за дедушку, дедка за репку. Заблудшая и, как оказалась, больная бешенством лисица укусила местного пса, а от того зараза перекинулась на коров* (М. Никитина // РГ, 2005, № 3751); *Что только не писали о «фабрикантах», как только не ругали: мол, и безвкусица, и слишком много их на экране. Как бы то ни было, развлекательные реалити-шоу по-прежнему в топе и остаются курицами, несущими золотые яйца* (К. Чебышева // Труд, 2006, № 45); *Как-то он забрал трех осиротевших малышей на выходные, потом еще и еще, а после взял да и оформил их в семью. Как в сказке про теремок, стали жить вшестером* (Е. Лежнина // РГ, 2006, № 4233); *Затеваεται это [изменение в системе налогообложения] опять под разговоры о том, что богатые должны платить больше. Мол, у лисы избушка ледяная, а у зайца - лубяная, вот и получится по справедливости* (В. Сивкова // АиФ, 2004, № 50).

Следует отметить, что диффузность, дисперсионность корпуса прецедентных феноменов обуславливает трансферный характер некоторых фольклорных прецедентных имен и связанных с ними ситуаций. Другими словами, при синхроническом срезе выясняется, что они находятся на пересечении различных сфер культурного знания, ибо фольклор служит богатым материалом для различных литературных или иных (н-р, телевизионных) переработок. Так, например, в текстах *Как заявила координатор большинства Рады Раиса Богатырева, Тимошенко – «это Баба Яга, которая всегда против»*

(И. Горина // НГ, 2007, № 4374); Грызлов: *Российский избиратель – не Баба Яга* [заголовков]. *Сегодня Госдума рассмотрит вопрос об отмене пункта «против всех» в избирательном законодательстве. Накануне спикер Госдумы Борис Грызлов вспомнил в этой связи известный мультик о Бабе-Яге, которая всегда была «против всех». По его словам, этот сказочный персонаж всегда был против всех, а российский избиратель должен голосовать «за», а не «против»* (б/а // Труд, 09.06.2006) для выявления смысловой нагрузки прецедентного имени релевантным оказывается не только и не столько представление о Бабе Яге как о фольклорном персонаже, сколько как о герое конкретного мультипликационного фильма. В таком случае генетически являющееся фольклорным имя оказывается соотносимым не только с фольклорной сферой-источником, но и со сферой киноискусства.

Прецедентное имя может характеризоваться наличием нескольких источников и в рамках литературной сферы. Так, например, в следующих текстах имя *Иван-дурак* оказывается коннотативно нагруженным не только как имя фольклорного персонажа, но и литературного: *<...> миллионер владеет местным SPA Ein Gedi, а при нем - бассейны, где горячая и пресная вода из источников смешана с холодной морской, и надо в нее окунуться, чтобы вылезти юным и прекрасным, как Иван-дурак в «Коньке-Горбунке»* (И. Мак // Изв., 17.11.2005); *Три спектакля, три режиссера, три эстетики. Омская драма, как Иван-дурак, искупалась под юбилей в трех котлах – и вышла опять молодцом и почти красавцем* (М. Дмитриевская // РГ, 2004, № 3536).

Несмотря на трудности, которые возникают при анализе и классификации конкретных словоупотреблений и стоящих за ними смыслов, очевидна целесообразность подобного рода исследований. Фольклорные прецедентные феномены вербально выражают значимые для русского лингвокультурного сообщества знания и представления и являются яркими маркерами национально обусловленного мировосприятия.

3.1.4. Древнерусская литература и литература XVIII века как источник прецедентности

Еще один корпус текстов, выделяемый в отдельную группу в рамках сферы-источника «Литература», представляют собой древнерусские художественные произведения и произведения, созданные в XVIII веке, послужившие источником различных прецедентных феноменов (Приложение 1. Таблица 6). Среди древнерусских текстов ведущее место по частотности актуализаций занимает «Слово о полку Игореве» как символ нечто выдающегося, изначального, особо ценного, реже – разъединенного, конфликтующего: *Не случайно в отличие от Америки у нас до последнего времени совсем не было фильмов про жизнь на колесах. «Бумер» – культурологический прорыв, «Слово о полку Игореве» нашего века* (С. Лесков // Изв., 01.09.04); *В небольшом городе [Трубчевске], о котором упоминает еще «Слово о полку Игореве», есть немало свободных участков, особенно на окраине, однако мэр издал постановление, которым изъяс землю, находившуюся в бесспорном пользовании у детсада «Теремок»* (А. Федосов // Труд, 2007, № 66); *Есть простота, которая хуже воровства, а есть глубинная традиция настоящего искусства. От наших корней, от «Слова о полку Игореве»* (А. Бобок // РГ, 2006, № 247); *И страна Русская, словно в пору «Слова о полку Игореве», на грани разъединения* (С. Ямщиков // Труд, 2006, № 118).

Среди художественных произведений, созданных в XVIII веке, в качестве источников функционирующих в дискурсе СМИ прецедентных феноменов выступают повесть А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», комедия Д. И. Фонвизина «Недоросль» и поэтическое произведение М. В. Ломоносова «Ода на день восшествия на престол <...> Елисаветы Петровны».

К повести А. Н. Радищева генетически восходит прецедентное высказывание, являющееся названием данного произведения, – *Путешествие из Петербурга в Москву*. Однако оно потеряло связь с текстом-источником, употребляется автономно и вербально репрезентирует ситуацию, не безрадостного, как у А. Н. Радищева, путешествия, а, наоборот, веселого и приятного: *Очередное путешествие из Петербурга в Москву: влюбленные несутся меж авантюрой и смертельной опасностью* (Л. Малюкова // НГ, 2007, № 24); *Путешествие из Петербурга в Москву и обратно. Выпускники школ двух столиц поменялись балами. Добрыми феями, которые подарили это волшебное путешествие из Петербурга в Москву и обратно, стали две женщины - губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко и*

первый вице-мэр Москвы Людмила Швецова (М. Ермакова // РГ, 2006, № 4101); Но тут случился повод совершить путешествие из Петербурга в Москву: Шевчуку вручили «Триумф» — российскую независимую премию поощрения высших достижений литературы и искусства (А. Гераскина // НГ, 2007, № 5); Счастливая пара отправляется в свадебное путешествие по воде из Петербурга в Москву на белоснежном корабле, построенном на верфях Амстердама с экзотическим названием «Ковчег наслаждений» (А. Проханов // Завтра, 2005, № 25).

Из комедии «Недоросль» упоминается имя главного героя *Митрофанушки* для образной номинации необразованной части общества: *Но нынешним митрофанушкам, кажется, уже нужно объяснять особо, и кто такой Солженицын, и почему он был опальным, и что такого трагического в отъезде за границу* (И. Петровская // Изв., 30.03.07); *Сам же Безруков не стесняется с пугающей регулярностью изображать классиков, меняя только парики да одежды. Если так и дальше пойдет, скоро наши Митрофанушки будут всех российских классиков ассоциировать исключительно с Безруковым.* (И. Петровская // Изв., 16.02.07); **Кто помнит «Недоросль» и преуспевающего в грамматике Митрофанушку, поймет, какая разница между искусством и геополитикой.** Тем более что «Евровидение» действительно является сугубо геополитической ярмаркой (Ю. Богомолов // РГ, 2005, № 3709).

Из оды М. В. Ломоносова популярностью пользуется цитата *Науки юношей питают*, причем обычно она употребляется в трансформированном варианте и ироническом ключе: *Науки ль юношей питают? Несмотря на разные судьбы, должности, полномочия и спектр возможностей наших бюрократов, их сыновья и дочери выбирают весьма схожие специальности* (А. Викторова // НГ, 2005, № 46); *Науки рейдеров питают?* (В. Измайлов, 2007, № 23); *Надежды юношей питают* (А. Воронель // НВ, 2004, № 52).

Невысокая частотность апелляций к данной группе текстов вполне закономерна, ибо они предшествовали развитию классической русской литературы, затмившей их глубиной поднятых проблем и отточенностью художественных форм.

3.2. Зарубежная литература как источник прецедентности

Активное использование в дискурсе СМИ прецедентных феноменов, генетически восходящих к текстам зарубежной литературы, обусловлено, во-

первых, уже упоминаемой нами литературоцентричностью русской культуры, а во-вторых – ее незамкнутостью, открытостью для культурного диалога. Конечно же, художественные тексты зарубежной литературы в российском дискурсе СМИ оказываются менее востребованными по сравнению с текстами русской художественной литературы (к последним, как мы уже указывали, различного рода отсылок в два раза больше). Данный факт, однако, не позволяет оставить без внимания феномен интертекстуальных включений, апеллирующих к инокультурным пространствам.

Анализ культурно-исторической принадлежности прецедентных феноменов, функционирующих в газетной публицистике и генетически восходящих к художественным произведениям зарубежной литературы и именам их авторов, позволил выделить несколько групп текстов, принадлежащих различным культурам и служащих источником прецедентности: тексты европейской литературы (89 %), американской (6 %), азиатской (5 %) (Приложение 1. Таблица 7). Всего в корпусе прецедентных феноменов, источником которых является зарубежная литература, было выделено 49 областей-источников.

Данные исследования говорят о преимущественном обращении российской периодики к именам и творчеству европейских писателей 16-20 веков: немецким (Б. Брехт, М. Лютер, Г. Гессе, братья Гримм, Э. Т. А. Гофман, И. В. Гете, Г. Гейне, Р. Э. Распе), английским, в том числе писателям Великобритании, Ирландии, Шотландии (В. Шекспир, Конан Дойл, С. Моэм, Р. Киплинг, Б. Шоу, Дж. Оруэлл, А. Стивенсон, Дж. Оруэлл, Д. Р. Р. Толкиен, А. Кристи, Дж. К. Ролинг, Дж. Джойс, Р. Бернс), французским (Ш. Перро, О. де Бальзак, А. Дюма, Стендаль, Мольер, А. де Кюстин, Ж. М. де Местр, Ш. Бодлер, А. де Сент-Экзюпери, А. Камю, Жюль Верн, Р. Гари), датским (Г. Х. Андерсен), испанским (Сервантес), итальянским (Данте Алигьери, А. Калиостро).

Наиболее популярными в данном корпусе оказываются художественные тексты английских, немецких и французских писателей. Среди английских авторов лидирует В. Шекспир – гениальный драматург не только Англии и

эпохи Возрождения, но и всего мира и всех времен. Апелляции к его драматическим произведениям «Отелло», «Гамлет, принц датский», «Ромео и Джульетта» неоднократно возобновляются в дискурсе российских печатных СМИ посредством введения в текст статьи прецедентных высказываний или коннотативного употребления прецедентных имен героев. Среди высказываний наибольшей популярностью пользуется цитата из трагедии «Ромео и Джульетта» *Нет повести печальнее на свете* и вечный вопрос Гамлета *Быть или не быть?*: *Причем страхование это не коллективное, когда пенсионные взносы за всех своих работников отдает предприятие, а сугубо индивидуальное. То есть это личное дело каждого – «быть или не быть» в этой системе* (И. Невинная // РГ, 2004, № 3629); *Быть или не быть? Этот судьбоносный для демократии вопрос решается сегодня в маленьком сибирском городке* (М. Костерина // РГ, 2005, № 3867); *Но, оказалось, граждане рано радовались. «Аэрофлот» не нашел общего языка с местным авиапредприятием, которое в последнее время переживало не лучшие времена - банкротство, забастовки, массовые сокращения персонала, внешнее управление, наконец, раздел на два враждующих между собой юридических лица. Нет повести печальнее на свете...* (И. Смирнова // Труд, 2004, № 237); *Лисичка-оборотень <...> встречает волка-оборотня в чине генерал-лейтенанта ФСБ, и они полюбили друг друга. Нет повести печальнее на свете: следует ряд откровенных сексуальных <...> и эпических сцен [о новой книге Пелевина «Священная книга оборотня»]* (С. Сергеев // НВ, 2004, №49).

Гамлет и *Ромео* являются излюбленным образами российских журналистов и героев их статей. При этом прецедентное имя *Гамлет* употребляется чаще всего как символ наиболее сложного сценического образа или одинокого, страдающего и ищущего смысл жизни человека: *Конечно, мне хотелось бы сыграть хорошую роль в театре. Но когда приходят в голову такие мысли, я себе говорю: Юра, стоп, перестать мечтать, никто не даст тебе сыграть Гамлета, ну разве что сумасшедший режиссер. Настолько мое лицо вызывает однозначные ассоциации с телевидением* (Ю. Николаев // КП, 2006, № 152-т/41); *Мейсон [герой сериала «Санта-Барбара»] – некий современный Гамлет, который пытается в одиночку справиться со злом, царящим в мире. За внешней бравадой и жестокостью - романтическая и ранимая душа* (С. Подгорбунский // Труд, 2007, № 552); *Деньги, водка и Гамлет [заголовок]. Вышли три фильма про три источника несчастья русского человека* ((Л. Малюкова // НГ, 2006, № 33).

В случае политической тематики статьи или разговора журналиста с героем публикации на политические темы *Гамлетом* может быть назван тот или иной правитель страны, являющийся волевой и харизматической личностью: *Владимир Путин (продолжу театральную метафору) стал единственным Гамлетом нашей политической сцены. За его словами и действиями всем интересно следить: как же умудрится он отомстить за отца дяде, не задев королеву-мать? Хотя никому лично, конечно же, не хотелось бы попасть ни на язык, ни под ипагу этого Гамлета. <...> Понятно, что легко быть Гамлетом, когда ты одновременно и Шекспир* (В. Третьяков // РГ, 2004, № 3449); *Ни в коем случае нельзя позволять гамлетам - вообще любым дессидентам и оппозиционерам - становиться королями <...> Саакашвили - это Гамлет, дорвавшийся до власти* (Е. Ямпольская // Изв., 2006, № 103).

Прецедентное имя *Ромео* вербализует преимущественно представление о любовном повесе: *Можно, конечно, просто посмеяться над всероссийской «турковлюбленностью», но...Представляете, сколько девушек в нашей большой стране не заводит семей, вздыхая по туркам? Русские семьи разваливаются с полупинков турецких ромео, зато Турция сказочно богатеет от наших секс-вояжей* (З. Памперс // АиФ, 2005, № 40); *В общем, из-за этого любвеобильного Ромео и его воплей нам пришлось даже в другую гостиницу переезжать* (В. Кудрикова // Труд, 2007, № 34).

Совсем иные актуализации получает данное имя, если оно употреблено вместе с именем героини пьесы Джульетты. В этом случае прецедентные имена *Ромео* и *Джульетта* вербально репрезентирует ситуацию трагической любви между юношей и девушкой: *Когда-то вся страна ходуном ходила, обсуждая сверхцеломудренный фильм Райзмана «А если это любовь?». Старшеклассников Ромео и Джульетту в фильме гнобили соседи, соученики, учителя и, естественно, общественность* (Л. Малюкова // НГ, 2006, № 58);

Обобщенное представление о творчестве В. Шекспира, которое проецируется на реалии современности, отражается в выражении «шекспировские страсти»: *Вокруг годичной паузы в НХЛ бурлили такие шекспировские страсти, что за какой-то год само понятие локаут приобрело сугубо отрицательный оттенок* (М. Макарычев // РГ, 2005, № 158); *Гоголевский сюжет и шекспировские страсти* (В. Петров // РГ-Урал, 2006, № 108).

Необходимо отметить, что прецедентные феномены, генетически восходящие к творчеству В. Шекспира, являются еще одной яркой иллюстрацией

пересечения, диффузности различных полей прецедентности. В данном случае поле прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература» пересекается с полем прецедентности «Театр», ибо художественные произведения, созданные английским драматургом, предназначены для постановки на театральной сцене. Сценические интерпретации пьес В. Шекспира (если не в столичном, то хотя бы в провинциальном театре), видел, наверное, практически каждый русский человек.

Вторым по популярности английским автором оказывается А. Конан Дойл, а точнее, герой его произведений – сыщик Шерлок Холмс: *Доморощенные «Шерлоки Холмсы в юбках», порожденные писательницей Дарьей Донцовой, одна за другой продолжают оживать на экране* (В. Киру // АиФ, 2004, № 46); *Вместо крепкого тыла — жена, подсевшая на наркотики, и разбитная дочь. Хорошо еще, руку помощи протянет Шерлок Холмс — Ливанов в роли ветерана ГБ* (Л. Малюкова // НГ, 2005, № 47); - *Вместо того чтобы заниматься утками, господин Тягусов взял на себя функции Шерлока Холмса! - бушевал мэр* [о чиновнике, расследовавшем случаи хищения денег своими сослуживцами] (И. Смирнова // Труд, 2006, № 237).

Немецкая литература на страницах современной российской прессы чаще всего представлена именем главного персонажа приключенческого романа Р. Э. Распе «Приключения барона Мюнхгаузена» и главного героя поэмы И. В. Гете «Фауст». Авантюризм, неправдоподобность рассказываемого и находчивость являются дифференциальными признаками прецедентного имени *Мюнхгаузен*: *Сначала министр здравоохранения и социального развития Михаил Зурабов (в недавнем прошлом банкир) высказал тщательно просчитанное предложение, чтобы пребывание людей в больницах ограничивались в среднем пятью днями: именно такой срок позволит, мол, предельно быстро окупить современную дорогостоящую аппаратуру, которой предполагается оснастить российские клиники. Объясняя такой проект (в стиле незабвенного барона Мюнхгаузена), министр ссылаясь на зарубежную практику, прежде всего на заокеанскую, где медицина давно уже поставлена на серьезный коммерческий фундамент* (А. Варганов // Труд – 7, 2004, № 238); *Я привыкла полагаться только на себя. В моей жизни бывали ситуации, когда приходилось, как Мюнхгаузену, просто вытаскивать себя за волосы* (Е. Перова // РГ, 2005, № 158).

Имя доктора Фауста в дискурсе СМИ является символом харизматической личности, связанной с потусторонними силами, а точнее, соблазненной ими: *Авилов [ушедший из жизни актер театра и кино] воплотил в себе – не просто в своем творчестве, а именно в себе как таковом - тип мага и чародея. Эдакого Фауста и Паганини театральной сцены, который с чертом на дружеской ноге* (А. Люсый // НВ, 2004, № 52); *это живой человек, с фанатичными убеждениями, сильными страстями, неисправимыми слабостями. Мефистофель и Фауст в одном лице* (Л. Малюкова // НГ, 2007, № 34); *Вся наша история - это история соблазнов: от библейского яблока до доктора Фауста* (Г. Агишева и др. // Труд, 2006, № 214); *Америка спасала жизнь эмигрантов за счет их статуса. Для авторов, успевших прославиться дома, эта, в сущности, честная сделка оказалась столь же безнадежной, как та, в которую ввязался их земляк Фауст* (А. Генис // НГ, 2007, № 15).

Среди художественных текстов, принадлежащих французской культуре, безоговорочно лидируют знакомые всем с раннего детства сказки Ш. Перро «Спящая красавица», «Кот в сапогах», «Золушка», сюжеты которых переосмысливаются российскими журналистами в соответствии с российской действительностью: *Когда проезжаешь по Краснодарскому краю, вспоминаешь сказку «Кот в сапогах». «Чьи эти пашни?» – «Кобзона». – «Чьи это маслобойни?» – «Кобзона. Но записаны они на его дочку»* (О. Шаблинский // АиФ, 2005, № 45); *Большинство приглашенных депутатов ГД и сенаторов не приехали. Администрация президента вместо обещанных Суркова и Медведева прислала безымянных «представителей». Соседи по Поволжью отделались телеграммами. Зато прибывшие «поздравители» вели себя, как феи на дне рождения спящей красавицы. Каждый старался подарить нечто особенное [об инаугурации губернатора Саратовской области П. Ипатова]* (Н. Андреева // НГ, 2005, № 25); *Золушка находит своего принца, ради чего перекладывает свою работу на плечи феи. Это тот случай, когда ваша личность и, возможно, авторитет в обществе будет расти исключительно путем партнерства* (Р. Суси // Правда, 27.11.2006).

Имя Золушка обычно ассоциируется с внешней женской привлекательностью, миниатюрностью и репрезентирует ситуацию поиска принца или превращения «замарашки» в красавицу-принцессу: *Рыжеволосая «золушка» Амалия Гольданская продолжает искать своего прекрасного принца (наличие белого коня значения не имеет)* (И. Лыщицкая // МК, 2004, 15.12.2004); *«Ножка Золушки» у Марины Нееловой – 35 размер* (Анна и Андрей Велигжанины // КП, 2004, № 238/51); *Золуш-*

ка, понятное дело, превратится в принцессу. Да не абы какую — в принцессу кино Грейс Келли (таков заказ очередного спивающегося олигарха). Хрустальные шузы с тыквами ей ни к чему — есть на это визаж-винтаж-фотосессии (Л. Малюкова // НГ, 2007, № 42). Однако в дискурсе СМИ данное прецедентное имя может употребляться и в отношении различных реалий российской действительности. *Золушкой* оказываются, например, отреставрированный краеведческий музей или преобразившийся киноконкурс: *<...> краеведческий музей стараниями его сотрудников, словно сказочная Золушка, превратится в хранилище произведений искусства, отвечающее всем требованиям музейного дела (С. Ямщиков // Завтра, 2004, № 24); Но, похоже, вечная золушка-конкурс, ранее довольствовавшаяся обьедками-обносками, оставшимися от других «барских» фестивалей, незаметно преобразяется (Л. Малюкова // НГ, 2005, № 46).*

Еще один актуальный для отечественных печатных СМИ сказочник — датский писатель Г. Х. Андерсен, с творчеством которого все с детства знакомы по сказкам «Стойкий оловянный солдатик», «Снежная королева», «Дюймовочка», «Новое платье короля» и др.: *Во времена Андерсена штопальные иголки и китайские болванчики оказывались в центре драматических событий, а оловянные солдатики приносили себя в жертву бумажным танцовщицам. Игрушки времен массового производства и потребительского рая супермакетов, немислимых химических расцветок и комбинированных возможностей <...> все чаще <...> не отвечают своему исходному предназначению (М. Аромштам // НГ, 2005, № 30). Все это напоминает сказку про снежную королеву, где Кай пытался собрать из кусочков льда слово «вечность». Но они, проклятые, никак не стыковались друг с другом. Вот и у «Зенита» защитные пазлы пока не складываются в гармоничную картинку [о частых заменах в обороне команды] (Ю. Бутнев // СЭ, 2005, № 113); Самая легкая дюймовочка [заголовок]. Самая маленькая в мире новорожденная Румайса Рахман провела в клинике при университете Лойлы в Иллинойсе почти пять месяцев и на днях выписана домой. Крошка появилась на свет в сентябре 2004 года весом 243 грамма (б/а // Труд, 2005, № 32).*

Особой популярностью в дискурсе СМИ пользуется высказывание из сказки Г. Х. Андерсена «Новое платье короля» *А король-то голый*, с помощью которого вербализуется представление о физической или духовно-нравственной наготе: *А Гамлет-то голый* [об обнаженном актере, сыгравшем роль Гамлета] (Л. Лебедина // Труд, 2005, № 133); [Михалков] *отснял помпезную киноклюкву*,

затратив несметные средства на пиар. **Но король**, в данном случае Александр III, **оказался полностью голым** [имеется в виду режиссер и председатель Союза кинематографистов Н. Михалков, снявшийся в роли царя Александра III в собственном фильме «Сибирский цирюльник»] (К. Кедров // НВ, 2004, № 45).

Более ранний период развития европейской литературы представлен обращениями к сюжетам и образам из античной мифологии и поэмы «Одиссея» Гомера. В большинстве своем прецедентные феномены, генетически восходящие к античной мифологии, являются книжными фразеологизмами: *Тогда о монетизации все знали понаслышке, терялись в догадках, и министр, придя в студию, выразил готовность рассказать о замысле правительства поподробнее. Но авторы пренебрегли такой возможностью - она не укладывалась в **прокрустово ложе** формата передачи, нарушала ее «стройность»* (А. Варганов // Труд, 2005, № 40); *А кровавый диктатор Франко! Сохранил королевскую семью, воспитал молодого принца, буквально вскормил его, одновременно выполняя самую кровавую и грязную работу по расчистке испанских **авгиевых конюшен*** (Ю. Гейко // НГ-ежемес. обзор., 2006, февр.).

Апелляция к античным мифологическим образам в дискурсе СМИ может иметь и несколько иной характер: базироваться не на предполагаемом знакомстве читателя с определенными мифологическими сюжетами, а на имеющемся у него представлении об античных легендах и мифах в целом: *Легенды и мифы* [заголовок]. *Да, «**легенды и мифы Древней Греции**» складываются на наших глазах. И те, кто, как я, скажем, видят ясно, что это полная чушь, абсолютно бессильны повлиять на массовое сознание* [про события 1993 года в России] (Л. Радзховский // РГ, 2005, № 3890). Подобные словоупотребления, однако, не отличаются высокой частотностью и регулярностью.

Из «Одиссеи» Гомера актуализируется ситуация увлекательного, но опасного путешествия и преодоления главным героем различных испытаний: *Как мы уже сообщали, научно-исследовательское судно «Академик Иоффе» Института океанологии РАН отправилось в уникальную экспедицию в северные широты — изучать изменения в Гольфстриме и процессы формирования климата на планете. **Подробности морской одиссеи** — только для читателей «МК»* (В. Чуприн // МК, 03. 07. 2006); *«Рельсы», которым больше шести тысяч лет, самые древние на Земле храмы и **пещера нимфы Калипсо**, где жил плененный ею Одиссей... Мальта известна нам в первую очередь мальтийскими рыцарями* (М. Трубилина // МК, 25.06.2006); *Один мой знакомый, которо-*

го, как и меня в юности спрашивали: «Ты кто?», однажды нашелся и с гордостью ответил: «Я москвич!». Ему сказали: «Вот молодец!». А потом повернулись ко мне и сказали: «А вы кто?». Я обалдело смотрел на всех и не мог ничего сказать. (Вернее, мне захотелось в эти минуты **стать Одиссеем, который ответил циклопу Полифему: «Никто» и выколол ему глаза**) (А. Альтер // НВ, 2004, № 45); Центробанк в последние три года решает непривычную для себя задачу: пытается сделать так, чтобы рубль – наша национальная валюта – дорожал не так быстро. Ведь чем он дороже, тем дороже отечественные товары... Но, с другой стороны, нельзя забывать про инфляцию. А тут наоборот – чем дороже стоит рубль, тем лучше. Вот **ЦБ и пытается проскочить между этими проблемами, как между Сциллой и Харибдой** (А. Нечаев // АиФ, 2006, № 45).

Американская художественная литература как источник различных прецедентных феноменов, использующихся в текстах СМИ, связана преимущественно с творчеством Ф. Купера, Э. Хемингуэя, У. Фолкнера, В. Набокова. Среди прецедентных феноменов, генетически восходящих к творчеству Ф. Купера, наибольшей популярностью пользуется высказывание *последний из могикан*, представляющее собой название романа. Данное выражение обычно употребляется по отношению к выдающимся личностям и событиям, ставшим последними в ряду им подобных: *Ушел последний из могикан – Михаил Ульянов* [заголовок] (б/а // Труд, 29.03.2007); *Последний из могикан* [подзаголовок в статье, посвященной жизни и политической деятельности Фиделя Кастро] (М. Макарычев // РГ, 2006, № 4206); *Этот вернисаж* [«Янтарь Балтики»] – праздник прежде всего для них самих [создателей изделий из янтаря], *«последних из могикан»*, кто выжил и не сдался (И. Смирнова // Труд, 2006, № 65). Отсылка к творчеству Ф. Купера может быть и несколько иной, актуализирующей не уникальность чего- или кого-либо, а агрессивность того, кто способствовал их гибели: *Украины и Белоруссии, под псевдонимами «Малой» и «Белой», Великороссии было мало <...> миссионеры с «оленебоями» и в «кожаных чулках», как персонажи Фенимора Купера, жаждали приобщать славяноязычные народы к великой русской культуре и геополитике* (В. Новодворская // НВ, 2004, № 45).

К творчеству Э. Хемингуэя восходят функционирующие в отечественном газетно-публицистическом дискурсе высказывания *по ком звонит колокол, праздник, который всегда с тобой и прощай оружие!*, также являющиеся названиями произведений. Следует отметить, что выражение *по ком зво-*

нит колокол было заимствовано Э. Хемингуэем из эпитафии к роману-стихотворению другого автора – английского поэта и богослова Дж. Донна. Однако этот факт большинству представителей русской лингвокультуры неизвестен, поэтому указанное высказывание связывается в сознании русского человека прежде всего с именем и творчеством Э. Хемингуэя и семиотически употребляется в СМИ при описании возможных или реальных трагических событий: *Шутка ли - заложники. Ими могут оказаться и близкие люди. «По ком звонит колокол».* Нет, не думают... (Н. Вернандер // НВ, 2004, № 49); *По ком звонил колокол* [заголовок]. 27 апреля полицией Эстонии был арестован ученик 11-го класса Марк Сирьк [подзаголовок]. В прошедшую пятницу движение «Наши» провело в Москве акцию, в ходе которой объявило эстонского школьника Марка Сирька первым несовершеннолетним политзаключенным Евросоюза [вводка]. Когда школьники разошлись, большой мешок писем отнесли в представительство Евросоюза. Участники акции потребовали освободить Марка Сирька в двухнедельный срок. Если же этого не произойдет, то, как заявили представители движения «Наши», то через полмесяца на набережной напротив здания дипмиссии Евросоюза **появится колокол. И начнет звонить – по Европейскому союзу, по европейской демократии двойных стандартов.** Как обещает Якименко [руководитель движения «Ниши»], **колокол будет звонить до тех пор, пока Марк Сирьк не выйдет на свободу** [заключение] (В. Пронин // Изв., 07.05.07). Возможна, однако, и апелляция к изначальному источнику, т. е. к высказыванию Дж. Донна. В этом случае высказывание употребляется в качестве афоризма с указанием его автора и выполняет аргументативную функцию: *Великий английский поэт Джон Донн в одной проповеди сказал: «Не спрашивай, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе».* ВИЧ/СПИД не щадит никого и касается каждого. И поэтому касается меня (В. Познер // Изв., 11.07.06). Думается, однако, что его аргументативная сила обусловлена наличием у читателя знания не об авторе, способном выступить в качестве авторитета, а о том, что подобное выражение является названием известного романа.

Другим выражением – *праздник, который всегда с тобой* – Э. Хемингуэй стремился передать свое восхищение Парижем, поэтому вполне закономерным оказывается использование данного выражения в СМИ в связи с упоминанием столицы Франции: *Романтическая любовь, дружба, светлая*

грусть, казалось, эти чувства могли быть только в Париже. Короче – праздник, который всегда с тобой (А. Бильжо // Изв., 2006, № 103). Однако гораздо более частотным является употребление данного высказывания в том же положительном эмоционально-оценочном ключе, но по отношению к иным объектам, также вызывающим радость и восторг, или с изменением прагматики высказывания и в отношении чего-то или кого-то, приносящего хлопоты и неудобства: *И вот жители со всех концов острова [Мальты], из разных городов и деревень приезжают в Марсашлокк на рынок выходного дня. Не только потому, что здесь ассортимент дешевле, а еще потому, что поездка на рынок — это праздник, который всегда с тобой. Сюда даже туристов привозят, чтобы у них тоже был праздник* (О. Боброва // РГ, 2005, № 30); *Поняв, что отныне Борис Абрамович – это праздник, который всегда с тобой, тт. Браун и Милибэнд [английские политики] испытают понятный трепет* (М. Соколов // Изв., 27.07.07). Иронический подтекст создается также при формальных трансформациях данного высказывания путем изменения его модальности (введением отрицательной частицы *не*) или лексического замещения: *Праздник, который не всегда с тобой* [заголовок в статье, посвященной празднованию 4 ноября] (В. Дымарский // РГ, 2007, № 4507); *Каннский фестиваль, возможно, не столь важен, потому что это – праздник, который всегда не с тобой. Никак невозможно понять, в какой момент радоваться и какое это имеет отношение к нам. Это примерно как конкурс Евровидение, когда все российские участники пытаются выглядеть иностранцами* (В. Соловьев // РГ, 2007, № 4367); *Имидж, который всегда с тобой* (М. Глобачев // НВ, 2006, № 33).

Прецедентное высказывание *прощай, оружие!* экспрессивно номинирует ситуацию разоружения либо гражданского населения, либо военно-промышленного комплекса той или иной страны, либо невозможность покупки оружия: *Прощай, оружие!* [заголовок]. *Операция «Оружие» началась в Петербурге. Она предполагает добровольную сдачу в милицию пистолетов, винтовок, боеприпасов* (Л. Безрукова // Труд, 2006, № 83); *Прощай, оружие* [заголовок]. *Американские концерны скупают немецкие фирмы, производящие вооружение* (А. Андреев // Труд, 2004, № 52); *Покушение на Березовского: Прощай, оружие!* [заголовок]. *В Лондоне не купишь даже пистолет* [подзаголовок] (б/а // МК, 19.07.07).

С творчеством У. Фолкнера связано другое эксплуатируемое в отечественных печатных СМИ высказывание – *шум и ярость*. Оно является назва-

нием романа и было заимствовано американским писателем из трагедии Шекспира «Макбет», однако известность этому выражению обеспечила заголовочная позиция в произведении Фолкнера. Литературное прецедентное высказывание *шум и ярость* употребляется в дискурсе печатных российских СМИ при освещении политических или культурных событий в жизни страны, реакция на которые оказывается настолько громкой и эмоциональной, что затмевает само событие: *4 ноября мы вновь отпразднуем День народного единства. Праздник по смыслу своему особый <...> Но нелегко этим смыслом и этому чувству пробиться сквозь «шум и ярость» политических дразг* (Л. Поляков // Изв., 02.11.06); *Шум и ярость* книжной ярмарки (В. Копылова // МК, 08.09.2006); *С шумом и яростью* реагировать на те же заявления американского госдепа, увы, легче, чем «добежать до реальности» и в этой реальности быть результативными и эффективными (З. Ерошок // НГ, 2007, № 35); *Можно ли найти более яркое - и, следовательно, более абсурдное, более карикатурное - проявление той же самой «ампутации мозга», чем шум и ярость, которые мы видим сегодня?* (Л. Радзиховский // РГ, 2006, № 3906).

Литературные прецедентные феномены, генетически восходящие к творчеству В. Набокова, мы отнесли к группе источников, принадлежащих к американской литературе, т. к. данные прецедентные феномены являются именами героев романа «Лолита», созданного писателем в США на английском языке и впоследствии переведенном на русский. Наибольшую популярность получило имя главной героини Лолиты. Юный возраст, красота и связь со взрослым мужчиной являются дифференциальными признаками данного имени, актуализирующимися в газетных текстах совокупно или частично: *Лолита от кино* [название страницы в газете, где размещено интервью с Натали Портман, сыгравшей в фильме «Леон» девочку-подростка, живущую со взрослым мужчиной-киллером] (К. Литманов // АиФ, 2005, № 26); *Однако она [М. Шарапова] уже теперь не теннисная Лолита, не красотка на корте, хотя красавицей остается - может быть, даже в большей степени, чем раньше* (А. Ерастов // РГ, 2006, № 4171).

Встречается в дискурсе СМИ имя и другого героя романа – Гумберта. Однако оно гораздо менее известно представителю русского лингвокультурного сообщества, что обуславливает введение в газетный текст данных об его литературном источнике: *Знаешь, лет десять назад мне [олигарху М. Прохорову] нра-*

вились девчонки-ровесницы <...> А теперь - на молодых западаю. Чувствую себя Гумбертом (герой «Лолиты» Набокова. – Авт.) (О. Вандышева // КП, 15.01.2007).

Центральное место в группе прецедентных феноменов, генетически восходящих к азиатскому фольклорному и литературному творчеству и функционирующих в российской периодике, занимает персонаж многих народов Ближнего и Среднего Востока, а также Средней Азии *Ходжа Насреддин*, имя которого имеет различные, но гораздо менее известные и не востребованные российским массово-информационным дискурсом варианты (БуАдам, Афанди, Молла Насреддин и др.). Актуальность указанного варианта имени обусловлена, по-видимому, широкой известностью романов (и их телевизионных экранизаций) русского писателя Л. В. Соловьева, а также различных анекдотов, где главным действующим персонажем является философ и остролов *Ходжа Насреддин*. Наиболее популярным, особенно в политическом дискурсе СМИ, оказывается умение данного героя «тянуть время», чтобы «выкрутиться» из трудной ситуации: *Захаренко* [экс-министр внутренних дел Белоруссии] *тянул время, как мог: рассчитывал, вероятно, как Ходжа Насреддин, что «или эмир умрет, или ишак заговорит»* (И. Халип // НГ, 2005, № 30). *Вначале кажется, что все определяется личными договоренностями, а потом они куда-то уходят, потому что начинает действовать принцип, который я бы назвал принципом Ходжи Насреддина. Помните, когда Ходжа перед лицом эмира взялся за десять лет научить читать ишака и вполне смело нес на себе эту обязанность, потому что считал, что за десять лет кто-нибудь да помрет — или эмир, или ишак, или Ходжа* (А. Аузан // НГ, 2006, № 16). Апелляция к данной ситуации характерна также для случаев, когда речь идет о чем-то невероятном или весьма сомнительном: <...> *разговоры о промышленной добыче на Луне изотопа гелий-3 напоминают сказку о Ходже Насреддине, который по приказу эмира пытался научить ишака говорить* (И. Тимофеева // НГ, 2007, № 17).

Другое прецедентное имя, весьма активно функционирующее в дискурсе СМИ, причем преимущественно в качестве нарицательного, принадлежит герою арабской мифологии *Джинну*. С данным образом связывается представление о некоей силе (общественной, политической), временно скрытой, но политически опасной или даже разрушительной: *Мы выпустили из бутылки*

джинна – ядерное оружие и средства массовой информации. И теперь его надо загнать обратно (В. Путин // НВ, 2004, № 52); *Собственными руками действующая власть создает в обществе такой протестный потенциал, который не просто дестабилизирует ситуацию в стране, но ставит под сомнение легитимность самой этой власти. Пока этот потенциал во многом еще остается латентным, но, опять же, власть делает всё, чтобы окончательно «выпустить джинна из бутылки»* (А. Нагорный, Н. Коньков // Завтра, 2007, № 13).

Упоминается также в дискурсе СМИ название сборника арабских сказок «Тысяча и одна ночь» и имя их рассказчицы *Шахерезады*. Данные прецедентные феномены связываются обычно с чем-то необычным, сказочным, а также завуалированным, интенционально скрытым или весьма многочисленным: *Роза пишет президенту Таджикистана Рахмонову. И начинается тысяча и вторая сказка Шахерезады — ей предлагают вернуться в Курган-Тюбе и возвращают квартиру* (В. Ивлева // НГ, 2005, № 95); *Однако свои сказки он [Е. Л. Шварц] рассказывал с той же целью, что и Шахерезада, – заговорить зубы султану. И ведь удалось избежать сталинской дыбы...* (Д. Резанов // НВ, 2006, № 43); *Тысяча и одна поправка* [заголовков в статье о правовом произволе в России] (Л. Никитинский // НГ, 2005, № 96).

Апелляция к авторскому литературному наследию Азии на страницах современной периодики осуществляется преимущественно через употребление имени и цитирование философских сентенций персидского поэта второй половины XI века *Омара Хайяма*: *В жизни люди не отличают объективных закономерностей от своих пожеланий. Когда они требуют справедливости, они не учитывают, что справедливость, возможно, не в их пользу. Как сказал однажды Омар Хайям: «Если бы небо справедливо распределяло удачу, быть может, ты бы ее никогда не дождался»* (А. Воронель // НВ, 2004, № 52); *В последнее время ему [Б. Гребенщикову] вообще приходится от многого отказываться: сменил крепкие сигареты на легкие, не злоупотребляет алкоголем: «Я почти как Омар Хайям, который все время писал о вине и бражничестве, а сам вообще не пил»* (Л. Рак // Труд, 2007, № 26).

Денотативное употребление в дискурсе СМИ имен известных поэтов и писателей Азии призвано подчеркнуть величие культуры Востока и рассчитано на наличие соответствующих фоновых знаний об их носителях у современного русского человека: *С этим городом [Гератом в Афганистане], основанным еще Александром Македонским, связаны имена таких известных средневековых деятелей,*

как *Алишер Навои, Джами, Хафиз*, а сегодня там бок о бок живут представители более 20 этносов (Н. Савоськина // НГ, 2004, № 28).

Функционирующие в российском масс-медиальном дискурсе прецедентные феномены, генетически восходящие к азиатскому фольклорному и литературному наследию, служат средством осмысления и оценивания реалий современной жизни и являются яркой иллюстрацией положительного взаимодействия разнонаправленных, а иногда и конфликтующих культур.

Следует отметить, что разделение текстов-источников на русские и зарубежные в определенных случаях носит несколько условный характер, что связано с ярко выраженной и известной русскому человеку разнорациональностью некоторых литературных сюжетов. Примером в данном случае может служить использование в дискурсе СМИ прецедентного имени *Дон Жуан*. Изначально Дон Жуан является героем старинной испанской легенды, получившей литературную обработку в пьесе «Севильский соблазнитель» (1630 г.) Тирсо де Молины. Пьеса, в свою очередь, послужила первоисточником для оперы «Дон Жуан» австрийского композитора Вольфганга Амадея Моцарта. Впоследствии сюжет о неутомимом любовнике Дон Жуане, его страсти к вдове Донне Анне и неожиданном приходе ее покойного мужа-командора использовали более ста авторов мировой литературы (Мольер, Байрон, Пушкин, А. К. Толстой и др.) [Крылатые слова 2003: 210]. В дискурсе СМИ, однако, употребление прецедентного имени *Дон Жуан* не актуализирует сам сюжет, а является коннотативно маркированным именованим любовного повесы, искателя любовных приключений: *В сухом остатке* [на передаче А. Малахова «Пусть говорят», посвященной В. Высоцкому] *остался образ Дон Жуана, большого женолюба, в любовных пристрастиях которого черт ногу сломит и 27 лет спустя после его ухода* (И. Петровская // Известия, 02.02.07); *Однако такие мужчины [лысые] отличаются еще и высокой сексуальной активностью, наступательным характером и агрессивностью в достижении поставленных задач. Так что Дон Жуан, Казанова и современные киногерои-мачо не могут обладать пышными шевелюрами, а должны быть по идее лысыми, как коленка* (б/а // Известия, 26.01.06).

В связи с тем что источником подобных коннотаций может быть несколько различных по национальной принадлежности текстов (в том числе и русских), литературный сюжет о Дон Жуане на основании национальной характеристики его первоисточника был отнесен нами к зарубежной литературе, к тому же само имя этого героя ассоциируется все-таки с зарубежной культурой.

В целом по отношению к текстам зарубежной литературы можно сказать о преимущественном обращении российской периодики к знакомым каждому русскому человеку с детства именам сказочных героев и сюжетам европейских сказок, а также творчеству зарубежных писателей, изучаемому в курсе школьной программы.

Выводы по третьей главе

1. Наиболее актуальными для дискурса СМИ и вообще для дискурса русской языковой личности являются классические тексты русской литературы, изучаемые в рамках школьной программы, и художественные произведения, получившие широкую известность благодаря телевизионным экранизациям или театральным постановкам, т. е. имеющие трансферный характер.
2. Анализ текстов-источников литературных прецедентных феноменов позволил выделить наиболее востребованные русским массово-информационным дискурсом области-источники прецедентности, среди которых главное место отводится отечественным художественным произведениям и именам их авторов. При этом ведущие позиции принадлежат XIX веку русской литературы, на втором месте оказывается XX век, на третьем – русский фольклор, наименее актуальными для дискурса СМИ являются древнерусские произведения и произведения, созданные в XVIII веке. Существенное превалирование областей-источников, формирующихся текстами русской классической литературы XIX века, над областями-источниками, включающими в себя произведения русских и советских писателей XX века, связано, на наш взгляд, с системой школьного литературного образования, в

рамках которого XIX век русской литературы изучается гораздо более подробно, нежели XX. Меньшее количество обращений к литературе прошлого века обусловлено, возможно, и спецификой формирующих данные произведения тем, многие из которых оказываются неактуальными для современного русского человека.

3. Проведенное исследование позволяет говорить о значимости текстов зарубежной художественной литературы (хотя и гораздо меньшей по сравнению с русской, но все-таки отчетливо выраженной) для русского человека и его более тесной связи с традициями европейской культуры, нежели американской или азиатской. Доминирование художественных произведений европейской литературы объясняется, с одной стороны, содержанием школьной программы по литературе, а с другой – популярностью европейских сказок, большинство из которых с детства хорошо знакомо каждому русскому человеку.

4. Произошедшие в стране социально-политические сдвиги и возникшие в связи с этим изменения в духовно-нравственных установках представителей русского лингвокультурного сообщества обусловили перемещение некогда весьма востребованных или даже культовых романов на периферию русского культурного пространства («Кто виноват?», «Что делать?», «Как закалялась сталь»). Однако «следы» этой былой популярности обнаруживаются в текстах периодических изданий в виде активно функционирующих прецедентных высказываний, генетически восходящих к данным текстам. Но это именно только «следы», «осколки», весьма отдаленно связанные с проблематикой романов или не связанные с ней вовсе. Гораздо более содержательно «богатыми» оказываются интертекстуальные знаки, заимствованные из значимых и знаковых для современного русского человека текстов (Пушкина, Гоголя, Ильфа и Петрова, Шекспира, Хемингуэя и др.), апелляция к которым является способом осмысления в дискурсе СМИ настоящего России и всего мира.

ГЛАВА 4. Взаимодействие прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература» в газетно-публицистическом дискурсе и особенности их восприятия потенциальными читателями

Основная цель данной главы состоит в описании закономерностей взаимодействия литературных прецедентных феноменов внутри газетного текста и выявлении специфики восприятия данных единиц, т. е. в изучении их прагматической составляющей, под которой традиционно понимается отношение знаков к их истолкователю.

Данная цель достигается путем решения следующих задач:

- выделение и анализ различных групп газетно-публицистических текстов, в формировании смысла которых одно из ведущих мест отводится прецедентным феноменам со сферой-источником «Литература»;
- установление закономерностей восприятия различных видов литературных прецедентных феноменов путем описания результатов проведенного психолингвистического эксперимента.

4.1. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» как организующее звено газетного текста

В современной лингвистической теории текст определяется как «динамическая единица высшего порядка, как речевое произведение, обладающее признаками связности и цельности – в информационном, структурном и коммуникативном плане» [Валгина 2003: 5]. Данные признаки – связность и цельность – отражают соответственно коммуникативно-содержательную и структурную сущность текста. При этом исследователи различают связанность локальную, т. е. связанность линейных последовательностей, и глобальную, обеспечивающую «единство текста как смыслового целого, его внутреннюю цельность» [Валгина 2003: 43], достигающиеся посредством коммуникативной (целевой) установки автора. Прецедентные феномены вообще и литературные прецедентные феномены в частности, оказываются

единицами, способными выступать в качестве организующего центра газетно-публицистического текста, обеспечивая его глобальную связность, цельность и коммуникативно-прагматическую направленность. Причем наибольший эффект достигается при использовании данных единиц в сильных позициях текста, к которым традиционно относятся заглавие, начало и концовка [Лазарева 2004].

Взяв за основу классификацию способов развертывания метафорических моделей в пределах текста (ярко выраженное доминирование одной модели, параллельное развертывание в тексте нескольких моделей и отсутствие метафорической доминанты), разработанную А. П. Чудиновым и его последователями [Чудинов 2001, 2003(б), Колотнина 2001, Ряпосова 2002, Чудакова 2005], и адаптировав ее к имеющемуся фактическому материалу, мы выделяем следующие виды текстов, в которых употребляются литературные прецедентные феномены:

- I. Тексты с использованием прецедентных феноменов, генетически восходящих как к сфере-источнику «Литература», так и другим областям знания (наряду с литературными прецедентными феноменами в тексте функционируют прецедентные феномены, источником которых являются сферы «Кинематограф», «Театр», «Изобразительное искусство» и др.).
- II. Тексты с доминированием прецедентных феноменов, генетически восходящих к сфере-источнику «Литература»:
 - 1) тексты с прецедентными феноменами, генетически восходящими к различным областям-источникам (именам и произведениям нескольких авторов);
 - 2) тексты с прецедентными феноменами, генетически восходящими к одной области-источнику (одному или нескольким произведениям одного автора).

В качестве иллюстрации к первой группе текстов проанализируем статью Л. Малюковой «Кто шагает по Москве?» (НГ, 2005, № 5), опубликованную в постоянно действующей рубрике «Культурный слой» в издании «Новая газета». Данная статья является откликом на закрытие киноvideocентра

«Дом Ханжонкова-Москва», в котором находятся Музей кино, библиотека и видеотека. Содержащееся в заголовке трансформированное прецедентное высказывание, отсылающее к названию известного советского кинофильма «Я шагаю по Москве» и к словам звучащей в нем песни, привлекает внимание читателя, в некотором роде интригует его, ибо содержит вопрос, и путем произведенных трансформаций (замена местоимения и изменение модальности высказывания) указывает на полемичный, оппозиционный характер публикации, усиливающийся подзаголовком *Российские очаги культуры – горят*.

Анализируемая статья состоит из четырех частей, каждая из которых имеет собственный метафорический заголовок, соотносимый с определенной сферой-источником прецедентности: *Криминальный триллер «Приступить к ликвидации»*, *Трагифарс «Гараж»*, *По мотивам «Вишневого сада»* и *Психологическая драма «Послесловие»*. Первые два внутритекстовых заголовка связываются в сознании читателя с кинематографом, а два последних – с литературой и театром. Данные части статьи отражают и метафорически оценивают всю совокупность событий и их возможных последствий, связанных с продажей и последующим перепрофилированием знаменитого здания в Москве (превращение его в элитный ресторан), инициатором которого выступает Управление делами президента. Первая часть текста представляет собой ближнюю ретроспекцию, повествуя о произошедшем не так давно (относительно времени публикации) происшествии, которое своей неожиданностью, динамичностью и напряженностью напоминало сюжет криминального триллера: *В центре Москвы накануне Нового года прохожие глазели на очевидно снимающийся боевик. Из машин лихо вылетали бойцы ОМОНа в камуфляже, выбивали двери и окна, выводили людей на улицу*. Следует отметить, что упомянутый в подзаголовке кинофильм «Приступить к ликвидации» был создан по мотивам одноименной повести советского писателя Хруцкого и вряд ли известен широкому кругу современных читателей. Автор-журналист в данном случае апеллирует не к конкретному кинотексту, а к обобщенному представлению об определенном жанре кино.

Далее журналист снимает интригу и вводит читателя в курс дела, сообщая об истинной причине и потому нелепости произошедшего: *«Брали» не банду и даже не очередных жертв из «ЮКОСа», а сотрудников киновидеоцентра «Дом Ханжонкова-Москва». Кинофотодокументы, афиши, архив сваливались в общую грудку. Разгром в центре Москвы инициирован Управлением делами президента, на балансе которого находится дом и которое установило кинотеатру со зрительным залом в 500 мест арендную плату порядка одного миллиона долларов в год.*

Завершается первая часть текста сообщением о культурно-исторической ценности здания киновидеоцентра (указание на время создания, перечисление прецедентных имен, принадлежащих выдающимся актерам и связанным с кинотеатром) и о циничности планирующихся изменений: *Уничтожают не кинотеатр — историю кино, историю Москвы. Ведь заложенный Ханжонковым в 1913 году электротеатр «Пегас» был самым популярным в дореволюционной России, его стены помнят В. Холодную, И. Мозжухина, В. Старевича, П. Чардынина...Самое циничное то, что на месте кинотеатра первые чиновники страны вознамерились построить элитный ресторан с уже раскрученным названием «Дом Ханжонкова».*

Вторая часть статьи – *Трагифарс «Гараж»*, – заголовок которой апеллирует к весьма известному советскому фильму, представляет собой дальнюю ретроспекцию. В ней содержится информация о предшествующей захвату здания многолетней тяжбе, своей длительностью и запутанностью напоминающей собрание членов гаражного кооператива из кинофильма «Гараж», где собравшиеся никак не могли решить, кого оставить без желанной доли собственности: *Вялая 12-летняя тяжба между СК России и Киноцентром завершилась экстренной продажей 32% акций Киноцентра, принадлежащих СК России, за \$6 млн <...> Против решения о продаже выступила лишь Гильдия киноведов и кинокритиков России. <...> В подобной, покрытой пеленой, ситуации возникает ряд наивных вопросов к руководству союза. Следует отметить, что никаких конкретных, развернутых аналогий в самом тексте не проводится, однако заданная в подзаголовке метафора, рассчитанная на посвященного читателя, позволяет автору усилить оценочность описываемых событий. Далее в этой части статьи весьма образно и эмоционально сообщается о приоритетах в политике руководства Союза кинематографистов, для чего журналистом используются спортивная и транспортная метафоры, окруженные и семантически усложненные литера-*

турными прецедентными феноменами (области-источники «Шекспир», «Грибоедов», «Пушкин»): *Откроется ли он [Дом кино] вновь после реконструкции, и пустят ли туда кинематографистов — еще один вопрос, непосредственно связанный с другим: быть или не быть вообще Союзу кинематографистов? Впрочем, нужен ли союз его руководителям, неизвестно. Уже готов «запасной аэродром» — Академия киноискусства. Вообще ввод в игру «запасных игроков», верных сторонников, не смеющих «свое суждение иметь», — любимый вид спорта нынешних властителей дум СК.*

Третья часть анализируемой публикации посвящена сложившемуся (в момент написания статьи) положению вещей, когда киноvideоцентр закрыт, а судьба Музея кино, библиотеки и видеотеки так и остается неопределенной. Имеющийся внутритекстовый заголовок – *По мотивам «Вишневого сада»* – актуализирует у читателя известную пьесу А. П. Чехова, а дальнейший текст статьи эксплицирует заявленное уподобление литературной и современной ситуаций. Своего рода вишневым садом оказывается киноvideоцентр, на котором предприимчивые стяжатели (жаждущие наживы властные структуры) решили заработать деньги, а для этого «вырубить» (закрыть и реконструировать) то, что есть, несмотря на его духовную ценность. Проблематика и сюжет прецедентного текста, как и в предыдущей части, проецируются на современные реалии, но в данном случае аналогия оказывается более развернутой: используются прецедентные высказывания (как из чеховской пьесы, так и иные, но тематически связанные) и прецедентное имя персонажа: *Судьба Музея кино туманна, но шансы на выживание у детища Наума Клеймана есть. <...> Но лес рубят... В данном случае «щепки» — библиотека СК и видеотека. Про них, «заколачивая» двери Киноцентра, забыли. Буквально как о Фирсе. <...> В общем, самый настоящий «вишневый сад», который рубят с целью «продать под дачные участки».*

И последняя, четвертая, часть статьи – *Психологическая драма «Последствие»*, – в названии которой используется театральная метафора, является своего рода перспекцией. В ней продолжает поддерживаться параллель с чеховским произведением, и моделируется ситуация возможного развития действия в соответствии с финалом пьесы, когда «Лопахины торжествуют» и уже слышно, как «топором стучат по дереву». Интересно, что, как и в предыдущей части, автор-журналист прибегает к тексту не только самой пьесы, но

и к другому источнику (поэме Н. А. Некрасова «Крестьянские дети»), прецедентное высказывание из которого оказывается тематически весьма близким: *В общем, топор дровосека раздаётся уже неподалеку, Лопахины торжествуют.* Подобное сближение осуществляется за счет актуализации поверхностного значения и трансформации глубинного, нивелирования связи с текстом-источником, ибо в поэме Н. А. Некрасова высказывание *В лесу раздавался топор дровосека* отнюдь не является имплицитным выражением угрозы, в то время как в статье оно связывается именно с угрожающей ценному лесу рубкой, а метафорически – с разрушением памятника культуры.

Далее автор весьма эмоционально обращается к современным деятелям культуры, используя при этом трансформированный вариант знаменитого обращения М. Горького к «мастерам культуры» и прецедентные имена великих кинематографистов: *Потому и хочется задать последний вопрос деятелям культуры. Уже неинтересно: с кем вы? Просто: где вы? Ученики отцов-основателей — Пырьева, Ромма, Герасимова?* Журналист предупреждает о возможных последствиях закрытия киноvideоцентра, и вновь появляющееся при этом выражение *дачные участки* как символ современного мещанства оказывается резко контрастирующим с подобным рядом имен: *Когда останутся только «дачные участки» и ваших детей лишат возможности посетить Музей кино, кино- и видеотеку, встретиться в Доме кино, вы не сможете сказать: «Я в этом не участвовал».*

Завершается данная часть статьи и вся статья в целом без использования прецедентных феноменов, но весьма эмоционально и образно. Журналист поименно обращается к известным деятелям современного российского кинематографа, привлекая их внимание к поднятой проблеме: *Уважаемые Алексей Германович, Александр Николаевич, Марлен Мартынович, Вадим Юсупович, уж кому как не вам известно: когда уничтожают здания, остаются книги. Когда уничтожают книги — даже людей не останется.*

Таким образом, в рассмотренной нами статье активно используются прецедентные феномены преимущественно из двух сфер-источников: «Кинематограф» и «Литература». При этом количество текстов-источников (включая псевдотекст – триллер «Приступить к ликвидации») из литературной сферы оказывается большим, нежели из кинематографической (6 и 3 со-

ответственно). Существенные различия наблюдаются и в способах вербализации и особенностях функционирования данных видов прецедентных феноменов. Из сферы-источника «Кинематограф» употребляются только реальные прецедентные имена, функционирующие денотативно (*Холодная, Ромм* и др.). Литературные же прецедентные имена являются вымышленными и используются коннотативно (*Фирс, Лопахин*). Прецедентные высказывания из кинематографической сферы выполняют семиотическую функцию, обнаруживая аналогию с тем или иным фильмом («*Гараж*», «*Кто шагает по Москве?*», «*Приступить к ликвидации*»). Среди литературных прецедентных высказываний встречается как семиотическое употребление («*вишневый сад*», «*дачные участки*»), так и экспрессивно-стилистическое или аргументативно-афористическое (*быть или не быть, свое суждение иметь, властители дум, раздается топор дровосека*), не требующее знаний художественного текста. В целом созданные автором статьи проекции на кинофильмы являются менее разнообразными и развернутыми, нежели литературные аналогии, однако не менее значимыми, ибо их вербальные репрезентации занимают сильные позиции в тексте (заголовок, подзаголовки) и тематически сближаются с кинематографической проблематикой статьи в целом. Использованные в исследуемой публикации различные прецедентные феномены позволяют журналисту образно и эмоционально выразить свое отношение к определенным событиям и вписать их в широкий культурный и исторический контекст.

Иллюстрацией ко второй группе текстов, где литературные прецедентные феномены (из различных областей-источников) являются доминирующими, может служить статья Е. Дьяковой «Ай, не Пушкин» (НГ, 2005, № 47). Данная публикация представляет собой критически-ироническое освещение скандала, возникшего в 2005 году в министерстве культуры между его тогдашними руководителями – А. С. Соколовым (министром культуры РФ) и М. Е. Швыдким (председателем Федерального агентства по культуре и кинематографии). Причиной зарождения и развития конфликтной ситуации между руководителями одного ведомства стало выдвинутое А. С. Соколовым об-

винение М. Е. Швыдковского во взяточничестве и коррупции, которое А. С. Соколов озвучил в одной из передач на центральном телевидении. В заголовке анализируемой статьи содержится трансформированное знаменитое высказывание А. С. Пушкина *Ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!*, произнесенное им после окончания «Бориса Годунова» и зафиксированное в письме к П. А. Вяземскому. Смысл заголовочного выражения *Ай, не Пушкин!* частично проясняется после прочтения подзаголовка *Александр Сергеевич вызов Швыдкову бросил, но драться не хочет*, а полностью – только после прочтения всей публикации. Возникшая у журналиста сложная аналогия обусловлена следующим: во-первых, Соколова, как и Пушкина, зовут Александром Сергеевичем, а во-вторых, он «вызвал на дуэль» Швыдкого, как в свое время Пушкин Дантеса, «бросив» ему в лицо (по центральному телеканалу) серьезное обвинение. На этом, однако, по мнению автора статьи, аналогии заканчиваются, ибо Соколов, в отличие от Пушкина, отвечать за свои слова не хочет, предпочитая хоть как-то сгладить ситуацию. *Дуэли Александр Сергеевич не хочет* – отмечает уже в середине статьи Е. Дьякова, сознательно опуская фамилию чиновника, и иллюстрирует свой вывод словами Соколова: *В передаче я не упоминал ни фамилий, ни конкретных фактов. Хотя, разумеется, информации более чем достаточно.*

Начало статьи тоже содержит литературную аналогию, связанную только уже с другим великим русским писателем – Н. В. Гоголем, а точнее, с его «Повестью о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Сюжет этого произведения, по мнению журналиста, весьма похож, очевидно, своей абсурдностью и нелепостью на то, что происходит между двумя чиновниками: *История о том, как поссорились два главных культурных начальника России, ставшая главной культурной новостью минувшей недели, больше всего напоминает хрестоматийные сюжеты русской литературы, например Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем... Министры-то люди образованные, классику учитывают..*

В следующей части статьи снова используется образное сопоставление. Теперь уже автор оценивает реакцию чиновничьей братии на предъявленное Швыдкову обвинение во взяточничестве, апеллируя при этом к комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», в которой чиновники всех уровней берут и дают

взятки: *То, что безличное обвинение Швыдкого Соколовым во взяточничестве, как призрака гоголевского ревизора, провоцирует хор осторожных комментариев с общей интонацией «человек-то энергичный и обаятельный, а кто из нас без греха — пусть kinetic камень» — у общественности вопросов не вызывает.* Интересно, что подобного высказывания, графически маркированного в статье и воспринимающегося в качестве цитаты из комедии, в самой пьесе Гоголя нет. Это своего рода псевдоцитата, с помощью которой журналист обобщает отношение российских чиновников ко взяточничеству и взяточникам, причем отношения так и не изменившегося со времен Гоголя.

Основная часть статьи, будучи довольно метафоричной и эмоциональной, не содержит прецедентных феноменов из сферы-источника «Литература». В ней используются различного рода метафоры (например, театральная: *броская интермедия в антракте драмы*; монархическая: *Соколов царствует, но не правит*; зооморфная: *ведомственные законы ползли в Думу — и др.*) и несколько прецедентных феноменов, актуализирующих не литературные знания, а знания в области политики. Так, например, журналист цитирует высказывание Соколова по поводу пришедших в министерство телеграмм с выражением поддержки министру, желающему разоблачить коррупционеров. При этом в процитированных словах Соколова содержится известное выражение В. В. Путина, характеризующее нечистых на руку чиновников: *В этих телеграммах выражается готовность очень многих людей поделиться горьким опытом общения с той самой «надменной кастой чиновников», о которой говорилось в послании президента Федеральному собранию.* Далее в статье сам Соколов, а точнее, его способность быть неуловимым (он пребывает в постоянных разъездах) оказывается сравнимой с неуловимостью известного террориста Бен Ладана, о чем сообщается через цитирование слов К. А. Райкина: *Министр культуры у нас по неуловимости идет вторым после бен Ладана: с ним невозможно повидаться. Никак! Три месяца я прошу об этой встрече. Все попытки безуспешны.*

В конце публикации, однако, вновь появляется прецедентный феномен со сферой-источником «Литература»: прецедентное высказывание, генетически восходящее к названию басни И. А. Крылова «Тришкин кафтан». Своего рода *тришкиным кафтаном* является, по мнению журналиста, скудный

бюджет министерства культуры, который два чиновника никак не могут поделить: *Западник-авангардист Швыдкой и почвенник Соколов делят «тришкин кафтан» реального финансирования культуры.* И именно эти разногласия, по мнению журналиста, и спровоцировали действия Соколова.

Таким образом, в данной статье наблюдается доминирование литературных прецедентных феноменов, с помощью которых автор анализирует и критически оценивает громкий политический скандал. Журналист моделирует внеязыковую действительность, апеллируя к известным художественным произведениям (повесть и пьеса Н. В. Гоголя, басня И. А. Крылова) и именам писателей (Пушкин, Гоголь) и располагая вербальные репрезентации данных апелляций в сильных позициях текста (заглавие, начало и конец статьи).

Иллюстрацией к третьей группе текстов служат статьи, в которых современные социальные и политические проблемы освещаются с помощью тесно связанных прецедентных знаков, являющихся цитатами или именами героев из одного или нескольких произведений одного автора. В этом случае вся совокупность прецедентных феноменов организуется в сложную метафорическую систему, которая «способствует восприятию текста как определенного единства, организует интерпретативную деятельность адресата, участвуя тем самым в формировании общего эмоционального настроения, ведущего к изменению отношения субъекта к некоторым объектам и явлениям действительности» [Чудакова 2005: 174]. Как отмечает А. П. Чудинов, «единая доминантная модель, как правило, выделяется в относительно небольших по объему текстах» [Чудинов 2003: 125]. В связи с этим рассмотрим три небольшие статьи, первая из которых принадлежит перу И. Гориной и называется «Собакевичи» голосуют шотландской бумагой» (РГ, 2005, № 4017), вторая, опубликованная от имени редакции «Комсомольской правды», имеет заголовок «Кому отдать ключ от квартиры?» (КП, 2006, № 33-т/10), а третья, под названием «Ревизор», написана Л. Радзиховским (РГ, 2006, № 4120).

Статья И. Гориной посвящена парламентским выборам, проходившим на Украине в 2006 году и спровоцировавшим «выяснение отношений» как между экономическими, так и политическими структурами. Заголовок данной

публикации содержит прецедентное имя героя поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души», употребленное во множественном числе и заключенное в кавычки, – «Собакевичи». Смысл заглавия «Собакевичи» *голосуют шотландской бумагой* частично эксплицируется в имеющемся подзаголовке *Перед парламентскими выборами украинских избирателей назвали «Собакевичами» и предложили им сделать главный национальный выбор на шотландской бумаге*. Далее в первом абзаце сообщается о причинах использования Центризбиркомом Украины бумаги иностранного производителя – *чтобы избежать фальсификации бюллетеней*, однако причина, по которой украинские избиратели получили имя *Собакевича*, не уточняется. Журналист рассчитывает на фоновые знания читателей, включающие как знание об украинской национальной политике, нацеленной на пропаганду всего исключительно украинского, так и знание описанного Гоголем характера Собакевича, ратующего за все исключительно отечественное, даже в ущерб здравому смыслу. Наличие этих знаний позволяет понять иронический подтекст заголовка, суть которого сводится к следующему: истые приверженцы сугубо национальных идей украинцы – «Собакевичи» – свой *главный национальный выбор* делают на бумаге иностранного производства.

Основная часть анализируемой статьи посвящена уже не самим выборам, а сопровождающей их ревизии долгов различных украинских предприятий главной нефтегазовой компании «Нафтогаз Украины», поставляющей энергетическое сырье из России. Журналист сообщает, что компания «Нафтогаз Украина» провела конкурс «*Мертвые души*» и вручила своим самым крупным должникам премии, названные в честь героев одноименной поэмы Гоголя. Так, в номинации «*Собакевич*» победила фирма, *задолжавшая за энергоносители 40 миллионов долларов*. Звание «*Коробочка*» досталось предприятию, *которое бесплатно потребило 55 процентов отпущенного ему газа*. Диплом «*Сказка ревизора*» получил комбинат, *вот уже шесть лет не желающий платить за поставляемые энергоносители*. Главным «*Ноздревым*» стал холдинг, предложивший *самое неправдоподобное объяснение сво-*

ей задолженности. А основным энергетическим «Плюшкиным» следует считать сам «Нефтегаз».

Проводимые в статье аналогии особо не конкретизируются. В прецедентных именах литературных героев имплицитно актуализируются некоторые дифференциальные признаки и атрибуты, на знание которых читателями рассчитывает журналист: Собакевич в поэме Гоголя продал Чичикову наибольшее количество «мертвых душ», включив в список фамилии не только мужчин, но и женщин; Коробочка продала поменьше, но тоже получила значительную выгоду; Ноздрева отличает откровенное вранье, а Плюшкина – патологическая экономность. Система имен героев из одного произведения становится способом метафорической оценки сложившейся на Украине экономической ситуации. Однако помимо текста «Мертвых душ» Гоголя привлекаются и смыслы из другого произведения этого же автора – комедии «Ревизор». Так, в упомянутом в статье выражении «Сказка ревизора» в слове *сказка* совмещаются значения двух слов-омонимов: с одной стороны, подразумеваются ревизские сказки (именные списки населения России XVIII – XIX веков), о которых речь идет в «Мертвых душах», а с другой – ложь, благодаря которой мнимый ревизор Хлестаков из комедии Гоголя существенно обогатился.

Литературные аналогии, основанные на апелляции к пьесе Гоголя «Ревизор», на этом в статье не заканчиваются. И в заключительной части публикации журналист пишет, что премию «Хлестаков» (являющуюся своего рода кульминацией) собирается вручить политический блок «Наша Украина» экс-премьеру Юлии Тимошенко *за лживую предвыборную рекламу*.

Таким образом, в данной статье используются прецедентные феномены (в подавляющем большинстве – вымышленные прецедентные имена) из одной области-источника: из разных, но по поднятой проблематике весьма близких художественных произведений. Прецедентные единицы расположены равномерно по всему тексту, что соотносится, по мнению Н. М. Чудаковой, с понятием цилиндра [Чудакова 2005], и с их помощью создаются яр-

кие, образные проекции, однонаправленность тематики и прагматики которых обеспечивает связность газетного текста и целостность его восприятия.

В публикации «Кому отдать ключ от квартиры?» наблюдается еще более тесная связь между литературными прецедентными феноменами, используемыми автором, т. к. они не только объединены одной областью-источником («Ильф и Петров»), но относятся к одному литературному герою Остапу Бендеру – персонажу известной дилогии. Данная статья освещает проблему найма жилых помещений в Москве и предупреждает собственников квартир, желающих сдать квартиру в аренду, о возможных неприятностях. Заголовок публикации представляет собой трансформированное высказывание Остапа Бендера *Может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?*, произнесенное им в романе «Двенадцать стульев» в ответ на приставания беспризорного мальчишки. Выражая в романе отношение Остапа Бендера к наглomu попрошайке, в статье данное высказывание наполняется более конкретным смыслом и вводит читателя в суть обсуждаемой проблемы.

В начале статьи заданная в заглавии связь с известным литературным сюжетом укрупняется и конкретизируется через использование прецедентного имени литературного героя и его известной фразы, произнесенной во второй части дилогии (романе «Золотой теленок»): *«Я чтu уголовный кодекс!»* – знаменитые слова незабвенного **Бендера** давно стали девизом мелких мошенников, способных доставить крупные неприятности, не нарушая УК РФ. На рынке недвижимости таких пруд пруди. Таким образом, задается аналогия, в основе которой лежит сопоставление современных мошенников, орудующих на рынке недвижимости, и Остапа Бендера, знавшего четыреста сравнительно честных способов отъема денег. Эта аналогия поддерживается и в следующем абзаце: *И если последователям сына турецкоподданного удастся снять квартиру и не платить за нее по три месяца, это еще полбеда. Особо талантливые умудряются еще и «кинуть» хозяина на деньги.*

Далее в статье следует описание одного из весьма распространенных способов «кинуть» хозяина на деньги (воспользоваться домашним телефоном и поговорить на большую сумму с заграничными родственниками) и информация о том, как подобных случаев можно избежать (обратиться к риэлторам

и заключить договор найма). Данная часть публикации имеет сугубо информационный характер, не предполагающий использование прецедентных знаков. Однако весьма часто практикуемая установка «Комсомольской правды» «поучая, развлекать» обуславливает концовку статьи: *Фактически этот документ [договор найма] гарантирует, что владелец жилья не останется в дураках, даже если квартирант – сам Остап Сулейман Ибрагим Берта Мария Бендер-бей.*

Таким образом, заданная в заглавии и начале статьи литературная аналогия в середине статьи нивелируется, но возобновляется в конце публикации. Подобный способ расположения прецедентных феноменов (соотносимый Н. М. Чудаковой с понятием песочных часов [Чудакова 2005]), апеллирующих к одному художественному произведению (или, как в приведенном примере, нескольким, но связанных одним автором и сквозным персонажем), является для дискурса СМИ наиболее характерным.

В статье, Л. Радзиховского «Ревизор», название которой отсылает читателя к уже не раз упоминаемой в данной работе комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», подавляющее большинство использованных прецедентных феноменов апеллирует к названной пьесе, однако их наибольшая часть, в отличие от предыдущего случая, сосредоточена в середине публикации. В данной статье политолог Л. Радзиховский анализирует, как он сам пишет, *один очень важный психологический феномен*, о сути которого он сначала загадочно умалчивает и на размышление о котором его подвиг саммит нескольких глав государств, проходивший в Санкт-Петербурге летом 2006 года. В начале статьи автор обращается к *внешней картинке* – процессу подготовки северной столицы к приезду важных гостей – и приходит к выводу, что *приезд уникальной концентрации Важных Господ не превратился в катастрофу для города.* Данный факт, по мнению политолога, является следствием прогресса, произошедшего в сознании российских граждан, благодаря тому, что Россия стала более открытой страной. Однако эта открытость в большей степени остается лишь видимостью, подтверждением чему служит повышенное возбуждение политической оппозиции по поводу приезда важных гостей. *Психологический ПОДТЕКСТ* возникшей политической и общественной нервозности более всего

и интересуется автора публикации. Л. Радзиховский называет его желанием «пожаловаться» *Большому Господину*, которое напоминает *одну гениальную пьесу, сочиненную 171 год назад, в 1835 году*. Далее журналист цитирует довольно значительный по объему фрагмент комедии Гоголя, где к мнимому ревизору рвутся жители города N, и приходит к выводу, что, несмотря на **неправомерность** некоторых напрашивающихся аналогий (Буш – Хлестаков, нынешние власти – городничие и держиморды, правозащитники и оппозиционеры – «унтердемократы»), которые ошибочно могут возникнуть у читателя, *один общий психологический феномен все-таки, увы, невозможно не видеть. «К нам едет ревизор»*.

В заключительной части публикации автор рассуждает о российском «низкопоклонстве перед западом» и об условиях, необходимых для избавления от подобных «вредных привычек». И главным фактором, по его мнению, должно оказаться *построение того самого гражданского общества (ГО) внутри страны. Если есть ГО, то нет ни потребности кому-то «жаловаться», ни необходимости «отгонять» жалобщиков*.

Таким образом, заданная в заглавии аналогия с известным литературным сюжетом, служащая средством критического осмысления российского «политического менталитета», активно разворачивается только в середине публикации, функционируя в концовке статьи лишь намеком. Подобное расположение прецедентных единиц, по аналогии с метафорическим осмыслением понятий цилиндра и песочных часов, предложенных Н. М. Чудаковой [Чудакова 2005], можно соотнести с понятием ромба.

Итак, в данной части работы был представлен анализ текстов, в формировании которых участвуют литературные прецедентные феномены. Мы выделили два возможных способа взаимодействия исследуемых единиц: 1) взаимодействие между прецедентными феноменами с различными сферами-источниками; 2) взаимодействие между литературными прецедентными феноменами, являющимися в тексте доминирующими. При этом во втором случае прецедентные феномены, будучи соотнесенными с одной сферой – сферой «Литература», могут восходить либо к различным областям-источникам, т. е. именам и произведениям разных авторов, либо к одной об-

ласти-источнику, т. е. к тексту (текстам) одного автора. В последнем случае наблюдается наиболее тесная связь между литературными прецедентными феноменами, направленными на формирование у читателя определенного (чаще всего критического) отношения к предмету речи. В составе подобных текстов были выделены также способы сохранения, сужения или расширения метафорического смысла, которые можно соотнести с понятиями «цилиндра», «песочных часов» или «ромба».

4.2. Особенности читательского восприятия литературных прецедентных феноменов, функционирующих в СМИ

Будучи когнитивным процессом, т. е. осуществляя отражение мышления средствами конкретного языка с учетом экстралингвистической реальности, дискурс включает в себя не только особенности представления и подачи информации, но и особенности ее восприятия [Менджеричкая 1999: 52].

Современная психология восприятия отличается разнообразием подходов, методов и частных концепций, имеющих задачей упорядочить непрерывно расширяющийся поток эмпирических данных. Как показывает В. А. Барабанщиков, известны десятки определений восприятия, которое рассматривается как функция анализаторов, как процесс и результат построения образов, как особая способность и как разновидность деятельности, как непосредственное впечатление и как переработка информации и др. [Барабанщиков 1989]. За этой множественностью скрываются два важнейших обстоятельства: во-первых, многомерность данного класса психических явлений и, во-вторых, отсутствие единой, общепринятой теории восприятия. И то и другое во многом обусловлено разнообразием объектов восприятия, попадающих в область внимания исследователей. Особое место среди данных объектов занимает *речь*.

Когнитивно-культурологическая направленность современной лингвистики обуславливает особый интерес к закономерностям восприятия исследуемых нами вербальных единиц – прецедентных феноменов, ибо они явля-

ются вербальными ментефактами, способными, с одной стороны, служить средством комплексной когнитивной обработки действительности, а с другой – отражать ценностные ориентации соответствующей лингвокультуры.

Способом изучения особенностей восприятия указанных единиц послужило проведение психолингвистического эксперимента с последующей обработкой полученных данных (октябрь 2006 г.). Его участниками стали 80 студентов первых и третьих курсов, обучающихся по нефилологическим педагогическим и непдагогическим специальностям в Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии («Химия и биология», «Математика и информатика», «История», «Реклама»). Выбор данной группы информантов обусловлен, с одной стороны, отсутствием у ее членов специальной филологической подготовки, а с другой – предположительно высокой степенью общекультурной и речевой компетентности в связи с имеющимся статусом студента высшего учебного заведения. Материалом для составления анкеты явились выдержки из современных газетных и журнальных публикаций, в большинстве своем содержащие литературные прецедентные феномены (образец анкеты см. в Приложении 2).

Известно, что восприятие речи является сложным и многомерным психическим процессом, в общем протекающим по тем же закономерностям, что и любой другой вид восприятия. Оно представляет собой рецепцию слышимых или зрительно воспринимаемых элементов языка, установление их взаимосвязи и формирование представления об их значении. При этом в деятельности речевосприятия можно выделить две ступени. Первая связана с собственно восприятием (опознанием), вторая – с пониманием речевого высказывания (его интерпретацией). Понимание определяется как расшифровка общего смысла, который стоит за непосредственно воспринимаемым речевым потоком, как процесс превращения фактического содержания воспринимаемой речи в стоящий за ней смысл [Глухов 2005]. Под интерпретацией в данном случае имеется в виду вербализованная форма понимания. Специфика данного эксперимента обуславливает существенную схожесть понятий

понимания и интерпретации, ибо судить о наличии / отсутствии понимания реципиентом смысла того или иного прецедентного феномена можно только на основании имеющейся интерпретации.

В связи с этим предложенные информантам задания состояли из нескольких блоков. В первом блоке необходимо было в текстовых фрагментах найти в большинстве своем немаркированные цитаты из художественных текстов или описательные ссылки на них, а также указать автора и название произведения, послужившего источником данных единиц. Данный блок состоял из двенадцати текстовых фрагментов, десять из которых содержали прецедентные феномены с источником из отечественной или зарубежной литературы, а два были «пустыми», т. е. не имеющими в своем составе интересующих нас единиц. Введение в анкету данных «пустых» текстов было обусловлено стремлением приблизить искусственно созданную ситуацию чтения газетных материалов к аналогичной естественной ситуации (не во всех газетных публикациях используются прецедентные феномены) и тем самым избежать так называемого «парадокса наблюдателя» [Гришаева 2004, Макаров 2001]. Последний в данном случае связан с тем, что, имея установку на поиск определенных вербальных единиц в предложенных текстах, информант будет стремиться в каждом из них непременно найти искомое, а возможно, и не найти, а угадать. Сведения же о том, что не во всех фрагментах есть интересующие нас выражения, делает, на наш взгляд, поиск более естественным и непринужденным. Участникам эксперимента предлагалось также оценить уместность / неуместность использования в данных контекстах найденных выражений и из всего текстового массива выписать отдельно выражения, смысл которых им не совсем ясен (из-за несоответствия, по их мнению, окружающему контексту или в силу незнания данного выражения).

Во втором блоке заданий информантам было предложено десять трансформированных журналистами прецедентных высказываний с просьбой восстановить их первоначальную форму, т. к. при восприятии подобного выражения первоначальным этапом является сопоставление его с «канониче-

ским», исходным. Участникам эксперимента следовало также предположить, каким проблемам были посвящены статьи, из которых извлечены данные выражения.

В третьем блоке было представлено шесть текстовых фрагментов с использованием литературных прецедентных имен (они были графически выделены). Информантам следовало объяснить, какую смысловую нагрузку, по их мнению, имеют выделенные прецедентные имена, почему именно данные имена автор-журналист включил в текст. Таким образом, первые два блока заданий были направлены преимущественно на изучение способности узнавать литературные прецедентные феномены (видеть их в тексте, устанавливать источник, восстанавливать первоначальную форму) и отчасти – на умение интерпретировать языковой материал. Третий блок имел целью обнаружить специфику понимания литературных прецедентов с учетом их контекстного окружения. Подобное разделение является несколько условным, т. к. «мыслительная работа охватывает восприятие со всех сторон: предваряя его, в него включаясь и над ним надстраиваясь» [Рубинштейн 1989: 87].

Согласно положениям современной теории восприятия, наиболее простой формой осмысливания предметов и явлений является узнавание. Здесь восприятие тесно связано с памятью. Узнать предмет – значит воспринять его в соответствии с ранее сформированным образом. Узнавание может быть обобщенным, когда объект относится к какой-либо общей категории, и дифференцированным (специфическим), когда воспринимаемый объект отождествляется с ранее воспринимавшимся единичным объектом. Как показали результаты проведенного эксперимента, в отношении литературных прецедентных феноменов процесс узнавания зачастую ограничивается лишь обобщенным уровнем и не переходит на уровень дифференцированный. Другими словами, информанты способны увидеть в текстовом массиве немаркированные цитаты и описательные ссылки на литературные произведения, но затрудняются с их паспортизацией (указанием источника). Так, например, студенты заметили интертекстуальный характер выражений *шагреновая ко-*

жа (47,5 %), как феи на дне рождения спящей красавицы (90 %), сапоги всмятку (25 %), владелец заводов, газет, пароходов (85 %), нет повести печальнее на свете (94 %), квартирный вопрос (59 %), ветряные мельницы (62 %), овсянка, сэр (77,5 %), но лишь некоторые указали автора и название произведения. По каждому из данных выражений количество ответов, содержащих информацию об источнике заимствования, не превысило 40 % (за исключением *нет повести печальнее на свете* (79 %)). Паспортизация данных единиц чаще всего ограничивалась указанием на отечественный или зарубежный характер прототекста и / или его жанровый признак (повесть, сказка, стихотворение). Практически все информанты выписали с указанием авторства литературные цитаты *умом Россию не понять* (95 %), *гражданином быть обязан* (92,5 %). Однако в отношении этих выражений мы столкнулись с феноменом ложнодифференцированного узнавания. Так, например, в качестве автора известной цитаты из стихотворения Тютчева назывались Некрасов (27,5 %), Тургенев (21 %), Пушкин (11,8 %), а вместо Некрасова чаще всего фигурировало имя Маяковского (30 %). Интересно, что в некоторых ответах содержались даже стихотворные продолжения данных цитат, но высокая степень знакомства с поэтическим текстом не обеспечила точности определения его автора. Подобный высокий процент ложной дифференциации данных цитат связан, как это ни парадоксально, с их широкой употребительностью, с тем, что они известны еще со школьных уроков литературы и сейчас активно используются в различных СМИ. Это обуславливает восприятие подобных выражений в качестве клише, штампов. При попытке все-таки вспомнить источник информанты начинают играть в «угадай-ку», перебирая авторов из школьной программы. Думается, что ситуация, когда информант просто заявляет, что он «не знает», «не помнит», «забыл» источник, является менее настораживающей, чем когда он пытается его угадать, ибо в последнем случае перемешанными оказываются не только авторы, принадлежащие к одной эпохе (Некрасов и Тургенев), но и те, творчество которых относится к различным историко-культурным периодам (Некрасов и Маяковский).

Большинство информантов на вопрос об уместности и целесообразности использования прецедентных феноменов в газетных текстах ответили утвердительно, отметив, что подобные словоупотребления «как нельзя лучше характеризуют суть дальнейшего разговора», «служат своего рода иллюстрацией», «противопоставлением», «придают тексту ироническую окраску». Необходимо в связи с этим заметить, что в большинстве текстов, предложенных студентам в первом блоке заданий, прецедентные феномены использовались в качестве афоризмов, смысл которых достаточно «прозрачен», он лежит на поверхности, и для его формирования не требуются богатые ассоциативные связи с текстом-источником: *У меня вызывает удивление, когда я вижу, как представляют себя некоторые «народные избранники». Владелец заводов, газет, пароходов, член совета директоров, известный предприниматель и где-то, скажем, последней строчкой – депутат Госдумы местного собрания. Это прямое и циничное нарушение закона о статусе депутата* (С. Миронов // Труд, 2006, № 110). Несколько иная картина наблюдается, когда литературный прецедентный феномен употребляется в газетно-публицистическом тексте семиотически и по своим функциональным особенностям приближается к фразеологизму: *Но униженная перед всей страной врач из злосчастного родильного дома – почему же она промолчала об истинной природе этой внутрибольничной инфекции, о том, что существующая система санитарно-эпидемиологического режима в роддомах – что **борьба с ветряными мельницами**? Почему не назвала десятки других похожих случаев?* (Dr. pipetkin // Новая газета-ежемес. обзор., 2006, февраль); *Если говорят, что уровень попсы ниже плинтуса, надо начинать разбирать паркет и долбить цемент. В песнях происходит деградация лексики, исчезает утонченный интонационный язык. Мелодия не нужна. Вот и остается в песне всего несколько слов и интонаций. Она **как шагреновая кожа**, в которой прекрасно чувствуют себя наши попсовые исполнители* (В. Дашкевич // Новая газета-ежемес. обзор., 2006, февраль). В отношении данных текстов замечания по поводу уместности интересующих нас словоупотреблений не были столь однозначными: «кажется, здесь нет связи: роддом и ветряная мельница?», «по-моему, по смыслу выражение не подходит, главный герой неуютно чувствовал себя в шагреновой коже, а в статье – наоборот». Подобные ответы обусловлены тем, что выражения типа *бороться с ветряными мельницами*, как в *шагреновой коже*, с

одной стороны, оторвались от своих текстов-источников и стали довольно часто употребительными, крылатыми, а с другой стороны – экспликация их смысловой нагрузки требует соположения с текстом-источником. И если в отношении «Дон Кихота» Сервантеса паспортизация составила 35 %, что свидетельствует о возможности установления информантами ассоциативных векторов, то «Шагреновую кожу» О. де Бальзака знали лишь единицы. В некоторых случаях информанты, стараясь объяснить, почему то или иное выражение кажется им соответствующим стилю и смыслу текста, давали ответы, свидетельствующие о не совсем адекватном понимании смысла прецедентного феномена, о его коммуникативно-прагматическом сокращении, «урезании». Так, например, в тексте *Большинство приглашенных депутатов ГД и сенаторов не приехали. Администрация президента вместо обещанных Суркова и Медведева прислала безымянных «представителей». Соседи по Поволжью отделались телеграммами. Зато прибывшие «поздравители» вели себя, как феи на дне рождения спящей красавицы. Каждый старался подарить нечто особенное* [об инаугурации губернатора Саратовской области П. Ипатова] (Н. Андреева // Новая газета, 2005, № 25) почти все эксплицировали аллюзию на известную с детства сказку, однако далеко не все отметили ее ироническое и даже саркастическое смысловое наполнение: «здесь имеется в виду, что за главным героем ухаживали, к нему хорошо относились, как в сказке к Спящей красавице».

Необходимо отметить, что ложное узнавание литературных прецедентных феноменов возможно не только на дифференцированном уровне, но и на обобщенном, ибо и в так называемых «пустых» текстах студенты довольно часто находили искомые вербальные единицы. В тексте *Народным артистом Чечни и Ингушетии неожиданно для себя вернулся Филипп [Киркоров] из Гудермеса... Певец вспоминает, что был концерт, он много пел, ему хлопали... А потом раз – и звание народного! Да, кстати: отмечали 30-летие Рамзана Кадырова. Но песни Филиппа нравятся не только имениннику, кто их только не поет – и в горах, и на равнине!* (О. Шапалов // КП, 2006, № 152-т/41) литературной цитатой, по мнению студентов, являлось выражение *и в горах, и на равнине* (38,8 %). Из текста *Но униженная перед всей страной врач из злосчастного родильного дома – почему же она промолчала об*

истинной природе этой внутрибольничной инфекции, о том, что существующая система санитарно-эпидемиологического режима в роддомах – что борьба с ветряными мельницами? Почему не назвала десятки других похожих случаев? (Dr. pipetkin // НГ-ежемес. обзор., 2006, февраль) выписывались *вакханалия погоны* (21, 25 %) и *торгующий смертью миллионер* (30 %). Это объясняется характерной для прецедентных феноменов эмоционально-оценочной нагруженностью, их коннотативной маркированностью, что обусловило отнесение в их разряд и других, сходных по функциональным возможностям, единиц. При этом информантов, очевидно, не смущало то, что они не могут установить источник, т. к. ни в одном ответе нам не встретилась попытка паспортизации данных выражений.

Анализ результатов по второму блоку заданий показал, что студенты не всегда способны дословно восстановить довольно известное выражение. Наличие различных вариантов (при имеющемся единственно верном) может быть обусловлено, как оказалось, несколькими причинами. Во-первых – степенью знакомства информанта с тем или иным выражением. Данная степень знакомства (исключая случаи верных ответов) может быть нулевой (информант вообще не дал ответа) и частичной (выражение известно, но информант не знает его дословно, о чем свидетельствует предложенный им вариант). Так, например, в качестве исходного варианта для трансформированного высказывания *Утром – острова, вечером – отношения* (С. Репов, А. Фуфырин // АиФ, 2004, № 47) предлагались выражения «Утром – стулья, вечером – деньги/чеки», (вместо правильного *Утром – деньги, вечером – стулья*); для цитаты *Пусть сильнее грянет баррель!* (С. Минаев // Коммерсант – власть, 2005, № 34) – «Пусть сильнее грянет гром / выстрел / песня» (вместо *Пусть сильнее грянет буря*). Подобные частично верные ответы обусловлены семантической пропозицией и лексическим содержанием исходного и трансформированного выражений. Имея в качестве стимула переименованное выражение и не зная дословно первоначальное, информант ориентируется прежде всего на предложенную модель и ее лексическое наполнение. И если в ней реализуется какая-то определенная смысловая последовательность (*сначала – товар, а по-*

том – плата) или есть лексические указатели на семантику замещенного слова (глагол *грянет*), то информант улавливает эти «сигналы» и в соответствии с ними выстраивает свое предположение. Иногда эти «сигналы» оказываются настолько сильными, что, даже не встречаясь ранее с тем или иным выражением, информант безошибочно его угадывает. Так, например, в некоторых ответах в связи с восстановлением трансформированной цитаты *Как хорошо уметь считать* (Е. Надрова // РГ., 2005, № 146) студенты писали: «не знаю, «Как хорошо уметь читать», наверное».

Данные нашего исследования подтверждают выводы, сформулированные О. П. Семенец относительно зависимости возникающих у информантов ассоциаций от характера трансформаций: чем большему количеству трансформаций (лексических, структурных, грамматических) одновременно подвергается цитата, тем прозрачнее она становится для потенциального читателя [Семенец 2004]. Так, например, выражение «*Собственник*» звучит гордо. И выгодно (И. Невинная // РГ, 2005, № 158) формирует ассоциативное поле преимущественно вокруг введенных журналистом лексем *собственник* и *выгодно*: «о частной собственности», «о приватизации», «о сдаче в съём квартир», «о том, что выгодно сейчас квартиру купить, а потом продать, т. к. цены на них растут» и др.. Не будучи идентичными, данные интерпретации оказываются тематически весьма близкими, они совпадают с поднятыми в статье проблемами. Исключения составили единичные ответы тех информантов, которые акцентировали внимание на графическом оформлении слова *собственник* (в кавычках): «о выходе нового журнала, который дешевле, чем другие подобные». Иная ситуация наблюдается в отношении прецедентных высказываний, где произведенные журналистом замены не столь очевидны и не формируют необходимого ассоциативного поля. Например, в цитате *Много шума или ничего?* (А. Ерастов // Труд-7, 2005, № 118) произошла замена предлога *из* на союз *или*, что изменило синтаксическую структуру предложения, но не способствовало формированию какого-то определенного смысла. В связи с этим предложенные студентами интерпретации были весьма разнообразны: «про

депутатов», «про реформы», «про какой-нибудь громкий скандал», «про телевидение», «про разговоры о конце света». В то время как статья была посвящена знаменитой российской теннисистке Марии Шараповой. Тематически различные интерпретации были предложены также по поводу синтаксически трансформированного высказывания *Но если маразмы плодятся вопреки здравому смыслу, значит, это кому-нибудь нужно* (А. Ягодкин // НГ, 2005, № 30): «о скандале среди депутатов, например, с Жириновским», «о бессмысленном предписании на предприятии (всем бросить курить)», «об абсурдности нашей жизни», «о бюрократах». Только последний вариант коррелирует с тематикой статьи. Таким образом, чем конкретнее семантика вводимых авторами статей слов (ср., например, *собственник*, *выгодно* и *маразмы*), тем однороднее, ближе к оригиналу интерпретации читателей.

Имеющиеся у информантов ассоциации с художественным текстом, послуживших источником того или иного прецедентного высказывания, также влияют как на характер восприятия самого высказывания, так и на характер интерпретации содержания публикации. Например, для большинства участников эксперимента оказалась прозрачной связь трансформированной цитаты *Про рок: и виждь, и внемли* (П. Костенко // НГ, 2005, № 27) со стихотворением Пушкина «Пророк», ибо оно изучается в курсе школьной программы и часто предлагается для заучивания наизусть. Это устранило возможные затруднения при восприятии устаревших слов и определило направление возникающих у информантов ассоциаций. Последние развивались по двум основным векторам: метатекстовому (актуализировалась имеющаяся в тексте статьи сегментация слова *пророк*) и прототекстовому (сегментация учитывалась, но значение слова воспринималось в соответствии с пушкинским текстом). В первом случае информанты писали, что речь идет «о музыкальном направлении, в котором важна не только сама музыка, но и зрелищность», во втором – «о чьей-нибудь жизни, судьбе, которой можно восхищаться», «о трагическом случае из жизни, знание которого предостережет других от похожих ошибок».

Ответы по третьему блоку заданий также демонстрировали разнообразие возникающих у информантов ассоциаций. Характер восприятия прецедентного имени был обусловлен спецификой его когнитивной структуры. Как мы уже отмечали, в когнитивной структуре прецедентного феномена выделяются дифференциальные признаки, атрибуты и оценка. Актуализация в тексте дифференциального признака может быть имплицитной (без его прямой номинации) или эксплицитной. Наибольший интерес с точки зрения изучения особенностей читательского восприятия представляют случаи имплицитной актуализации, когда читателю необходимо самостоятельно выделить наиболее важный для данного контекста признак, чтобы определить интенции автора. Данное выделение является, с одной стороны, показателем интерпретативных способностей реципиента, а с другой – свидетельствует о месте прецедентного имени в когнитивном пространстве читателей, о его ядерном или периферийном положении. В случае ядерного расположения прецедентного имени большинство информантов предложили вполне соответствующие контексту интерпретации. Так, например, в тексте *Русскую литературу учат вместе со всей международной, так что дедушке Толстому достается всего два часа* [о школьном образовании на Украине] (А. Ульянова // АиФ, 2004, №46) студенты выделяли такой признак, как «сложные, объемные и потому требующие времени для изучения произведения», а в тексте *Многие на Западе не знают о том, что «наше все» - это Пушкин... А вот нашего Калашникова знают все, даже аборигены в банановых республиках* (О. Сереброва // АиФ, 2004, № 45) – «важный и в связи с этим довольно известный». Если же прецедентное имя не было окружено необходимым количеством фоновых знаний, то определение его смысловой нагрузки вызывало значительные трудности. В этом случае информанты либо вовсе не давали ответов (подавляющему большинству оказалось не знакомо имя английского писателя-антиутописта Дж. Оруэлла), или их ответы отличались разнообразием предложенных интерпретаций. Так, например, в тексте *Россия – не родина братьев Гримм, здесь прав всегда тот, кто ожидает худшего исхода в любом деле* (М. Глобачев // НВ, 2005, № 1 – 2) актуализированными дифференциаль-

ными признаками имени *братья Гримм* являются *Германия* и *авторы сказок*, ибо Германия в сознании россиян ассоциируется со стабильностью, а сказка – со счастливым концом. Для России, по мнению автора статьи, эти признаки не актуальны. Если второй признак входил в пространство имеющих у студентов фоновых знаний, то первый, как оказалось, нет. Это обусловило такие неполные или вовсе не адекватные контексту ответы, как «в сказках всегда все заканчивается хорошо, а в России – нет», «это известные зарубежные писатели, они писали сказки, которые в России очень известны, поэтому их можно считать русскими». В отдельном случае интерпретация вообще получила весьма неожиданный характер – имя *братья Гримм* вызвало у информанта ассоциации с популярной в России музыкальной группой: «Гримм – это попса, а Россия, хоть и не является ее родиной, вся наполнена ею».

Несмотря на ядерное положение в когнитивном пространстве, прецедентное имя может иметь различные варианты интерпретаций, если оно употреблено коннотативно и за ним стоит комплекс возможных ассоциаций. Так, например, в тексте *Мария Шарапова. Кричащая Золушка* (Р. Бекназар-Юзбашев // НВ, 2004, № 52) предложенные информантами ответы имели различные ассоциативные векторы. В одних случаях в качестве основания для интерпретации выступали дифференциальные признаки имени *Золушка*: «Золушка – это красивая, миниатюрная девушка. Мария Шарапова такая же, но она кричит о своих успехах», «у Шараповой внешность Золушки, но она громко кричит во время матчей». Очевидно, что подобная вариативность была обусловлена многозначностью глагола *кричать*, т. е. метатекстом. В других случаях актуализировался атрибут этого имени – связь с прецедентной ситуацией: «девушка из российской глубинки стала звездой мирового масштаба благодаря своему трудолюбию», «Шараповой, как и Золушке, повезло». Последние варианты явились следствием различной интерпретации литературной прецедентной ситуации, т. е. прототекстом.

Вариативность интерпретаций литературного прецедентного имени связана также с разнородностью окружающих его оценок. Так, например, в тексте *По прежним местам службы его* [М. Фрадкова, председателя правительства РФ] характеризуют как *осмотрительного человека, тщательно выверяющего свои слова и решения, корректного и скорее приятного, чем жесткого. Что-то вроде Павла Ивановича Чичикова без криминальных наклонностей* (Ю. Александров // Новое время, 2004, № 52) многие информанты считали имеющуюся оценочность исключительно положительной: «значит, Фрадков весьма умный чиновник», «такой же, как литературный герой, жесткий, но приятный», «педантичный и точный». Конечно, ответы типа «Фрадков, как и Чичиков, непонятный, скрытный, но внешне милый» тоже встречались, однако их было меньше (45 % и 55 % соответственно). Изменение оценочной характеристики образа литературного героя (вопреки имеющемуся официальному и традиционному варианту) свидетельствуют о динамике базовых компонентов когнитивного пространства носителей русского языка, обусловленной идеологией современного общества.

Таким образом, в процессе восприятия литературных прецедентных феноменов происходит узнавание, эффективность которого (при отсутствии маркеров «чужой» речи) обусловлена прежде всего фоновыми знаниями адресата, и интерпретация, базирующаяся как на наличии указанных знаний, так и на характере функционирования литературного прецедентного феномена в метатексте и / или прототексте.

Выводы по четвертой главе

1. Литературные прецедентные феномены способны выступать в качестве вербальных единиц, организующих газетно-публицистических текст, т. е. обеспечивающих его смысловую и коммуникативно-прагматическую цельность. При этом выделяется две основные группы текстов. К первой группе относятся такие, в формировании смысла которых участвуют прецедентные феномены как со сферой-источником «Литература», так и с источниками из других областей культурного знания. В этом случае осуществляется много-

аспектная характеристика описываемых общественно-политических событий, включенных автором-журналистом в широкий историко-культурный контекст. Ко второй группе относятся тексты, в которых литературные прецедентные феномены являются доминантными, т. е. такими, на которых основывается структурно-смысловая цельность текста, а также его эстетическая и прагматическая значимость. При этом прецедентные феномены генетически могут восходить к различным областям-источникам, т. е. именам и творчеству различных писателей, или к одной области-источнику, т. е. связываться с именем (личностью) и творчеством (одним или несколькими произведениями) одного автора. В последнем случае между литературными прецедентными феноменами наблюдается наиболее тесная связь, ибо они апеллируют к именам героев и сюжету одного литературного произведения или нескольких, но связанных одним автором (или даже сквозным героем) и поднятой проблематикой. Это обеспечивает общий эмоционально-оценочный фон газетной публикации и направляет интерпретативную деятельность читателя в соответствии с коннотациями прецедентного художественного текста.

2. Литературные прецедентные феномены могут быть организованы внутри газетно-публицистического текста различными способами, которые условно соотносятся с представлениями о форме цилиндра, песочных часов и ромба. При «цилиндрической» организации прецедентные феномены равномерно расположены по всему тексту, и создаваемые с их помощью яркие образные проекции образуют развернутую метафорическую систему, обуславливающую эмоциональность и оценочность в описании современных событий и ситуаций. По принципу «песочных часов» литературные прецедентные феномены оказываются организованными в том случае, когда заявленная в начале статьи литературная аналогия, призванная привлечь внимание читателя к публикации, в середине статьи нивелируется, уступая место прямой, семиотически не нагруженной информации, однако в конце статьи данная аналогия возобновляется, тем самым обеспечивая смысловую и композиционную цельность газетно-публицистического текста. При расположении лите-

ратурных прецедентных феноменов по аналогии с формой ромба имеющаяся в заголовке аллюзивная отсылка к художественному тексту активно разворачивается только в середине публикации, функционируя в концовке статьи лишь намеком.

3. В процессе восприятия литературных прецедентных феноменов, используемых в газетно-публицистическом тексте, релевантными оказываются две группы факторов. Первая группа связана с сознанием воспринимающего субъекта: степенью знакомства с тем или иным прецедентным феноменом, наличием / отсутствием фоновых литературных знаний. Вторая – со спецификой самого прецедентного знака и характером его употребления: связью (или ее отсутствием) с текстом-источником, особенностью произведенных трансформаций, лексическим окружением. При этом в процессе узнавания прецедентного феномена, выделении его из текстового массива актуализируется прежде всего память читателя, его литературная компетентность, при понимании (интерпретации) существенное значение приобретают и текстовые факторы.

Заключение

Основой настоящего диссертационного исследования функционирования прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ послужила возникшая в отечественной лингвистике конца XX века и активно развиваемая теория прецедентности, постулирующая наличие в когнитивном пространстве представителей определенного лингвокультурного сообщества прецедентных текстов, широко известных и служащих средством комплексной когнитивной обработки реальной или виртуальной действительности. Данная теория формировалась на пересечении когнитивной лингвистики (изучающей языковые факты в аспекте получения, обработки и хранения информации) и лингвокультурологии (изучающей язык как тезаурус нацимональной культуры и проявление культурного своеобразия нации).

Стремление уточнить специфику использования разнообразных прецедентных текстов в различных видах и формах коммуникации, а также разработать методологическую базу их комплексного анализа обусловило введение в теорию и практику лингвистических исследований термина *прецедентные феномены* в качестве родового по отношению к *прецедентному имени, прецедентному высказыванию, прецедентной ситуации и прецедентному тексту*, понимаемому традиционно, т. е. как вербальное построение, при этом служащее источником других видов прецедентных феноменов.

Повышенный интерес к данной проблеме обусловлен также спецификой современной коммуникации, свойственными ей процессами глобализации и интеграции различных видов и способов взаимодействия и, как следствие, переосмыслением феномена интертекстуальных связей, изначально изучаемых в рамках художественного творчества. Но интертекстуальность является объективной характеристикой текста, имеющей эксплицитный характер в самом тексте (при наличии маркеров «чужой» речи) или же устанавливаемой посредством специального анализа. Прецедентность же обладает субъективным характером, ибо предполагает не наличие как такового вербального зна-

ка или их некоторой совокупности в созданных ранее текстах, а знакомство с ними адресата сообщения. Однако в условиях массово-информационного дискурса в силу массовости и неоднородности его адресата данные категории оказываются весьма близкими, и прецедентные феномены выступают в качестве материализованных знаков интертекстуальности, тезаурусных форм ее существования.

«Страсть к цитированию», так называемый «цитатный бум», возникший на рубеже XX – XXI веков, отражает мироощущение современного человека, отягощенного огромным культурным наследием, доступность к которому существенно возросла благодаря развитию средств массовой информации и распространению массовой культуры. Количество и разнообразие цитируемых источников неизменно растет, увеличивая тем самым число актуальных сфер культурного знания и корпус прецедентных текстов периодики. В связи с научно-техническим прогрессом и визуализацией современной культуры пополнение происходит преимущественно за счет текстов кинотекстов и текстов рекламы. Однако свойственная русской культуре литературоцентричность обуславливает значительный удельный вес текстов художественной литературы в качестве источников прецедентности, значимых для формирования массово-информационного дискурса и обеспечивающих персонализацию институционального типа коммуникации с помощью различных апелляций к литературной сфере.

Проведенное исследование позволило выявить три основных способа вербальной апелляции к сфере-источнику «Литература» в печатном дискурсе СМИ: использование литературного прецедентного высказывания (названия художественного произведения или цитаты из него), использование реального или вымышленного литературного прецедентного имени (имени автора или героя художественного произведения), описательная отсылка к художественному тексту (описание характерной для определенного художественного текста и легко узнаваемой читателем ситуации без использования имен героев произведения или цитат из него). При этом наиболее частотными ока-

зываются литературные прецедентные высказывания в силу их формально-структурной гибкости, позволяющей сочетать стандартность и экспрессивность в изложении материала.

Активное использование современными журналистами приемов языковой игры обуславливает значительное количество формально и / или когнитивно трансформированных литературных прецедентных высказываний, реже – имен и описательных отсылок. Игровая стихия современного массового информационного дискурса и ориентация на рекламную функцию газетного заголовка особенно ярко отражается в экспрессивно-стилистическом функционировании литературных прецедентных высказываний. Со стремлением подтвердить свое мнение ссылкой на авторитет и в то же время «украсить» газетный текст, сделать его более ярким связано аргументативно-афористическое использование литературных прецедентных высказываний. Семиотический характер функционирования обнаруживают литературные прецедентные высказывания, установление смысловой нагрузки которых предполагает соположение с героями и ситуациями текста-источника. Подобным семиотическим образом функционируют и описательные отсылки к литературным произведениям. Способность к метафоризации и выражению оценки, характерной для имен литературных героев, обуславливает их преимущественно коннотативный характер употребления и превалирование над использованием реальных прецедентных имен, выполняющих в большинстве случаев денотативную функцию.

Анализ областей-источников, формирующихся вербальными единицами, генетически восходящими к художественным произведениям или являющихся именами их авторов, показал, что для современного печатного дискурса СМИ наиболее актуальными оказываются классические тексты русской литературы, посредством которых образуется фонд общих и обязательных для представителей российской лингвокультуры знаний. При этом области-источники, связанные с творчеством писателей XIX века, количественно превосходят области-источники, формирующиеся фольклорными, древне-

русскими произведениями и произведениями, созданными в XX веке. Это объясняется, на наш взгляд, с одной стороны, более детальным знакомством современного русского человека именно с творчеством писателей XIX века, которое достаточно подробно изучается в курсе обязательной школьной программы, а с другой – со спецификой формирующих данные произведения тем, многие из которых остаются актуальными и по сей день. Возможно, меньшее количество обращений к литературе прошлого века отчасти связано с тем, что многие проблемы, поднятые советскими писателями, оказались невостребованными в условиях изменившихся социально-политических приоритетов и духовно-нравственных установок общества. С указанными изменениями связано и перемещение некогда культовых произведений на периферию поля прецедентности и употребление генетически восходящих к ним прецедентных феноменов в подавляющем большинстве автосемантически. Наблюдается также и десакрализация идеологически маркированных литературных прецедентных высказываний с целью создания комического эффекта.

Среди прецедентных феноменов, генетически восходящих к именам писателей и текстам зарубежной литературы, наиболее популярны такие, которые связаны с европейскими художественными текстами, отчасти представленными в школьной программе или знакомыми с раннего детства в силу их тематики.

Увеличению степени известности и активности функционирования в массово-информационном дискурсе тех или иных литературных прецедентных феноменов способствует их трансферный характер, связанный с наличием телевизионных экранизаций или театральных постановок текстов-источников.

Генетическая принадлежность литературных прецедентных феноменов к художественным произведениям, обладающим сюжетом и развернутой системой героев, а также имеющим культурно значимые коннотации, обуславливает способность данных единиц выступать в качестве организующего звена газетного текста, скрепляющего его структурно, семантически и ком-

муникативно-прагматически. При этом взаимодействие с другими видами прецедентных феноменов позволяет осуществить разноплановую, разностороннюю семиотически осложненную характеристику различных общественно-политических событий и ситуаций. В том случае, когда организующие газетный текст литературные прецедентные феномены восходят к одному художественному тексту или нескольким, но связанным общей проблематикой, автором или даже героями, наблюдается наиболее тесная связь между данными единицами. Это способствует восприятию газетного текста как смыслового, структурно-композиционного и эмоционально-оценочного единства, направляющего интерпретативную деятельность читателя в соответствии с коннотациями прецедентного художественного текста.

Анализ особенностей восприятия литературных прецедентных феноменов, функционирующих в дискурсе российских печатных СМИ, показал, что отечественные журналисты несколько идеализируют литературный багаж потенциального адресата, ибо последний далеко не всегда способен заметить литературную аллюзию или реминисценцию. Еще реже обнаруживается способность потенциальных читателей правильно и полно паспортизировать прецедентные феномены, выполняющие данные функции. Коммуникативный сбой может возникнуть даже в том случае, когда прецедентное имя употреблено денотативно, что существенно упрощает его восприятие, но имеющегося знания о нем у адресата недостаточно, чтобы эксплицировать смысл подобного употребления. Данные факторы, снижающие эффективность коммуникативного взаимодействия, являются субъективными, связанными с сознанием воспринимающего субъекта и имеющимися у него фоновыми знаниями. Они обуславливают характер восприятия прецедентных феноменов на этапе узнавания. Однако далее, в процессе интерпретации, существенное значение приобретают и текстовые факторы, имеющие объективный характер и связанные со спецификой самого прецедентного феномена и особенностями его употребления в газетном тексте.

Перспективы дальнейшего исследования прецедентных феноменов со

сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ могут быть связаны с решением проблем по следующим направлениям:

- сопоставительное исследование литературных прецедентных феноменов, использующихся в различных по политической окраске или по «качеству» периодических изданиях;

- исследование литературных прецедентных феноменов в дискурсе отдельных журналистов или политических деятелей;

- детальное исследование областей-источников или художественных текстов, апелляции к которым в дискурсе СМИ наиболее частотны и разнообразны;

- выявление динамических изменений в корпусе источников литературных прецедентных феноменов, использующихся в дискурсе СМИ;

- установление особенностей восприятия литературных прецедентных феноменов с учетом возрастных, профессиональных, идеологических характеристик адресата.

Дальнейшее развитие когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, а также расширение и уточнение положений теории прецедентных феноменов и интертекстуальности позволит уточнить и развить некоторые положения, высказанные в данной работе.

Список использованной литературы

1. Александрова, О. В. Когнитивно-прагматические особенности построения дискурса в средствах массовой информации / О. В. Александрова // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: сб. научных тр. / под ред. Л. А. Манерко. – Рязань : Ряз. гос. пед. ун-т, 2002. – С. 80 – 94.
2. Алексеенко, М. А. Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности / М. А. Алексеенко // Массовая культура на рубеже XX – XXI веков : Человек и его дискурс. Сборник научных трудов. – М. : «Азбуковник», 2003. – С. 221 – 233.
3. Ананьина, М. А. Роль прецедентных имен в организации семантического пространства художественного текста / М. А. Ананьина // Актуальные проблемы лингвистики : Уральские лингвистические чтения – 2006 : материалы ежегодной научной конференции, Екатеринбург, 1–2 февраля 2006 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2006. – С. 14.
4. Аникина, Э. М. Лингвокультурная специфика реализации интертекстуальности в дискурсе СМИ (на материале англо-американской прессы) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э. М. Аникина. – Уфа, 2004. – 23 с.
5. Анненкова, И. В. Язык современных СМИ в контексте русской культуры / И. В. Анненкова // Русская речь. – 2006. – № 1. – С. 69 – 78.
6. Арнольд, В. И. Стилистика. Современный английский язык. – М., 2002. – 384 с.
7. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме «языковой картины мира») / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – №3. – С. 3 – 19.
8. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // БЭС. Языкознание / гл. ред. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 136 – 137.
9. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988.
10. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР, Серия литературы и языка. – 1981. – № 4. – С. 356 – 367.
11. Ахманова, О. С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 49 – 52.

12. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. – 2-е изд. / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 496 с.
13. Банникова, С. В. Прецедентность как лингвокультурный феномен (на материале английских и русских текстов): Дис. ... канд. филол. наук / С. В. Банникова. – Тамбов, 2004. – 181 с.
14. Барабанщиков, В. А. Основные направления и тенденции развития психологии восприятия / В. А. Барабанщиков // Психология восприятия. Материалы советско-норвежского симпозиума – М. : Наука, 1989. – С. 5 – 14.
15. Баранов, А. Н. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Известия АН. Серия литературы и языка. – Т. 56. – 1997. – С. 11 – 19.
16. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
17. Батурина, Л. А. Семантико-стилистический анализ ономастических единиц в газетно-публицистическом тексте (на материале прессы конца XX – начала XXI века): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Батурина. – Волгоград, 2004. – 25 с.
18. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М. : Художественная литература, 1986а. – С. 428 – 472.
19. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М. : Художественная литература, 1986б. – С. 473 – 512.
20. Безруков, А. Н. Поэтика интертекстуальности в творчестве В. Ерофеева: поэма «Москва – Петушки»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Н. Безруков. – Бирск, 2005. – 25 с.
21. Бейн, Дж. «Политический Франкенштейн» или «финансовый Гаргантюа»? метафоры персонификации при освещении расширения евросоюза в новостях Австралии / Дж. Бейн, К. Статс, Н. Чабан // Политическая лингвистика. Вып. 20 / гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2006. – С. 43 – 66.

22. Бирюкова, Н. С. Восприятие студентами прецедентных феноменов, используемых в современной массовой коммуникации: дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Бирюкова. – Екатеринбург, 2005. – 196 с.
23. Бисималиева, М. К. О понятиях «текст» и «дискурс» / М. К. Бисималиева // Филологические науки. – 1999. – № 2. – С. 78 – 85.
24. Богданов, В. В. Текст и текстовое сообщение / В. В. Богданов. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. – 67 с.
25. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – Волгоград, 1997.
26. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по англ. филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – Изд. 2-е, стер. – 123 с.
27. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М., 2002. – 736 с.
28. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 280 с.
29. Волков, А. А. Филология и риторика массовой информации / А. А. Волков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – С. 50 – 65.
30. Володина, М. Н. Язык СМИ – особый язык социального взаимодействия / М. Н. Володина // Язык средств массовой информации: Учебное пособие по специализации. – В 2-х ч. – Часть 2. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004а. – С. 11 – 39.
31. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Изд. 3-е, стер. – М. : КомКнига, 2006. – 280 с.
32. Ворожцова, О. А. Прецедентное высказывание как тип прецедентных феноменов / О. А. Ворожцова // Актуальные проблемы лингвистики : Уральские лингвистические чтения – 2006 : материалы ежегодной научной конференции, Екатеринбург, 1–2 февраля 2006 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2006. – С. 38 – 39.
33. Ворожцова, О. А. Прецедентные феномены в президентских избирательных кампаниях в России и США 2004 года / О. А. Ворожцова // Современное образовательное пространство: проблемы и перспективы : материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 27 – 29 марта 2007 г. / ГОУ ВПО «Урал. гос. пед.

ун-т». – Екатеринбург : ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Уральское издательство, 2007. – С. 265 – 267.

34. Воронцова, Ю. А. Реминисценции в текстах современных средства массовой информации: дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Воронцова. – Белгород, 2004. – 177 с.

35. Воскресенская, Е. Г. Интертекстуальные включения в произведениях И. Во: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Г. Воскресенская. – Барнаул, 2004. – 18 с.

36. Выготский, Л. Г. Психология искусства / Л. Г. Выготский. – М. : Педагогика, 1987. – 344 с.

37. Герцен, А. И. О развитии революционных идей в России / А. И. Герцен // Избранные произведения. – М. : Художественная литература, 1964. – С. 3 – 19.

38. Глухов, В. П. Основы психолингвистики : учеб. пособие для студентов педвузов / В. П. Глухов. – М. : АСТ : Астрель, 2005. – 351 с.

39. Гридина, Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1996. – 214 с.

40. Гришаева, Л. И. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) / Л. И. Гришаева // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред.: Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. – С. 15 – 46.

41. Гришаева, Л. И. Прецедентный текст как модель осмысления действительности / Л. И. Гришаева // Содержание единиц языка и текста / ред. М. К. Сабанеева. – С.-П. : СПбГУ, 2003. – С. 148 – 156.

42. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации / Д. Б. Гудков // Лингвистические проблемы межкультурной коммуникации: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, Л. И. Изотов. – М. : Филология, 1997. – С. 116 – 129.

43. Гудков, Д. Б. Структура и функционирование прецедентных имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) / Д. Б. Гудков // Вестник МГУ. – Сер. 9. – Филология. – 1994. – № 6. – С. 14 – 21.

44. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса / Д. Б. Гудков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. – М. : МГУ, 2003(а). – С. 141 – 161.
45. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003(б). – 288 с.
46. Гумбольдт, В. фон О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития / В. фон Гумбольдт // Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию. – М. : Академия, 1999. – С. 308 – 322.
47. Гунько, Ю. А. Особенности функционирования прецедентных высказываний в разговорной речи носителей русского языка: дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Гунько. – СПб., 2002. – 141 с.
48. Гуревич, П. С. Ментальность, менталитет / П. С. Гуревич, О. И. Шульман // Культурология. XX век. Энциклопедия. – Т. 2. – СПб., 1998. – 25 – 27.
49. Гюббенет, И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста / И. В. Гюббенет. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 205 с.
50. Дейк, Т. А. ван Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ./ Сост. В. В. Петрова; Под ред. В. И. Герасимова; Вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова / Т. А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
51. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры / В. В. Дементьев. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 248 с.
52. Денисова, Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод / Предисловие С. Гардзонио; Предисловие Ю. Н. Караулова / Г. В. Денисова. – М. : Азбуковник, 2003. – 298 с.
53. Дмитриева, О. А. Механизм восприятия прецедентного текста / О. А. Дмитриева // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: Сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 1999. – С. 43 – 46
54. Дульянинов, А. Г. Рекламные тексты как средство познания культуры в процессе изучения французского языка / А. Г. Дульянинов, Ж. И. Игумнова // Иностранные языки в школе. – 2005. – № 4. – С. 13 – 19

55. Дымарский, М. Я. Прецедентность и художественность / М. Я. Дымарский // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред.: Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. – С. 51 – 62.

56. Елисеева, С. В. Французская культура как источник прецедентности в российской прессе / С. В. Елисеева // Проблемы лингвокультурологического и дискурсивного анализа: Материалы Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность» Екатеринбург, 23-25 апреля 2006 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2006. – 45 – 51.

57. Еникеев, М. И. Энциклопедия. Общая и социальная психология / М. И. Еникеев. – М. : «Изд-во ПРИОР», 2002. – 560 с.

58. Ерофеева, Е. В. Скрытое цитирование во французских рекламных текстах / Е. В. Ерофеева // Современное образовательное пространство: проблемы и перспективы: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 27 – 29 марта 2007 г. / ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Уральское издательство, 2007. – С. 202 – 204.

59. Желтухина, М. Р. Масс-медиаальная коммуникация: языковое сознание – воздействие – суггестивность / М. Р. Желтухина // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2003. – Вып. 24. – С. 13 – 28.

60. Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дис. ... д-ра филол. наук / М. Р. Желтухина. – М., 2004. – 691 с.

61. Зайцева, А. Б. Актуализация прецедентных высказываний со сферой-источником «Музыка» в медийном политическом дискурсе России / А. Б. Зайцева // Современное образовательное пространство: проблемы и перспективы: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 27 – 29 марта 2007 г. / ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Уральское издательство, 2007. – С. 261 – 263.

62. Захаренко, И. В. Прецедентные высказывание и их функционирование в тексте / И. В. Захаренко // Лингвистические проблемы межкультурной коммуникации: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, Л. И. Изотов. – М. : «Филология», 1997. – С. 92 – 99.
63. Земская, Е. А. Цитация и виды её трансформации а заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. – М. : Наука, 1996. – С. 157 – 168.
64. Зверькова, С. В. Интертекстуальные связи и их специфика в произведениях А. Картер: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Зверькова. – Барнаул, 2004. – 22 с.
65. Зуева, Т. В. Русский фольклор: Учебник для высших учебных заведений / Т. В. Зуева, Б. П. Кирдан. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 400 с.
66. Игошина, О. А. Содержание лингвокультурной компетенции на материале русских народных сказок / О. А. Игошина // Язык. Культура. Проблемы общения: сб. статей, посвященный юбилею д.ф.н., профессора Риммы Михайловны Теремовой. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – С. 120 – 123.
67. Ильин, И. П. Интертекстуальность / И. П. Ильин // Современное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник / Науч. ред. и составитель И.П.Ильин, Е.А.Цурганова. – М. : Интрада – ИНИОН., 1999. – С. 207 – 209.
68. Илюшкина, М. Ю. Прецедентные высказывания в печатной туристической рекламе / М. Ю. Илюшкина // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. 13. – Екатеринбург, 2004. – С. 137 – 146.
69. Интертекстуальность // Энциклопедия «Кругосвет» // www.krugosvet.ru/articles/77/1007707/1007707a1.htm.
70. Ионова, С. В. Вторичный текст в концепциях текстуальности и интертекстуальности / С. В. Ионова // Филологические науки. – 2006. – № 4. – С. 87 – 95.
71. Исаева, А. В. Функционирование прецедентных текстовых реминисценций в устной речи носителей русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Исаева. – Москва, 2001. – 23 с.

72. Казаева, С. А. Особенности реализации категории интертекстуальности в современных английских научных и газетных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. А. Казаева. – СПб., 2003. – 19 с.
73. Канькин, С. В. Текст как явление культуры (пролегомены к философии текста) / С. В. Канькин. – Воронеж : РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. – 143 с.
74. Каравичева, Т. В. Эволюция языка СМИ в публикациях экономической и социально-правовой тематики: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Каравичева. – Тамбов, 2005. – 22 с.
75. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5 – 19.
76. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
77. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
78. Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Дейк Т. А. ван Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
79. Клушина, Н. И. Общие особенности публицистического стиля / Н. И. Клушина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – С. 269 – 289.
80. Клушина, Н. И. Убеждение и манипулирование: разграничение понятий / Н. И. Клушина // Русская речь. – 2007. – № 5. – С. 50 – 53.
81. Ковалев, Г. Ф. Прецедентное имя собственное в тексте рекламы / Г. Ф. Ковалев // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред.: Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. – С. 275 – 291.
82. Колотнина, Е. В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Колотнина. – Екатеринбург, 2001. – 261 с.

83. Кондаков, И. В. Антропология русской словесности: литературоцентризм / И. В. Кондаков // Современные трансформации российской культуры / отв. ред. И. В. Кондаков. – М. : Наука, 2005. – С. 394 – 403.
84. Королева, Н. В. Средства и способы реализации интертекстуальности в научном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Королева. – Саранск, 2004. – 209 с.
85. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе / В. Г. Костомаров. – М. : Изд-во Московского университета, 1971. – 268 с.
86. Костомаров, В. Г. Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73 – 76.
87. Костомаров, В. Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. – СПб : Златоуст, 2001. – 72 с.
88. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДК «Гнозис», 2003. – 375 с.
89. Красных, В. В. Точки над і или многоточие?.. (к вопросу о современной парадигме) / В. В. Красных // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2001. – Вып. 16. – С. 5 – 12.
90. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В. В. Красных. – М. : ИТДК «Гнозис», 2002. – 284 с.
91. Красных, В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник Московского университета. – Сер. 9. – Филология. – 1997. – № 3. – С. 62 – 75.
92. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Вестник МГУ. – Сер. 9. Филология. – 1995. – № 1. – С. 97 – 124.
93. Кубрякова, Е. С. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности / Е. С. Кубрякова, Л. В. Цурикова // Язык средств массовой информации: Учебное пособие по специализации. – В 2-х ч. – Часть 2. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004а. – С. 126 – 159.

94. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004б. – 560 с.
95. Кудрина, Н. А. Когнитивная лингвистика: особенности формирования пространства прецедентности / Н. А. Кудрина // Концептуально пространство языка: Сб. научн. трудов / под ред. Е. С. Кубряковой. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 53 – 66.
96. Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах формирования поэтического языка / Н. А. Кузьмина. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 272 с.
97. Кузьмина, Н. А. Когнитивные механизмы цитации / Н. А. Кузьмина // Стереотипность и творчество в тексте: межвузовский сборник научных трудов. – Пермь : Перм. ун-т, 1999. – С. 217 – 235.
98. Кушнерук, С. Л. Денотативный и коннотативный аспекты функционирования прецедентных имен в российской и американской рекламе / С. Л. Кушнерук // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. № 13. – Екатеринбург: УрГПУ, 2004. – С. 146 – 155.
99. Кушнерук, С. Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе: дис. ... канд. филол. наук / С. Л. Кушнерук. – Екатеринбург, 2006. – 228 с.
100. Лаенко, Л. В. Пословица есть прецедентное высказывание? / Л. В. Лаенко // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред.: Л. И. Гришавой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. – С. 127 – 134.
101. Лазарева, Э. А. Заголовок в газете: учеб. пособие / Э. А. Лазарева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 84 с.
102. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

103. Леденева, В. В. Ментефакты и идиолектемы / В. В. Леденева // Пед. образование и наука. – 2004. – № 4. – С. 27 – 28.
104. Леонтьев, А. А. Интертекст в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Леонтьев. – М., 2001. – 17 с.
105. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997. – 287 с.
106. Лисоченко, О. В. Явление прецедентности в современной русской речи: дис. ... канд. филол. наук / О. В. Лисоченко. – Таганрог, 2002. – 190 с.
107. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М. : «Гнозис» : Издательская группа «Прогресс», 1992. – 273 с.
108. Лукин, В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум / В. А. Лукин. – М. : Ось-89, 2005. – 560 с.
109. Лысакова, И. П. Язык газеты и типология прессы. Социолингвистическое исследование / И. П. Лысакова. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 256 с.
110. Лысикова, Ю. А. Лексикографирование цитат: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Лысикова. – Орлов, 2005. – 24 с.
111. Лысина, О. В. Прецедентные феномены в шутках Н. Фоменко / О. В. Лысина // Слово. Словарь. Словесность: из прошлого в будущее (к 225-летию А. Х. Востокова): Материалы Всероссийской научной конференции, С.-П., 15-17 ноября 2006 / отв. ред. В. А. Козырев. – С.-П. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. – С. 264 – 266.
112. Любимова, Н. А. Элементы структуры художественного дискурса (к проблеме описания) / Н. А. Любимова, Л. В. Миллер // Конгресс русистов-исследователей: материалы конференции, Москва, 2001 // http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/ru/index_r.html. – С. 283.
113. Майданова, Л. М. Газетно-публицистический стиль: метаморфозы коммуникации / Л. М. Майданова // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С.80 – 97.

114. Макаров, М. Л. Изучение межкультурной коммуникации: проблемы сбора материала / М. Л. Макаров // Язык. Культура. Словари / ред. О. М. Карпова. – Иваново, 2001. – С. 5 – 6.
115. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
116. Малычева, Н. В. Художественный и журналистский текст в аспекте функционально-семантических категорий / Н. В. Малычева, В. В. Богуславская // Конгресс русистов-исследователей: материалы конференции, Москва, 2001 // http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/ru/index_r.html. – С. 284 – 285.
117. Мансурова, В. Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации / В. Д. Мансурова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 237 с.
118. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
119. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 206 с.
120. Менджерицкая, Е. О. Особенности национального публицистического дискурса / Е. О. Менджерицкая // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : Диалог – МГУ, 1999. – Вып. 9. – С. 52 – 58.
121. Менджерицкая, Е. О. Термин «дискурс» в современной зарубежной лингвистике / Е. О. Менджерицкая // Лингвистические проблемы межкультурной коммуникации: сб. статей / под ред. В. В. Красных, Л. И. Изотова. – М. : Филология, 1997. – С. 130 – 133.
122. Милосердова, Е. В. Языковая личность в свете прецедентных высказываний / Е. В. Милосердова // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред.: Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. – С. 140 – 148.
123. Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): автореф. дис. ...канд. филол. наук. / Е. В. Михайлова. – Волгоград, 1999. – 22 с.

124. Москвин, В. П. Цитирование, аппликация, парафраз: к разграничению понятий / В. П. Москвин // Филологические науки. – 2002. – № 1. – С. 63 – 70.
125. Наумова, Е. О. Особенности функционирования прецедентных текстов в современном публицистическом дискурсе / Е. О. Наумова. – М., 2004. – 153 с.
126. Нахимова, Е. А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах / Е. А. Нахимова // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 13. – Екатеринбург : УрГПУ, 2004а. – С. 166 – 174.
127. Нахимова, Е. А. О формальных показателях прецедентности антропонима / Е. А. Нахимова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Т. 17. – Екатеринбург : УрГПУ, 2005а. – С. 147 – 155.
128. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Ин-т социального образования. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.
129. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена как ментальное поле в политической коммуникации / Е. А. Нахимова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Т. 14. – Екатеринбург : УрГПУ, 2004б. – С. 7 – 61.
130. Нахимова, Е. А. Прецедентные феномены с ментальным полем-источником «Театр» в современном политическом дискурсе / Е. А. Нахимова // Известия УрГПУ. Лингвистика. – Вып. 15. – Екатеринбург : УрГПУ, 2005б. – С. 102 – 114.
131. Нефедова, Л. А. Прецедентные тексты современных немецких афоризмов (на материале книги заметок и афоризмов Элмара Шенкеля) / Л. А. Нефедова // Филологические науки. – 2005. – № 4. – С. 84 – 93.
132. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики М. В. Никитин.– СПб., 1997.
133. Новикова, О. Ю. Функционирование прецедентных феноменов в политическом дискурсе (на материале англоязычных СМИ) / О. Ю. Новикова // Актуальные проблемы лингвистики : Уральские лингвистические чтения – 2006 : материалы ежегодной научной конференции, Екатеринбург, 1–2 февраля 2006 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2006. – С. 106 – 107.

134. Норман, Ю. Б. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 344 с.
135. Павликова, С. К. Русские и английские прецедентные высказывания (сравнительный анализ): дис. ... канд. филол. наук / С. К. Павликова. – Москва, 2005. – 160 с.
136. Пермяков, Г. Л. От поговорки до сказки: заметки по общей теории клише / Г. Л. Пермяков. – М.: Наука. – 240 с.
137. Петрова, Н. В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования (на материале англо-американских коротких рассказов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. В. Петрова. – Волгоград, 2005. – 34 с.
138. Петрова, Н. В. Текст и дискурс / Е. В. Петрова // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 123 – 131.
139. Пикулева, Ю. Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Б. Петрова. – Екатеринбург, 2003. – 23 с.
140. Плотникова, С. Н. Прагматическая интерпретация тактовых-ремисценций-дайджестов / С. Н. Плотникова // Филологические науки. – 2002. – № 3. – С. 72 – 78.
141. Покровская, Е. В. Газета в современной культурно-речевой ситуации / Е. В. Покровская // Русская речь. – 2005. – № 5. – С. 69 – 74.
142. Попова, З. Д. Концептосфера и менталитет / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2002. – С. 43 – 46.
143. Попова, М. К. Предисловие от редакторского коллектива / М. К. Попова, В. Т. Титов // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред.: Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. – С. 9 – 14.
144. Постнова, Т. Е. «Страсти по мехам» и «Кошмар на улице ВАЗов» / Т. Е. Постнова // Русская речь. – 2001. – № 6. – С. 69 – 72.
145. Прозоров, В. В. Власть современной журналистики, или СМИ наяву / В. В. Прохоров. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2004. – 240 с.

146. Проскурина, А. А. Прецедентные тексты в англоязычном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / А. А. Проскурина. – Самара, 2004. – 19 с.
147. Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс: Учеб. пособие / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 224 с.
148. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – М. : КомКнига, 2006. – 224 с.
149. Прохорова, Л. П. Интертекстуальность в жанре литературных сказок: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Прохорова Л. П. – Иркутск, 2003. – 19 с.
150. Прохорова, Л. П. Интертекстуальность в рекламном дискурсе / Л. П. Прохорова // Язык и культура: материалы III Международной научной конференции, Москва, 23 – 25 сент. 2005. – М., 2005. – С154.
151. Ревякина, Т. Л. Интертекстуальность поэтического слова в семантическом пространстве «Московских стихов» О. Э. Мандельштама: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Л. Ревякина. – Воронеж, 2004. – 21 с.
152. Рождественский, В. Ю. Что такое «теория клише»? / В. Ю. Рождественский // Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки: заметки по общей теории клише. – М. : Наука. – С. 213 – 237.
153. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии: Учеб. пособие / С. Л. Рубинштейн. – В 2-х т. – Т. 2. – М. : Педагогика, 1989. – 285 с.
154. Русский язык конца XX столетия. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 480 с.
155. Ряпосова, А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999 – 2000 гг.)» : дис. ... канд. филол. наук / А. Б. Ряпосова – Екатеринбург, 2002. – 201 с.
156. Саксонова, Ю. Ю. Прецедентный интекст: проблема межъязыковой эквивалентности в художественном переводе (на материале английского, немецкого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Ю. Саксонова. – Екатеринбург, 1998. – 25 с.

157. Санг Хюунг Языковые единицы с национально-культурной семантикой в произведении Вен. Ерофеева «Москва – Петушки»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Санг Хюунг. – М., 1998. – 19 с.
158. Сандалова, Т. А. Интертекстуальные включения как средство языковой игры в тексте советского газетного фельетона: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Сандалова. – СПб., 1998. – 20 с.
159. Сатретдинова, А. Х. Интертекстуальность поэзии В. Брюсова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Х. Сатретдинова. – Астрахань, 2004. – 19 с.
160. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2004. – 320 с.
161. Семенец, О. П. Грибоедовское слово в языке и речи / О. П. Семенец // Слово. Словарь. Словесность: из прошлого в будущее (к 225-летию А. Х. Востокова) : материалы Всероссийской научной конференции. С.-П., 15 – 17 ноября 2006 г. / отв. ред. В. А. Козырев. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006, С. 56 – 59.
162. Семенец, О. П. Прецедентный текст в языке газеты : дис. ... канд. филол. наук / О. П. Семенец. – С.-П., 2004. – 225 с.
163. Семочко, С. В. Маркеры внутри- и межкультурной адаптации в когнитивном ракурсе / С. В. Семочко // Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур: коллективная монография / ред.: Л. И. Гришаева, М. К. Попова. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004. – В 2-х ч.– Часть 2. – С. 198 – 210.
164. Сергеева, Г. Г. Абстрактные имена в дискурсе школьников как средство отражения представлений о прецедентных именах, связанных с константами русской культуры / Г. Г. Сергеева // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. – Вып. 25. – М. : МАКС Пресс, 2003а. – С. 109 – 115.
165. Сергеева, Г. Г. Аспекты функционирования прецедентных имен в молодежной среде / Г. Г. Сергеева // Филологические науки. – 2003б. – № 2. – С. 102 – 110.
166. Силантьев, И. В. Газета и роман: риторика дискурсных смещений / И. В. Силантьев. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 224 с.
167. Сковородников, А. П. Рефлексы постмодернистской стилистики в языке российских газет / А. П. Сковородников // Русская речь. – 2004а. – № 6. – С. 68 – 76.

168. Сковородников, А. П. Экспрессивность и выразительность / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Язык средств массовой информации: Учебное пособие по специализации. Часть 2. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004б. – С. 285 – 304.
169. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... д-ра филол. наук Г. Г. Слышкин. – Волгоград, 2004. – 315 с.
170. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М. : Академия, 2000. – 128 с.
171. Смелкова, З. С. Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты: Учебное пособие / З. С. Смелкова, Л. В. Ассуирова, М. Р. Саввова, О. А. Сальникова. – М. : МПГУ, 2000. – 345 с.
172. Сметанина, С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С. И. Сметанина. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 383 с.
173. Смирнова, Г. С. Варианты англоязычных прецедентных высказываний: особенности текстопорождения и текстовосприятия: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. С. Смирнова. – СПб., 2004. – 23 с.
174. Смулаковская, Р. Л. Своеобразие использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе / Р. Л. Смулаковская // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Т. 12. – Екатеринбург: УрГПУ, 2004. – С. 111 – 120.
175. Смыкунова, Н. В. Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности в процессе обучения русскому языку как иностранному: дис. ... канд. пед. наук / Н. В. Смыкунова. – М., 2003. – 161 с.
176. Снигирев, А. В. Интертекст: типология, включение и функционирование в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Снигирев. – Екатеринбург, 2000. – 18 с.
177. Современная русская литература (1990-е гг. – начала XXI в.): Учеб. пособие / С. И. Тимина, В. Е. Васильев, О. Ю. Воронина и др. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.

178. Солганик, Г. Я. О языке и стиле газеты / Г. Я. Солганик // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – С. 261 – 268.
179. Солсо, Р. Л. Когнитивная психология / Р. Л. Солсо. – Пер. с англ. – М. : Три-вола, 1996. – 600 с.
180. Сорокин, Ю. А. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания / Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С. 98 – 117.
181. Сорокин, Ю. А. Что такое прецедентный текст? / Ю. А. Сорокин // Семантика целого текста. Тезисы выступлений на совещании (Одесса, сентябрь 1987 г.). – М. : Наука, 1987. – С. 144 – 145.
182. Стернин, И. А. Социальные факторы и публицистический дискурс / И. А. Стернин // Массовая культура на рубеже XX – XXI веков : Человек и его дискурс. Сборник научных трудов. – М. : «Азбуковник», 2003. – С. 91 – 108.
183. Стырина, Е. В. Имитационный интекст как инструмент интертекстуальности: дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Стырина. – М., 2005. – 185 с.
184. Супрун, А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17 – 29.
185. Сухорукова, О. Н. Конститутивные признаки массово-информационного дискурса / О. Н. Сухорукова // Вопросы гуманитарных наук. – 2004. – № 2. – С. 106 – 111.
186. Тарасов, Е. Ф. Речевое воздействие: методология и теория / Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Наука, 1990. – С. 5 – 18.
187. Теля, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Теля. – М. : Наука, 1986. – 142 с.
188. Терских, М. В. Реклама как интертекстуальный феномен: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Терских. – Омск, 2003. – 26 с.
189. Тростников, М. Перевод и интертекст с точки зрения поэтологии / М. Тростников // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 563 – 580.

190. Ускова, Т. А. Вербализация интертекстуальности в текстах массовой коммуникации: дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Ускова. – М., 2003. – 26 с.
191. Фатеева, Н. А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе / Н. А. Фатеева // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – С. 12 – 21.
192. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М.: Агар, 2000. – 280 с.
193. Фаткабратова, Ю. М. Слова – «хамелеоны» в языке СМИ / Ю. М. Фаткабратова // Русская речь. – 2007. – № 5. – С. 54 – 56.
194. Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред.: Л. И. Гришаевой, М. К Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. – 312 с.
195. Фоминых, М. О. Использование прецедентных текстов в русском постмодернизме (на материале произведений В. Пелевина) / М. О. Фоминых // Язык и национальное сознание. – Вып. 3. – Воронеж, 2002. – С. 170 – 176.
196. Фомичева, И. Д. Социология СМИ / И. Д. Фомичева. – М. : Аспект Пресс, 2007. – 335 с.
197. Фуко, М. Археология знания: Пер. с фр./Общ. ред. Б.Левченко / М. Фуко. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208с.
198. Хализев, В. Е. Теория литературы: Учеб. пособие. – М. : Высшая школа, 2005. – 404 с..
199. Хватова, С. С. Этнокультурная специфика идентификации прецедентных имен носителями языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. С. Хватова. – Тверь, 2004. – 19 с.
200. Хмелевская, И. Ю. Прецедентные имена в дискурсе спортивного комментария / И. Ю. Хмелнвская // Современное образовательное пространство: проблемы и перспективы: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 27 – 29 марта 2007 г. / ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург : ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Уральское издательство, 2007. – С.245 – 247.
201. Хомский, Н. Язык и мышление / Н. Хомский. – М.,1972.

202. Черногрудова, Е. П. Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике (на материале центральной, региональной и местной прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. П. Черногрудова. – Воронеж, 2003. – 22 с.
203. Черногрудова, Е. П. Прецедентные тексты в современной публицистике (на материале заголовков «Комсомольской правды») / Е. П. Черногрудова // Язык и национальное сознание. – Вып. 3. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2002. – С. 164 – 170.
204. Чернышова, Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России: дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Чернышова. – Барнаул, 2005. – 37 с.
205. Чернявская, В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований В. Я. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса / Отв. ред. В. Е. Чернявская. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 11 – 22.
206. Чернявская, В. Е. Интертекстуальное взаимодействие базисного и производного текстов в научно-критическом тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Е. Чернявская. – СПб., 1995. – 23 с.
207. Чудакова, Н. М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации: дис. ... канд. филол. наук / Н. М. Чудакова. – Екатеринбург, 2005. – 218 с.
208. Чудинов, А. П. Интертекстуальность политического текста / А. П. Чудинов // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. 10. – Екатеринбург : УрГПУ, 2003а. – С. 27 – 34.
209. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос пед. ун-т. – 2003б. – 248 с.
210. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос пед. ун-т. – 2001. – 238 с.
211. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
212. Шестак, Л. А. Прецедентный текст в структуре русской языковой личности: когнитивная природа и структурные модели / Л. А. Шестак // Искусство, образова-

ние, наука в преддверии III тысячелетия: Тезисы докладов Международного научного конгресса, Волгоград, 6-8 апреля 1998г. – Волгоград: изд-во ВолГУ, 1999. – С. 448 – 452.

213. Шестерина, А. М. Прецедентные тексты в полемических публикациях современной российской прессы / А. М. Шестерина // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред.: Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. – С. 264 – 272.

214. Шилина, Т. В. Реконструкция предтекста при инициальной ретардации художественного дискурса: дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Шилина. – С.-П., 2003. – 163.

215. Шипицына, Г. М. О коммуникативной установке текстов СМИ / Г. М. Шипицына, Ю. А. Воронцова // Русская речь. – 2005. – № 3. – С. 61 – 67.

216. Шмелев, А. Д. Анекдот в современной русской речи: интертекстуальные связи / А. Д. Шмелев, Е. Я. Шмелева // Вопросы культуры речи. – Вып. 9 / отв. ред. А. Д. Шмелев. – М. : Наука, 2007. – 382 с.

217. Шмелева, Е. Я. Материалы к «Словарю цитат и клише»: русский анекдот / Е. Я. Шмелева // Русский язык сегодня. – Вып. 3 / отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Наука, 2004. – С. 253 – 262.

218. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – 314 с.

219. Ямпольский, М. Б. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф / М. Б. Ямпольский. – М. : РИК «Культура», 1993. – 464 с.

Список использованных словарей и справочников

1. Ашукин, Н. С. Крылатые слова / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М. : Агентство «ФАИР», 1998. – 336 с.

2. Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М. : Издательство «Русские словари», ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. – 624 с.

3. Биографический энциклопедический словарь. – М. : «Большая Российская Энциклопедия», 2001. – 712 с.
4. Большая советская энциклопедия. Электронное издание. – СПб : ООО «Сигма», 2004.
5. Большая энциклопедия литературных героев : в 4 т. / под ред. Н. Трауберг, М. Глобачева. – М. : TERRA – Книжный клуб, 2001.
6. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В. Н. Телия. – М. : АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
7. Грушко, Е. А. Энциклопедия знаменитых россиян / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. – М. : ООО Пресском, 2002. – 656 с.
8. Душенко, К. В. словарь современных цитат / К. В. Душенко. – М. : Издательство «Эксмо», 2005. – 864 с.
9. Душенко, К. В. Цитаты из русской литературы. Справочник: 5200 цитат от «Слова о полку...» до наших дней / К. В. Душенко. – М. : Издательство «Эксмо», 2005. – 704 с.
10. Крылатые слова : Энциклопедия / Авт.-сост. В. Серов. – М. : Локид-Пресс, 2003. – 831 с.
11. Кругосвет. Электронная энциклопедия // www.krugosvet.ru/articles/77/1007707/1007707a1.htm.
12. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 247 с.
13. Культурология. XX век. Энциклопедия. – В 2-х т. – СПб, 1998.
14. Литературная энциклопедия // www.yandex.ru.
15. Мокиенко, В. М. Давайте говорить правильно! Крылатые слова в современном русском языке : краткий словарь-справочник / В. М. Мокиенко, Е. И. Зыкова. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ; М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 352 с.
16. Руднев, В. П. Словарь культуры XX в. / В. П. Руднев // <http://www.philosophy.ru/edu/ref/rudnev/index.htm>.

17. Русское культурное пространство : Лингвокультурологический словарь: вып. первый / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2004. – 318 с.
18. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 4 изд. – М. : «Советская энциклопедия», 1988. – 1600 с.
19. Современное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник / Науч. ред. и составитель И.П.Ильин, Е.А.Цурганова. – М. : Интрада. – ИНИОН., 1999. – 320 с
20. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. / Ю. С. Степанов. – М. : Академический Проект, 2004. – 992 с.
21. Толковый словарь крылатых слов и выражений. / Авт.-сост. А. Кирсанова. – М. : «Мартин», 2006. – 448 с.
22. Энциклопедия литературных героев. – М. : Аграф, 1997. – 496 с.
23. Энциклопедия литературных произведений. – М. : Вагриус, 1998. – 656 с.
24. Энциклопедия читателя / под. ред. Ф. А. Еремеева. – Т. 1 : А – Д. – Екатеринбург : Изд-во Ур. ун-та, ИД «Сократ», 1999. – 792 с.

Список источников языкового материала

Аргументы и факты (АиФ)	Новое время (НВ)
Век	Российская газета (РГ)
Завтра	Собеседник
Известия (Изв.)	Советская Россия (СР)
Коммерсант-власть	Спорт-экспресс (СЭ)
Комсомольская правда (КП)	Тагильский рабочий (ТР)
Московский комсомолец (МК)	Труд
Новая газета (НГ)	Уральский рабочий (Ур. раб.)

Приложение 1

Таблицы, отражающие частотность апелляций к литературным областям-источникам в дискурсе российских печатных СМИ

Таблица 1. Источники литературных прецедентных феноменов, функционирующих в дискурсе современных печатных СМИ

Корпус текстов и имен их авторов	%
Отечественная литература	66,8 %
Зарубежная литература	33,2 %
Всего	100 %

Таблица 2. Отечественная литература как источник литературных прецедентных феноменов, функционирующих в дискурсе современных печатных СМИ

Корпус текстов и имен их авторов	%
Русская литература XIX века	50
Русская литература XX века	36,2
Фольклорные тексты	8,4
Древнерусская литература и литература XIII века	5,4
Всего	100

Таблица 3. Русская литература XIX века как источник литературных прецедентных феноменов, функционирующих в дискурсе современных печатных СМИ

Область-источник	%
Пушкин	26,0
Гоголь	17,7
Грибоедов	8,24
Достоевский	6,0
Крылов	5,3
Некрасов	5,3
Толстой Л. Н.	5,3
Лермонтов	4,72
Тургенев	4,0
Тютчев	3,6
Островский А. Н.	3,56
Чехов	3,0
Чернышевский	2,9
Герцен	2,9
Другие	1,46
Всего	100

Таблица 4. Русская литература XX века как источник литературных прецедентных феноменов, функционирующих в дискурсе современных печатных СМИ

Область-источник	%
Ильф и Петров	20,5
Булгаков	16,4
Горький	8,2
Маяковский	7,38
Чуковский	6,55
Михалков	5,74
Толстой А. Н.	5,74
Островский Н. А.	5,32
Другие	24,17
Всего	100

Таблица 5. Русский фольклор как источник литературных прецедентных феноменов, функционирующих в дискурсе современных печатных СМИ

Область-источник	%
Волшебные сказки	60,71
Бытовые сказки и сказки о животных	28,57
Былины	10,72
Всего	100

Таблица 6. Древнерусская литература и литература XVIII века как источник литературных прецедентных феноменов, функционирующих в дискурсе современных печатных СМИ

Область-источник	%
«Слово о полку Игореве»	27,77
Радищев	27,77
Фонвизин	22,22
Ломоносов	16,66
Другие	5,58
Всего	100

Таблица 7. Зарубежная литература как источник литературных прецедентных феноменов, функционирующих в дискурсе современных печатных СМИ

Культурная принадлежность областей-источников		%
Европейская литература	%	89
Английская	31,0	
Немецкая	26,55	
Французская	21,6	
Датская	3,45	
Испанская	2,55	
Античная	2,55	
Итальянская	0,75	
Другие	0,55	
Американская литература		6
Азиатская литература		5
Всего		100

Приложение 2

Образец анкеты, предложенный информантам в ходе проведения психолингвистического эксперимента

I. Прочитайте выдержки из газетных статей. Выпишите знакомые Вам по литературным источникам выражения (прецедентные высказывания).

1. *Лисичка-оборотень <...> встречает волка-оборотня в чине генерал-лейтенанта ФСБ, и они полюбили друг друга. Нет повести печальнее на свете: следует ряд откровенных <...> и эпических сцен [о новой книге Пелевина «Священная книга оборотня»] (С. Сергеев // НВ, 2004, №49).*
2. *Мрачные, отсыревшие стены замка, огромные двери, Бэримор, сэр Генри... И тут примешивается вечно скабресный дворецкий из сериала «Моя прекрасная няня». Впрочем, к современному дворецкому эти образы подходят так же, как фрак черепахе (В. Баршев // РГ, 2005, № 158).*
3. *Если говорят, что уровень попсы ниже плитуса, надо начинать разбирать паркет и долбить цемент. В песнях происходит деградация лексики, исчезает утонченный интонационный язык. Мелодия не нужна. Вот и остается в песне всего несколько слов и интонаций. Она как шагреновая кожа, в которой прекрасно чувствуют себя наши попсовые исполнители (В. Дашкевич // НГ-ежемес. обзор., 2006, февраль).*
4. *Большинство приглашенных депутатов ГД и сенаторов не приехали. Администрация президента вместо обещанных Суркова и Медведева прислала безымянных «представителей». Соседи по Поволжью отделились телеграммами. Зато прибывшие «поздравители» вели себя, как феи на дне рождения спящей красавицы. Каждый старался подарить нечто особенное [об инаугурации губернатора Саратовской области П. Ипатова] (Н. Андреева // НГ, 2005, № 25).*
5. *Народным артистом Чечни и Ингушетии неожиданно для себя вернулся Филипп [Киркоров] из Гудермеса... Певец вспоминает, что был концерт, он много пел, ему хлопали... А потом раз – и звание народного! Да, кстати: отмечали 30-летие Рамзана Кадырова. Но песни Филиппа нравятся не только имениннику, кто их только не поет – и в горах, и на равнине! (О. Шапавалов // КП, 2006, № 152-т/41).*
6. *Эксперты Deloitte&Touch сравнили стоимость ночевки в равнозначных номерах в 6000 европейских отелях (три звезды и более). По их данным, только за 2005 год цены на койко-место в Москве выросли на 34,4 процента! Другим городам и не снился такой впечатляющий скачок. Причем при сохранении практически на прежнем уровне гостиничного сервиса. Возможно, цены росли в привязке к стремительно дорожающему московскому жилью? Впрочем, умом Россию не понять. Даже столь известной аудиторской компании, которая в свое время смогла просчитать суммарную стоимость ОАО «Газпром» (И. Являнский // Изв., 2006, № 107).*
7. *«Квартирный вопрос» испортил и продолжает портить жизнь подавляющему числу россиян. В улучшении жилищных условий нуждаются четыре пятых населения страны, и их надежды тают с каждым днем (В. Андреев // АиФ, 2006, № 20).*
8. *Кузнецову кинули на пивзавод в 1986 году. Производство к тому времени не обновлялось 18 лет. Ей пересказали разговор в самолете. «Откуда эта новая директриса? Из торгашек?»... Бред, сапоги всмятку. Начальник управления торговли полгода с ней не здоровался (А Тарасов // НГ-ежемес. обзор., 2006, февр.).*
9. *У меня вызывает удивление, когда я вижу, как представляют себя некоторые «народные избранники». Владелец заводов, газет, пароходов, член совета директоров, известный предприниматель и где-то, скажем, последней строчкой – депутат Госдумы местного собрания. Это прямое и циничное нарушение закона о статусе депутата (С. Миронов // Труд, 2006, № 110).*

10. *Но униженная перед всей страной врач из злосчастного родильного дома – почему же она промолчала об истинной природе этой внутрибольничной инфекции, о том, что существующая система санитарно-эпидемиологического режима в роддомах – что борьба с ветряными мельницами? Почему не назвала десятки других похожих случаев?* (Dr. pipetkin // НГ-ежемес. обзор., 2006, февраль).
11. *Вакханалия погони за роскошью и удовольствиями, захлестнувшая страну, имеет вполне объяснимые причины. На поверхность российской жизни, точно зловонные болотные газы, выползают криминальные деньги. По прикидкам МВД, более 800 подпольных цехов ежегодно выбрасывают в продажу примерно 6 млн. бутылок поддельного алкогольного зелья. А ведь за каждым таким зельем стоит свой торгующий смертью миллионер* (В. Костиков // АиФ, 2006, № 45).
12. *Правда, говорить о планах строительства Российских вооруженных сил на 2006 – 2010 гг. думы будут в закрытом режиме <...> зато все остальные вопросы – и о том, каким гражданином быть обязан парламентарий, и том, как должен выглядеть российский рубль в графике и слове, депутаты обсудят не таясь* (Т. Шкель // РГ, 2006, № 108).

II. Укажите авторов и названия произведений, послуживших источником выписанных Вами выражений (прецедентных высказываний).

III. Считаете ли Вы оправданными, соответствующими смыслу и стилю текста, подобные словоупотребления? Почему?

IV. Есть ли в приведенных текстах выражения (в том числе и среди выписанных Вами), смысл которых Вам не совсем ясен? Если да, то укажите их.

V. Прочитайте переиначенные (трансформированные) современными журналистами цитаты из литературных произведений. Восстановите их первоначальную форму. Каким проблемам, по Вашему мнению, были посвящены статьи, из которых извлечены данные выражения?

Как хорошо уметь считать (Е. Надрова // РГ, 2005, № 146). *Утром - острова, вечером - отношения* (С. Репов, А. Фуфырин // АиФ, 2004, № 47). *Про рок: и виждь, и внемли* (П. Костенко // НГ, 2005, № 27). *«Собственник» звучит гордо. И выгодно* (И. Невинная // РГ, 2005, № 158). *Но если маразмы плодятся вопреки здравому смыслу, значит, это кому-нибудь нужно* (А. Ягодкин // НГ, 2005, № 30). *Много шума или ничего?* (А. Ерастов // Труд-7, 2005, № 118). *Пусть сильнее грянет баррель!* (С. Минаев // Коммерсант – власть, 2005, № 34). *Я б в инвесторы пошел, пусть меня научат* (А. Полуниин // Труд-7, 2006, № 87). *Четверо в лодке, не считая смерти* (В. Сварцевич // АиФ, 2006, № 12). *Почему Кощей-Минфин над золотом чахнет* (В. Цепляев // АиФ, 2005, № 37)

VI. Прочитайте предложенные ниже выдержки из газетных статей. Какую смысловую нагрузку, по Вашему мнению, имеют выделенные прецедентные имена? С какой целью именно эти имена автор включил в текст?

1. *Русскую литературу учат вместе со всей международной, так что дедушке Толстому достается всего два часа [о школьном образовании на Украине]* (А. Ульянова // АиФ, 2004, №46).

2. Многие на Западе не знают о том, что «наше все» - это Пушкин... А вот нашего Калашникова знают все, даже аборигены в банановых республиках (О. Сереброва // АиФ, 2004, № 45).
3. Россия – не родина братьев Гримм, здесь прав всегда тот, кто ожидает худшего исхода в любом деле (М. Глобачев // НВ, 2005, № 1 – 2).
4. Мария Шарапова. Кричащая Золушка (Р. Бекназар-Юзбашев // НВ, 2004, № 52).
5. На Славянской площади состоялся митинг. Пока толпа миновала металлоискатели, над площадью носился бодрый женский голос, который должен был настроить собравшихся на «белую революцию». Из динамиков раздавался текст, почти по Оруэллу: – Мы построим новую Россию, Россию–3, державу для молодых и сильных. Россия–3 станет страной нового порядка <...> (О. Боброва и др. // НГ, 2005, № 83).
6. По прежним местам службы его [М. Фрадкова, председателя правительства РФ] характеризуют как осмотрительного человека, тщательно выверяющего свои слова и решения, корректного и скорее приятного, чем жесткого. Что-то вроде Павла Ивановича Чичикова без криминальных наклонностей (Ю. Александров // НВ, 2004, № 52).